

Т3(2Кет)4
К 5846

Х а г я с

Эсен уулу Кылыч

История
енисейских
кыргызов

К ТЗ(24)
7846

Фонд исследования истории и культуры Кыргызстана "Алп Сол"
Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева

Эсен уулу Кылыч

Хагяс

История енисейских
кыргызов

Фонд «Алп Сол»
Бишкек – 2013

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Кн)
Э 84

Утверждено к печати Ученым Советом Кыргызского
государственного университета им. И. Арабаева (протокол №14)

Рецензенты: Абдырахманов Т.А.	доктор исторических наук, профессор
Каратаев О.К.	доктор исторических наук, профессор
Капалбаев О.Э.	кандидат исторических наук, доцент
Отв. ред.: Маанаев Э.Ж.	доктор исторических наук, профессор

Эсен уулу Кылыч

Э 84 Хагяс. История енисейских кыргызов. / Кырг. гос. ун-т им. И. Арабаева; Фонд «Алп Сол». – Б.; 2013. – 267с.

ISBN 978-9967-08-401-8

Монография автора представляет собой совершенно новый взгляд на историю кыргызов Енисея, в которой представлена новая концепция происхождения древних кыргызов; их появление на Енисее; этнические процессы приведшие к образованию там Кыргызского бийлика (владения) - первого государственного образования кыргызов на Енисее; образование Каганата и многое, многое другое. Книга рассчитана на широкий круг читателей, а также тех, кто занимается проблемами истории и культуры Кыргызстана профессионально.

Э 0503020911-13

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2Кн)

ISBN 978-9967-08-401-8

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Кыргызской Республики

© Эсен уулу Кылыч, 2013

Резюме

Этот труд посвящен истории енисейских кыргызов и их государства, возникшему на среднем течении Улуг-Кема (Енисей) в раннем Средневековье. В нем повествуется об истории этого государства и его населении: культуре, образе жизни, хозяйстве, ремеслах, этническом составе, обычаях, нравах, религиозных верованиях, вооруженных силах, экономике, государственном устройстве, этно-политической истории в разные исторические периоды. Здесь, представлены и приведены практически все сведения и известия исторических (письменных) источников разных времен и народов о Хагясе и его населении; этнографические, археологические, антропологические материалы.

Подробно освещен древнейший период кыргызской истории, предшествовавший появлению кыргызов на Енисее. Также, исследован процесс образования кыргызского государства; события сер. IX века н.э. Затрагиваются важные проблемы, связанные с историей Южной Сибири и Центральной Азии.

Бул эмгек алгачкы Орто-кылымдарда Улуг-Кем (Енисей) дарыясынын ортолук агымынын аймагында пайда болгон енисейлик кыргыздардын мамлекетинин жана анын элинин тарыхына арналган. Анда, бул мамлекеттин жана анын эли-журтунун тарыхы, этникалык курамы, жашоо турмушу, үрп-адат салттары, диний ишенимдери, чарбасы, маданияты, турмушу, этносаясий тарыхы чагылган. Бул жерде, ар кайсыл элдердин жана мезгилдердин тарыхый (жазма) булактардын Хагяс жана анын эли тууралуу бүтүндөй маалыматтар жана кабарлар келтирилген; этнографиялык, археологиялык, антропологиялык материалдар көрсөтүлгөн.

Кыргыздардын Енисейде пайда болгонуна чейинки мезгилге таандык кыргыз тарыхынын эң байыркы доору; Кыргыз мамлекетинин түзүлүшүнүн процесси; б.з. IX кыл. орто чениндеги окуялар кеңири изилденип, чагылдырылган. Мындан тышкары, Түштүк Сибирь жана Борбордук Азиянын тарыхы менен байланыштуу болгон маанилүү маселелер козголуп кетет.

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Кыргызы на Енисее	22
Глава II. Кыргызы в Тюркский период	88
Глава III. Кыргызы в VIII-X вв.	115
Глава IV. Кыргызы в Монгольский период	184
Глава V. Страна кыргызов в XVI-XVII вв.	206
Глава VI. Кыргызы в Древнейший период. Этногенез древних кыргыз.....	214
Заключение	254
Список использованной литературы	259

Предисловие

Кыргызы - являются одним из древнейших народов Средней Азии. Истоки кыргызской истории уходят в глубину тысячелетий, в далекие и темные времена седой древности. Древнейшая история кыргызов протекала в том мире, который древние именовали Скифией. Он охватывал обширные районы горно-степной Азии и восточной Европы.

Кыргызы были родственны и этнически близки к таким "скифским" или "сакским" племенам древности, как аримаспы, саки (которых эллины (древние греки) именовали скифами), тохары, усунь, скифы (которых персы именовали саками) и т.д., с культурой так называемого "скифского" или "сакского" типа, как это принято называть или обозначать в исторической науке. Древние кыргызы обитали в восточной части Скифии, в Азии, примерно в районах Восточного Притяньшанья. Это было кочевое государство, которое вело подвижный образ жизни.

Первые известия о древних кыргазах относятся к гуннской эпохе, ко времени становления и расширения Центральноазиатской кочевой державы Хунну. Древние кыргызы относились к так называемым народам Западного края (как именовали китайцы земли, расположенные к западу от Ханьской империи (Древнего Китая)) и, наряду с другими, подчиненными хуннам народами Западного края обитали в пределах западных границ Хуннского государства.

Происхождение древних кыргызов было связано с юеджами, древнейшими скифами, которые, как теперь уже можно говорить с достоверностью, являются основателями наиболее ранней кочевой державы. Были они тюркоязычны. Первоначально она состояла из собственно племен скифского типа, которые были расселены на пространствах горно-степной Азии в нач. I тыс. до н.э.

Впоследствии, в состав империи алтайских скифов вошли и другие этносы, не скифского происхождения. Так например, на юго-востоке в ее составе были племена сюнну, или как их обозначали позднее в китайских исторических (письменных) источниках-хунну, которые вплоть до конца III века до н.э. были вассалами и данниками юеджей. Известно, что под термином юеджи объединяются кочевые племена одного и того же типа, т.е. с единой культурой, и видимо единого происхождения. Не смотря на то, что каждое племя имеет свое имя и некую самостоятельность, тем не менее определить их захоронения от других невозможно. Так например, ученые -археологи до сих пор не могут определить, где сакские курганы, а где усуньские, а где собственно юеджийские. Настолько они похожи друг на друга, что ученые разводят руками. Все курганы, их внутреннее устройство удивительно похожи друг на друга.

К юеджи относились усунь, асаны, тохары, азы(аты) и возможно кыргызы. Так исследования показали, что тохар, это ни что иное, как древнетюркское -такыр (тохыр)-безволосый (плешивый). Так себя называло одно из юеджийских племен, которая брила волосы на голове, в подражание грифонам, которым они поклонялись. Жили они первоначально на Алтае, и поэтому их отождествляют с алтайскими скифами. В античные источники они попали как

легендарные «стерегущие золото грифы» Аристия из Проконесса (поэма «Аримаспея»).

Племенам юеджийского типа относятся археологические памятники, так называемые «царские курганы», разбросанные по берегам горных рек, стекающих с северных склонов Заилийского Ала-Тау и впадающих в реку Или, а также с берегов рек Талгар, Малая и Большая Алмаатинка, Каскелен, Курты на левом берегу Или, на правом берегу р. Тургенъ-Каракермер, по берегам рек Чилик, Чарын, Кеген, Каркара, по верховьям рек Каратал, Аксу, Аягуз; Чиликтинские курганы Восточного Казахстана, Пазырыкские Горного Алтая, а также Южно-Сибирские и Тувинские курганы скифского типа. Все они характеризуются единством основных компонентов культуры, что объясняется кровнородственными связями и единым происхождением племен, оставивших эти захоронения.

Наибольшего расцвета культура алтайских скифов достигает в Пазырыкское время. Культура кыргызов очень похожа на Пазырыкскую, что несомненно указывает на принадлежность древних кыргызов к пазырыкским скифам, которых отождествляют с собственно юеджами. Племена пазырыкской культуры расселялись на обширных территориях, расположенных между Тянь-Шанем и Алтаем, включая сам Южный и Горный Алтай, Туву и даже Минусу. Они распространили свою власть до границ Древнего Китая, а на юго-западе до индо-иранского мира. В их подчинении вплоть до конца III века до н.э. находились хунну, которые были данниками и вассалами юеджей.

Культура алтайских скифов очень напоминает культуру современного кыргызского народа в горах Ала-Тоо.

Первое упоминание кыргызов в исторических (письменных) источниках, которые относятся к концу III в. до н.э. отнюдь не означает, что это время образования древнекыргызского этноса. Это явствует из характера исторических известий, в которых упоминаются кыргызы. Кроме этого, следует отметить, что наряду с кыргызами, в тех же известиях упоминаются и древние кыпчаки (цзюеше, кюэше кит. источников) как непосредственные соседи кыргызов, в тюркоязычности которых, пожалуй, ни один автор не сомневается. Кыпчаки, которые также являются предками современных казахов, жили где-то в приалтайских областях или на Алтае, и несомненно, также были скифского происхождения.

Напомним, что наследие былой культуры Алтайских скифов хорошо прослеживается в культуре казахов Среднего Жуза и кыргызского народа Ала-Тоо, а также у южных алтайцев. Древние кыргызы по-видимому с глубокой Древности кочевали в пределах земель, расположенных между Тянь-Шанем и Алтаем. В этой части Центральной Азии и находилась их прародина, связанная с их этногенезом и ранней этнической историей, восходящей своими корнями к скифской эпохе.

Данные семантики этнонима «кыргыз», также дают основание связывать их с юедами, поскольку и у юедаев и у кыргызов главной составной частью этнонима является элемент-«Аз», его дивергентные формы. Районы Джунгарии и Восточного Притяньшанья, где, согласно китайским письменным источникам эпохи Хань обитали кыргызы, были населены племенами азиатских скифов. Древнекыргызские курганы скорее всего находятся в тех

местах, где расположены сакские (скифские) курганы Пазырыкского типа.

К концу II века до н.э. в западную часть Центральной Азии начинает проникать Ханьский Китай, который в это время совершает своего рода открытие Запада. В этот период Китай непосредственно сам получает различные сведения и известия о странах и народах Западного края. Однако, информация о населении Центральной Азии и Сибири проникала в Китай и раньше. Древнекитайская официальная историография донесла до наших дней интересные и ценные сведения об Азиатской части Скифии.

Эти материалы мы можем почерпнуть из Исторических записок (Ши Цзи) Сыма Цяня, «отца истории» в Китае, жившего в конце II и нач. I в. до н. э. Его произведение является первым по времени памятником китайской официальной историографии. Он был закончен внуком Сыма Цяня, Янь Юнем в 73 г. до н.э. «Ши-Цзи» охватывает период с древнейших времен до 98 г. до н.э. Также, из «Истории старшего дома (династии) Хань» («Цянь Хань Шу») (202 г. до н.э.-25 г.н.э.), которое было составлено Бань-Гу; из «Истории младшего дома Хань» («Хоу Хань Шу») (25-265 гг. н.э.); Из «Истории династии Вэй» (386-581 гг. н.э.); из «Истории северных дворов», написанной в VII в. н. э.; из «Истории династии Тан» (618-907 гг.).

Материалы, относящиеся к истории народов, обитавших в Центральной Азии в Древности и Средневековье были переведены на русский язык известным ученым-китаеведом, монахом Иакинфом Бичуриным. Его знаменитый труд так и называется: «Собрание сведений, о народах, обитавших в Средней Азии в Древние времена» и был опубликован в 1891 году в Санкт-Петербурге.

Интерес к истории кыргызов возник давно, еще в XVIII веке. Вначале это были лишь ознакомительные поездки по местам обитания кыргызов в Южной Сибири. Затем, по мере накопления исторических источников начали появляться научные исследования. Историей кыргызов занимались такие ученые, как И.Е. Фишер, И.Г. Георги, Ю. Клаппорт, К. Риттер, Н.Я. Бичурин (Иакинф), Ч. Валиханов, В. Шотт, В. Радлов, Н.А. Аристов, В.В. Бартольд, Г.Е. Грум-Гржимайло, А.Н. Бернштам, С.В. Киселев, Л.Р. Кызласов, С.М. Абрамзон, К.И. Петров, В.П. Мокрынин, О. Караев, Ю.С. Худяков и др.

Сведения о древних кыргызах, интересующего нас периода, как правило содержатся в описании событий, связанных с политической историей кочевой империи Хунну, возникшей в конце III в. до н.э. к северу от границ Древнего Китая, в Великой степи. Информация, содержащаяся там очень скудна, фрагментарна, а порой и противоречива, что крайне затрудняет исследование ранней этнической истории древних кыргызов. Археологические источники, антропологические данные, а также этнографические материалы, имеющиеся в распоряжении современного Кыргызоведения относятся к более поздним периодам истории древних кыргызов.

Во времена гуннов, господствовавших в восточной части Великой степи, кыргызы населяли западные пределы Хуннской державы. Официальная китайская историография относит их к так называемым народам Западного края, обитавшим к западу от Срединной империи, как именовали китайцы свое государство.

Если ученые не археологи полагают, в силу известных причин, что древние кыргызы всегда жили в Южной Сибири, с древнейших времен, то археологи, как правило, считают их

выходцами из других районов Азии, и их труды, всецело направлены на изучение процесса переселения кыргызов на так называемый «Енисей» (под которым обычно подразумевают земли, расположенные на север от западного Саянского хребта), и историю смешения пришлых кыргызов с местным населением и образования так называемых «енисейских» кыргызов. Большое внимание в трудах исследователей уделяется также изучению материальной и духовной культуры, хозяйства, быта, политической истории.

Предлагаемая на суд читателей монография представляет собой совершенно новый взгляд на историю кыргызов Енисея, в которой, представлена новая концепция происхождения древних кыргызов; их появление на Енисее; этнические процессы приведшие к образованию там Кыргызского бийлика(владения)- первого государственного образования кыргызов на Енисее; образование Каганата и многое, многое другое.

Древние кыргызы (гегунь, гянгунь древнекит. источников) обитали в Восточном Притяньшанье. В конце II в. н. э. или в III в. н. э. часть кыргызов (Восточные кыргызы) по каким-то причинам отделилась (или была отделена) и волею судьбы оказалась на севере, и поселилась в междуречье Абакана и Кема (Енисей), в Койбальской степи. Другая же часть древних кыргызов (Западные кыргызы) продолжала жить на своих прежних землях. Восточные кыргызы, вскоре перешли на левый берег Абакана, в левобережную часть Минусинских степей. В первое время центр кыргызских кочевий располагался в Койбальской степи, где на горе Изых-тах находился их основной некрополь, усыпальницы вождей восточных кыргызов. Затем уже, в последующее время, центр кыргызских кочевий перешел в степи Уйбата, которые и поныне считаются лучшими пастбищами Минусинских степей. Здесь и были расположены стойбища самых богатых и сильных скотоводов, возглавлявших кыргызский племенной союз на Енисее.

Весь кыргызский племенной союз, первоначально, в значительной мере состоял из местных этнических групп населения, которые до этого обитали в этих краях. Динлины, частично были вытеснены на другие территории, но в значительной мере, были подчинены кочевниками кыргызами, которые образовали Кыргызско-Динлинский племенной союз. Затем, он перерос в государство, располагавшееся по обе стороны среднего течения реки Кем (Енисей). Динлины, составляли большинство населения государства, но находились в зависимом положении. Это были, в общем, белокурые, голубоглазые, светлокожие люди, европеоидного типа, которые обитали на этих землях с

незапамятных времен. Это были люди искусные в обработке металлов, земли, выращивании различных земледельческих культур, занимавшиеся охотой, рыбной ловлей, строительством, ювелирным и кузнечным делом, домашним хозяйством. Именно на их основе сложился так называемый народ енисейских кыргызов.

В целом, этногенез народа енисейских (Кемских) кыргызов происходил, первоначально в левобережной части среднего течения Кема (Енисей). Население же правобережной части, хотя и находилось в зависимом и подчиненном положении от "левобережников" (т.е. восточных кыргызов), тем не менее оно в течение долгого времени сохраняло свое этническое своеобразие, т.е. признаки, которые были присущи собственно динлинам, которые на востоке обитали до Байкала.

Правобережные племена Енисея были, в общем, рослы, белокуры, голубоглазые, светлокожи и вели динлинский образ жизни. На них, как на жителей восточной части государства, так же распространялся термин Кыргыз, как и на все население страны кыргызов. Поэтому, китайское посольство, шедшее в ставку кыргызского правителя по так называемой "восточной" дороге, посетило восточные районы Кыргызского государства и, описало земли, природу, обычаи, нравы, образ жизни, внешний вид и занятия местного населения, и они (т.е. китайские послы) записали, что "жители, вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом, и голубыми глазами", что и ввело путаницу в исследования историков, которые начали утверждать, что кыргызы испокон веков были белокурым, голубоглазым народом. На самом же деле, кыргызы, были типичными кочевыми тюрками, хорошо сохранившие свое этническое своеобразие, характерное для

исконно тюркского типа, т.е. монголоидный антропологический тип с определенной примесью европеоидных соматических признаков, с соответствующим укладом хозяйства, образа жизни, культуры.

Правобережная часть Енисея, горно-таежные племена этого края в меньшей мере подвергались чужеземному влиянию с запада, чем левобережная часть населения Минусинской котловины. Поэтому, там, во время прохождения по их землям китайского посольства действительно преобладало белокурое население, среди которых мог быть незначительным черноволосый и кареглазый элемент. Кстати, в средние века, в правобережной части Кема (Енисея) в большом количестве обитали самодийские и самоедские племена. По словам китайского посла, они именовали государя кыргызов Ажо, а юрту, где он располагался - Мидичжи. Ученые установили, что первое, т.е. Ажо, ничто иное, как самоедское "ассе" ("асо") - "отец", в значении "отец страны". Что касается второго (т.е. Мидичжита), то оно происходит от самодийского "миди (меади)" - место палатки ("место, где располагался правитель").

Западные кыргызы долгое время жили в пределах мест традиционного обитания отцов и дедов, вплоть до VI-VII вв. Они входили в состав господствовавших в свое время в Центральной Азии кочевых держав.

Во время обитания в выше указанных районах Азии Западные кыргызы, входили в конфедерацию тюркских племен, известную как - Теле китайских источников (огузы). Причем соседями кыргызов было племя «уйгур».

У теле были, в общем, схожие этнические признаки, начиная от головного убора, языка и т.д., и кончая погребальным обрядом (погребения с конем). Даже согласно эпосу "Манас" кыргызы и уйгуры являются частями одного народа. Кыргызы, здесь обозначаются как байгуры, одна часть народа, другой частью которого были уйгуры. Это полностью согласуется с историческими данными, по которым Среднеазиатские кыргызы, потомки Алтайских (Западных) кыргызов описываются как один из огузских народов, т.е. исторические сведения указывают на огузское происхождение Алтайских (Западных) кыргызов.

Действительно, подобные известия об Алтайских (Западных) кыргызах верны, поскольку они в свое время входили в огузскую общность образовавшейся из ряда восточно-тюркских племен. Этих племен было десять. К началу VII в. или в нач. VII в. кыргызы - теле отделились от прочих телесцев, и переселились на север Алтая. Впоследствии, оставшиеся в степи огузы создали новое кочевое объединение - Тогуз-огузы (Девять огузов).

Длительное проживание среди племен Теле сказалось на их культуре, которая если не полностью, то во многом стала похожа на телесскую. Тем не менее, кыргызы все таки не полностью интегрировались в телесскую среду и в VI веке отделились от них. А поселились они на севере Алтая, в верховьях Оби, вклинившись своеобразным буфером между берельскими племенами, к западу от Минусы. В это время прекращает свое существование верхнеобская культура. Это хорошо прослеживается на основе археологических источников. Затем они уже вступают в непосредственный контакт с енисейскими кыргызами и вообще населением Минусинской котловины.

Для енисейских кыргызов был характерен обряд трупосожжения и ряд характерных для них элементов культуры, которые хорошо известны, и сохранялись у них вплоть до XVIII века. Алтайские кыргызы были типичными кочевниками, а енисейские кыргызы вели смешанное хозяйство, в котором было и скотоводство, и земледелие. Сильно отличалась и их культура, погребальный обряд, возможно, скорее всего небольшие различия могли быть и в диалекте.

Именно с кыргызами-Теле было связано образование Кыргызского Каганата. Проникнув в Минусу, они постепенно выходят на ведущее положение, руководят Енисейской коалицией, время от времени вмешиваются в Центрально-азиатские дела. Наличие двух групп кыргызов на Енисее, явление новое для исторической науки Кыргызстана. Это подтверждается анализом письменных источников, содержащимися там сведениями, а также, что очень важно, археологическими источниками. Погребения, выполненные по обряду трупоположения в сопровождении коня, датированные VI-IX вв. н.э. расположены в западных частях Минусинской котловины и на севере Алтая. Ученые старались обходить этот вопрос стороной, ибо не могли дать на него вразумительный ответ. Но с течением времени их количество настолько возросло, что археологи были вынуждены обратиться к ним.

По мнению Гумилева, Гавриловой, Савинова, Трифонова погребения с конем относятся не к тюркам - тугу, а к другим тюркоязычным племенам, в первую очередь, телесским, входившим в состав древнетюркских каганатов. Киселев и Евтюхова, считали, что погребения с конем принадлежали енисейским кыргызам. С.А.Теплоухов,

относивший раскопанное им погребение на р. Таштык к VII в., отмечал, что подобного рода захоронения являются новым типом для Минусинского края.

В целом, мнение ведущих специалистов в области Сибирской археологии древнетюркского периода (VI-IX вв.) сводится к тому, что погребения с конем, на территории Минусинской котловины образуют определенный хронологический ряд, и свидетельствуют о длительном проживании на протяжении VI-IX вв. в Минусинской котловине какой-то группы населения, для которых был характерен обряд трупоположения в сопровождении коня. Это были кыргызы-Теле и проникли они на Енисей с северного Алтая в VII веке. Кыргызские погребения с конем не идентичны, но очень похожи на телесские.

Население Минусы, скорее всего представляло собой конгломерат различных этнических групп населения, довольно небольших. Но их было довольно много, и были они разные, по языку, образу жизни, культуре. Еще в XVI-XVII вв. русские переселенцы застали на Енисее довольно разнообразное население. Кроме Енисейских кыргызов там проживало большое количество не кыргызского населения, которое находилось в подчинении у первых. Среди них были как тюркоязычные, так и кеттоязычные, самоедоязычные группы. При этом, в политическом отношении страна была раздроблена и делилась на ряд улусов или княжеств.

Так, в бассейне Абакана, от верховья его до реки Уйбата включительно, находился Алтырский улус с центром на реке Нине, правом притоке Уйбата. Господствующее население его составляли кыргызы (частично и телеуты). Данниками (кыштымами) этого улуса были сагаи, западные ирkitы, бельтиры, саяны и точки. По обеим рекам Июсам, около

Божьего озера, частично по Чулыму и в бассейне правого притока Енисея - Сисима был Алтысарский улус. Ядро его составляли кыргызы, частью тюркоязычные каш (качинцы), саха (или соккы) и аргын, около которых жили разноплеменные кыштымы, именуемые в документах: ачи, тинцы, басагары, шусты, комлары, кызылы, аринцы, ястынцы и др. На правой стороне южного Енисея простирался большой Тубинский улус с центром на реке Упсе или Тубе, охватывавший бассейны рек Сыды, Тубы, Ои и степь между Енисеем и правобережьем Абакана. Господствующим населением здесь были тубинцы, южносамоедского происхождения, далекие потомки Дубо китайских летописей (Танской династии). Они скрещивались и смешивались путем браков с тюркоязычными кыргызами (частично и качинцами). Кыштымами же князей Тубинского улуса, состоявших в брачном родстве с княжескими семьями кыргызов, источники называют камасинцев, богоджы, мингатов, байкотовцев, кайдынцев, ирkitов, иногда качинцев и некоторые группы тюркоязычных шорцев, обитавших по рекам Кондоме и Мрассе.

Езерский улус (он же иногда называется в документах Керетским) простирался по левобережью Енисея от реки Абакана на север, примерно до Батеневского хребта. Господствующей группой здесь также были кыргызы.

В VI-VII вв. картина конечно же могла быть еще более пестрой. Тем не менее, все эти разрозненные и различные этнические группы населения того времени, объединяла одна главная цель, в которую они вступали добровольно и с особым старанием-это защита от сильных и многочисленных внешних врагов, в первую очередь кочевых империй Великой степи, которые, постоянно совершали свои военные походы

на север, за Когмен. Там было много хлеба, кузнецов-оружейников, мастеров по обработке металлов, которые в большом количестве выделяли различные виды оружия, шедшее на экспорт.

Всех, кто входил в Кыргызский племенной союз на Среднем Енисее объединяла единая территориально-географическая общность и стремление защитить себя от сильных врагов. Поэтому, находясь в определенном геополитическом пространстве, этнические группы объединялись, во главе которых стояло более активное и предприимчивое племя. Если до VII века таковыми были енисейские кыргызы, то после VII века эта инициатива перешла к Алтайским кыргызам. Различие интересов племен Енисея сказались после известных событий сер.IX века н.э. Речь идет о 840 годе, когда кыргызское войско атаковало столицу Уйгурского каганата город Орду-балык. Вскоре, после смерти кагана, в 847 году походы кыргызов прекратились, и племена стали возвращаться на свои прежние земли, к которым они так привыкли. Несомненно, могли быть сторонники создания каганата в степи. Это конечно же Алтайские кыргызы. Но они были малочисленнее других. Многочисленной была группировка енисейских кыргызов, которая разумеется была за то, что бы возвратиться назад. Их несомненно поддерживали другие этнические группы населения Среднего течения Кема (Енисея)-самодийцы, самоеды, кетты и др. Енисейские кыргызы заселили только Туву. Горнотаежники и рыболовы разумеется не желали переселяться в Великую степь. В результате, мы допускаем, что в орде была междоусобица, в результате чего алтайские кыргызы были вынуждены

двинуться в Прииртышье, к югу от Алтая, а некоторая их часть проникла далее, на Тянь-Шань.

Этим и объясняются причины развала Каганата. После крушения Уйгурского каганата в степи больше не было серьезного врага. Что касается империи Тан, то от нее в IX веке оставалось только одно название. В IX веке Танское государство было ослабленным, лишенным прошлых завоеваний и не имела контроля над территориями Западного края. В стране царила разруха, голод и междуусобица. Генерал-губернаторы (цзедуши) фактически являлись независимыми правителями в своих провинциях, вели ожесточенную борьбу друг с другом и с центральной государственной властью. Танское государство было почти полностью изолировано от центрально-азиатских дел. Положение усугублялось также интригами и распрями при императорском дворе. Более того, страна подвергалась постоянному военному и дипломатическому давлению со стороны Уйгурского каганата, Тибетского государства и Южного Чжао (Наньчжао). При этом, она теряла большие территории или вынуждена была откупаться "богатыми подарками" (так танские вельможи именовали уплату громадных контрибуций и дань). Танское государство медленно, но неуклонно приближалось к гибели, и ничто не могло остановить этот процесс.

Что же касается Тибета, то уже в первом десятилетии IX века там началось постепенное ухудшение обстановки внутри самого государства, приведшее к его ослаблению и распаду. Уже к 840 году страна была развалена, раздираемая междоусобной войной.

Как видим, кыргызам никто серьезно уже не угрожал. В этих условиях надобности в существовании сильного

каганата не было, и племена занимались вполне мирными делами, вплоть до возвышения кара-китаев. Принцип, объединяться в сильную структуру начинал работать, когда появлялась угроза - сильный враг. Не следует исключать конечно и наличие локальных конфликтов, междуусобицы среди самих енисейских племен, живших за Когменом (Сайлогемский хребет и прилегающая часть Саянских гор).

В монографии содержатся много нового и интересного материала, суждений, которые являются новым словом в Кыргызоведении, на пути изучения истории кыргызов Енисея вплоть до XVIII века.

Эсен уулу Кылыч

Кыргызы на Енисее

Хагяс* - так, в китайских исторических (письменных) источниках эпохи Тан** обозначалось кыргызское государство, которое находилось далеко на северо-западе от Срединной империи, т.е. Китая. Установлено, что Хагяс располагался в Южной Сибири, в Минусинской котловине. Время образования этого государства неизвестно. В исторических (письменных) источниках об этом сведений нет. Известно лишь, что его население именовалось кыргызами.

Минусинский край с запада окружен горами, с севера - ограничен таежными пространствами, а с востока - водораздельными хребтами, с которых в сторону Минусинского края направляются правые притоки Енисея - Туба с Амылом, Казыром, Кизиром, Сыда, Сисим и много других, менее значительных; в другую же сторону, на восток и север-Бирюса, Кан, Мана. На юг от Минусинского края распространяется обширный Урянхайский край, замкнутый хребтами Саян и Танну Ола, который пересекается пополам, как и Минусинский край, Енисеем - Улуг Кем.

* Хагяс - одна из письменных форм древнекитайской передачи названия Кыргыз, исходя из особенностей норм древнекитайской письменности. Появилась и употреблялась в эпоху Тан.

** Династия Тан правила в Китае с 618 по 907 г.н.э.

Кыргызы продолжали обитать на Енисее вплоть до начала XVIII века. Согласно русским историческим источникам во второй половине XVII века Хагяс состоял из четырех княжеств: Алтысарского, Алтырского, Тубинского и Езерского. Кроме собственно енисейских кыргызов, а также других тюркоязычных племен в Хагясе жили и кеттоязычные и самоедоязычные группы населения (Потапов; 1952: 48).

В конце XVII века в бассейне Абакана, от его верховья до реки Уйбата включительно, находился Алтырский улус с центром на реке Нине, правом притоке Уйбата. Господствующее население его составляли кыргызы (частично и телеуты). Данниками (кыштымами) этого улуса были сагаи, западные иркиты, бельтиры, саяны и точжи. По обеим рекам Июсам, около Божьего озера, частично по Чульму и в бассейне правого притока Енисея - Сисима был Алтысарский улус. Ядро его составляли кыргызы, частью тюркоязычные каш (качинцы), саха (или соккы) и аргын, около которых жили разноплеменные кыштымы, именуемые в документах: ачи, тинцы, басагары, шусты, комлары, кызылы, аринцы, ястынцы и др. На правой стороне южного Енисея простирался большой Тубинский улус с центром на реке Упсе или Тубе, охватывавший бассейны рек Сыды, Тубы, Ои и степь между Енисеем и правобережьем Абакана. Господствующим населением здесь были тубинцы, как полагают, южносамоедского происхождения, которых отождествляют с далекими потомками Дубо китайских летописей. Они скрещивались и смешивались путем браков с тюркоязычными кыргызами (частично и качинцами) (Потапов; 1952: 50- 51). Кыштымами же князей Тубинского улуса, состоявших в брачном родстве с княжескими семьями кыргызов, источники называют камасинцев, богоджы,

мингатов, байкотовцев, кайдынцев, ирkitов, иногда качинцев и некоторые группы тюркоязычных шорцев, обитавших по рекам Кондоме и Мрассе (Там же; 51).

Езерский улус (он же иногда называется в документах Керетским) простирался по левобережью Енисея от реки Абакана на север, "примерно до Батеневского хребта и, следовательно, находился посреди остальных кыргызских княжеств. Господствующей группой племен здесь также были кыргызы" (Там же).

Образование государства Хагяс было связано с приходом на Енисей группы древних кыргызов. Первоначально они проникли в междуречье Абакана (Абу - кит. ист.) и Енисея (Кянь - кит. ист.) в Минусинской котловине. Об этом, вероятно, и упоминается в приводимой в Бэй Шы * легенде о происхождении Цигу**, которые обитали в междуречье Абакана и Енисея (Супруненко; 1974: 240).

Эти кыргызы обитали в выше указанных районах еще в начале V в.н.э. и упоминаются в Бэй Шы (Северная История) в форме Егу***. Согласно этим сведениям, их покорили жужани (Иакинф; 1851: 210). Это, подтверждается и археологическими данными. Так, в очень сложной по компонентному составу таштыкской культуре до определенного времени отсутствуют те характерные

элементы древнетюркского комплекса, которые вводят культуру кыргызов владения Цигу (Кыргыз) в круг родственных культур Центральной Азии и Южной Сибири раннего Средневековья. Начало распространения этих элементов связывается со временем образования раннетюркского владения Цигу, благодаря которому усиливается центрально-азиатский компонент таштыкской культуры (Савинов; 1984: 42).

Обращает на себя внимание явно социальная окраска всех восточных и центрально-азиатских элементов таштыкской культуры (масштабы пирамидальных склепов, погребальные статуэтки людей и животных, церемониальные зонты и т.д.), что позволяет относить погребения, в которых они были найдены, к социально-привилегированному слою населения.

Владение Цигу на Среднем Енисее было этно-социальным объединением, возникшим в результате распространения влияния зарождающейся древнетюркской государственности (Савинов; 1984: 42). Этим, социально-привилегированным слоем населения, очевидно и были кыргызы-цигу (Восточные кыргызы), которые, переселившись в междуречье Абу (Абакан) и Кянь (Енисей) обосновались там, став господствующим элем среди племен Среднего Енисея. Согласно мнению Л.Р.Кызласова тюркоязычные кыргызы, будучи ядром объединяющим и возглавлявшим разноразличные племена и роды (угорские, самодийские и тюркоязычные), входившие в одно государственное целое, продолжали оставаться малочисленными и в VI-XII вв. «Свидетельством тому являются все известные сообщения об их численности. Недаром в памятнике древнетюркского полководца Кюль Тегина (VIII в.) сказано: "Мы завели порядок в немногочисленном народе киргизов". А в "Синь Тан Шу"

* Бэй Шы — Северная История (318-618 гг.)

** Цигу — одна из письменных форм древнекитайской передачи названия Кыргыз, исходя из особенностей норм китайской письменности.

*** Егу — одна из письменных форм древнекитайской передачи названия Кыргыз, исходя из норм древнекитайской письменности.

говорится, что "гянь-гуни (кыргызы), есть небольшой род", хотя там же указано, что народонаселение "государства Хагяс (Киргиз)" в целом достигало до "нескольких сот тысяч (человек)". О прибытии в страну "колена (т.е. рода - Л.К.) по имени Хирхиз" или к "поколению Кирцзису", или даже прямо "к роду Килигисы" - говорят и другие разноязычные источники X-XIII вв.» (Кызласов; 1968: 90).

Л.Р.Кызласов приходит к выводу, что кыргызы были не особым народом, а немногочисленной, но руководящей группой среди племен Минусинской котловины. Из их состава выходили беги, возглавлявшие все племена Среднего Енисея. «Старейшинами, ханами, а затем каганами в этом государстве становились люди из рода Кыргыз, которые и составляли родовую княжескую верхушку» (Кызласов; 1968: 91). «Чрезвычайно интересно, - продолжает он, - что в известных "древнекыргызских" надписях VII-XII вв., обнаруженных в бассейне Верхнего и Среднего течения Енисея, не упоминается имени кыргызов. Зато, там постоянно встречается термин эль (на разных наречиях писался как эл или ил), переводимый лингвистами в достаточной степени условно, как "государство, племенной союз, народ..."» (Кызласов; 1968: 91).

По его мнению, эль енисейских надписей есть своеобразный синоним аристократического рода Кыргыз, находившегося у власти в государстве на Среднем Енисее. «Для современников населения одного государства слово эль не требовало никакой дополнительной расшифровки. Все знали, что такое господствующий эль. Поэтому, имя рода Кыргыз не писалось. Кроме того, нельзя было назвать кыргызами и часто упоминающийся в надписях кара-будун (т.е. черный или простой народ), ибо народ относился к

другим родам и племенам. Противопоставление или разграничение эля и кара-будун в этих эпитафиях довольно обычно».

Л.Р.Кызласов утверждает, что "кыргызов, как особого народа, на Енисее никогда не было, и нет никаких данных для утверждения, что слово Кыргыз когда-либо служило самоназванием всего населения Хакасско-Минусинской котловины» (Кызласов; 1968: 97).

С.В.Киселев тоже указывал на то, что ни в одной рунической надписи, найденной на Енисее, в области расселения самих кыргызов, ни разу не встречено это их имя. В Енисейских надписях господствуют местные наименования племен, позволяющие нанести на карту некоторые из кыргызских племенных объединений. Так, на территории современной Тувинской автономной области, в бассейне Улуг-Кема и Бей-Кема, в VII-VIII вв. обитали племена тюлебари, а в долине Кемчика — кештимы. На территории Минусинской котловины, в степях между Абаканом и Енисеем надписи размещают "превосходный народ большар". Что же касается более северных районов, то там, на обширном пространстве от Уйбата до Белого Июса на запад от Енисея жили "народы ач и билиг" (Киселев; 1951: 562).

По его мнению, такое господство местных наименований, при отсутствии общего - кыргыз (в то время хорошо известного политикам Центральной Азии и Китая), указывает на два обстоятельства. Во-первых, на превосходство исконно енисейских элементов, для которых очень долго имя Кыргыз было чуждым. Во-вторых, на известную слабость политического единства енисейских племен в VII в., когда была создана основная масса надписей тувинских и минусинских степей (Киселев; 1951: 562).

С.В.Киселев указывал на устойчивость в кыргызской среде местных динлинских элементов, «которую косвенно подтверждает и тот факт, что общее наименование Кыргыз отсутствует в Минусинских и Тувинских надписях. Очевидно, для большинства приенисейского населения, издревле местного, южное имя Кыргыз (Гянь Гунь) долго было чуждым. Лишь в упорной борьбе за самостоятельность против тюрков и уйгуров в VII-IX вв. приенисейские "народы" объединились под общим наименованием Кыргыз» (Киселев; 1951: 562).

В Вэй Шу приводится легенда о происхождении тюрков, согласно которой кыргызы (цигу) и тюрки были одного происхождения (Грум-Гржимайло; 1933: 176-177). Там говорится, что «предок турок был родом из владения Со, лежавшего к северу от хуннских пределов. Его потомок, Ичжи Нишиду, отличавшийся сверхъестественной способностью производить ветер и дождь, имел четырех сыновей, из коих один обратился в Лебеда, другой царствовал под именем Ци-Гу (Кыргыз - Э.у.К.) между реками Абу (Абакан) и Гянь (Кем), третий со своими подданными поселился на берегах р. Чу-си и, наконец четвертый, старший, прозывавшийся На-ду-лу, ушел в горы Ба-сы Чу-си-ши (верховий Чуи). Этого последнего народ избрал правителем с титулом ша, под именем Ту-гю (Тюрк- Э.у.К.).

Ему наследовал его младший сын Ашина, названный так, согласно обычаю, по фамилии матери. При потомке Ашина - Тумыне владения Тугю значительно разрослись, и государство это вступило в сношение с Китаем» (Грум-Гржимайло; 1933: 177).

Анализируя это предание Н.А.Аристов писал: "Владение Со должно было находиться к северу от Алтая, так как южные

склоны входили в пределы Хуннской державы. В настоящее время один из двух родов, из которых состоит Верхне-Кумандинская волость на р. Бии, около впадения в нее реки Лебеди, носит название "Со", а другой - "Кубанды" или Куманды". Отсюда можно с достаточной долей вероятности заключить, что легендарный праотец тюрков происходил из племени Со, обитавшего на севере Алтая, и что род Со является остатком этого племени. Даже тюркское слово "ку" значит "Лебедь". Живущие на реке Лебеди тюрки и теперь зовут себя ку-кши, т.е. людьми (с) р.Лебеди. Из этого ясно, что "Вэй-Шу" напрасно заставила сына Ичжи Нишиду превратиться в лебедя. Он, подобно остальным братьям, поселившимся в вышеуказанных местах, водворился на реке Ку (Лебеди) и был родоначальником племени "ку", остатки которого и поныне обитают на р.Лебеди и в волостях Верхне- и Нижне- Кумандинских. Затем, цигу (ги-гэ), есть одна из транскрипций имени "кыргыз" (Грум-Гржимайло; 1933: 177).

По-видимому, на севере Алтая в период предшествовавший Раннему Средневековью, находился своеобразный этночаг, из которого впоследствии выделилось несколько древнетюркских племен. Можно полагать, что в предполагаемое время на севере Алтая существовала некая этническая общность, сформированная или образованная из нескольких групп населения. Одной из них вероятно была группа кыргызов, по каким-то причинам оказавшаяся в тех краях, и несомненно отделившаяся от древних кыргызов в неизвестное время. Культура, сформированная населением владения Со стала основой культур древнетюркского типа.

Д.Г.Савинов подчеркивает, что "очевидно, существовала и общая субстратная основа раннекыргызской и

раннетюркской культур, закреплённая в древнетюркских преданиях идеей родственности между представителями правящей династии ашина и одним из братьев легендарного Нодулу-шада, основавшим на далёком Енисее раннекыргызское владение цигу" (Савинов; 1984: 42).

С.В.Киселев также обращает внимание "на прямое указание китайской летописи на происхождение хагяс (енисейских кыргызов) в результате смешения динлинов с алтайскими тюрками и гянь-гунями. Сближение с алтайцами подтверждается родством кыргызов в легенде о сыновьях Нишиду" (Киселев; 1951: 360).

Таким образом, переселение кыргызов (цигу) в междуречье Абу (Абакан) и Кянь (Енисей) и привело к образованию в районах Среднего Енисея, Минусинской котловине Кыргызского бийлика (владения). Оно состояло из собственно кыргызов, а также подчинённых им или находившихся в вассальной зависимости от них местных групп населения, которых условно можно назвать Динлинскими.

В начале V в. н.э. Кыргызский бийлик (владение) на Среднем Енисее, Минусинской котловине был покорён жузянями. Енисейских кыргызов покоряли восточные тюрки между 552-556 гг.

Другая группа древних кыргызов обитала в районах Восточного Притяньшаня, рядом с уйгурами, и упоминается в Бэй Шы и Суй Шу* в форме Хэгу**, как одно из племён, которых именовали Теле. Термином Теле обозначали

* Суй Шу — История династии Суй (581-618 гг.).

** Хэгу — одна из письменных форм китайской передачи названия Кыргыз, исходя из особенностей китайской письменности.

"видимо, все кочевые скотоводческие племена, т.е. по признаку кочевого образа жизни. Только этим, вероятно, и можно объяснить сообщение Суйской летописи о том, что телесских родов насчитывается свыше 8000 и расселены теле на огромной территории -от Маньчжурии до Каспийского моря" (Потапов; 1953: 139).

Хэгу упоминаются также в Вэй-Шу, "которых Яо Вэй Юань отождествляет с кыргызами и считает одним из подчинённых сяньби родов" (Супруненко; 1974: 238).

Во II пол. VI в. или в перв. пол. VII в. кыргызы -теле уже обитали рядом с енисейскими кыргызами, располагаясь главным образом к западу от них, на севере Алтая. Когда, как и почему мигрировали кыргызы-теле туда, неизвестно, но в первой пол. VII в. они обитали в районах Северного Алтая и, по всей видимости, вместе с енисейскими (восточными) кыргызами составляли одно целое государственное образование, которое впервые, упоминается как Гегу* кит. источников.

Примерно около 39 года VII в. западно-тюркский Дулу-хан "привёл под свою власть владения Сяоми и Гегу и простирал виды на поколения Хилишево" (Иакинф; 1851. Ч.1. отд. VI : 317).

Кыргызы упоминаются вместе с басмылами, кыпчаками и бома, в числе племён, которые обитали "как правильно указывается в китайских источниках, к северо-востоку от западных тюрков" (Потапов; 1953: 143-144).

Государство Хагяс (Кыргыз) состояло из кыргызов-теле (можно их условно назвать алтайскими), енисейских

* Гегу — одна из письменных форм древнекитайской передачи названия Кыргыз, исходя из норм древнекитайской письменности.

кыргызов, а также различных местных этнических групп населения. Алтайские кыргызы обитали на севере Алтая, а енисейские - в Минусинской котловине.

В Тан Шу (История династии Тан)**, есть специальная глава посвященная древним кыргызам, которая именуется: Хакянсы-Хагяс (Иакинф. 1851: 443). Она начинается со слов: «Хагяс - есть древнее государство Гянь гунь»***

Границы государства Хагяс, равно как и границы расселения самих древних кыргызов, время от времени менялись, в зависимости от различных причин эндо- и экзогенного характера.

Так, в Тан Шу, в повествовании о событиях до 648 года, говорится: "Хагяс — было сильное государство; по пространству (оно) равнялось дулгасским (тюркским) владениям. Дулгасский (тюркский) дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток (Хагяс) простиралось до Гулигани (Курыкан — т.е. почти до Байкала или оз. Хубсугул (или Хусугул), на юг до Тибета (Иакинф примечает: "В сие время тибетцы владели Восточным Тюркистаном: посему здесь не должно разумеать подлинную границу Тибета". - Там же), на юго-западе до Гэлолу (Карлуков)». Это означает, что государство Хагяс на востоке доходило до оз. Хубсугул (или Хусугул) или до Байкала, на юге до восточного Туркестана, на юго-западе до Прииртышья и Восточного Казахстана.

**Была составлена в XI веке.

***Гянь гунь — одна из письменных форм древнекитайской передачи названия Кыргыз, исходя из норм китайской письменности. Употреблялась для обозначения кыргызов в Цянь-хань Шу (История Старших Хань) 202 г. до н.э. - 25 г. н.э. и Вэй Люэ (Обзоре Вэй (было составлено Юй Хуанем в эпоху Сяньго (220-280 гг.).

Однако, выше указанные границы Хагяса, очевидно, относились к сер. IX века (840 — нач. X в.).

В Тан Шу, в другом месте говорится, что на юге границы Хагяса доходили до хребта Тань Мань (Иакинф; там же: 448). Иакинф примечает, что "слово Тань Мань созвучно с Танну, нынешним названием хребта, который тянется от Алтая на восток до Косогола, и в Древности должен был составлять южную границу Хагясов" (Иакинф; там же: прим. 5).

В Тайпиньхуаньюйцзи*, говорится, что Хагяс на западе "упирается в Западную сторону Темных гор (Цинь Шань, И.Б.: Черные горы), имеет золотое море (оз. Зайсан? или Телецкое озеро? - Э.у.К.), которое, разделяясь, образует две реки. Одна называется Янхэ (река Барана), другая - Цзянь пиньцзэхэ" (Кюннер; 1961: 57). Под выше упомянутыми Темными или Черными горами можно видеть Горный Алтай.

В целом, государство Хагяс до сер. IX века могло охватывать земли от северного Алтая на западе, до оз. Хубсугул (или Хусугул) или Байкала на востоке, и до хребта Танну Ола на юге.

В Тан-Шу говорится: "Государь (Хагяса) называется Ажо, посему и прозывается также Ажо. У него водружено знамя" (Иакинф; 1851: 443). "Ажо имеет местопребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками и называется Мидичжи. Начальники живут в малых палатках».

Под выше упомянутыми Черными горами можно подразумевать районы северо-восточного Алтая.

* Тайпиньхуаньюйцзи было составлено между 976-984 гг.

В Тайпиньхуаньюйцзи сказано: «В ставке Ажо, установив деревья, сделали ограду, поставили большую войлочную палатку, назвали ее цаодычжи. От их начальников и ниже все имеют малые войлочные палатки и одновременно из дерева и кожи делают дома» (Кюннер; 1961: 58).

Согласно Тан Шу, народонаселение в государстве Хагяс "простиралось до нескольких сот тысяч (Иакинф примечает, что здесь "надобно разуметь семейств"); строевого войска 80.000» (Иакинф; 1851: 443). В другом месте Тан Шу сказано, что "войско набирается из всех поколений» (Там же; 445). В Тайпиньхуань юйцзи говорится: "Что касается войска, то говорят о 30.000. Если же спросить о действительной численности, то говорят: когда набирают и отправляют (войско), то полностью выступают весь народ и все вассальные поколения» (Кюннер; 1961: 59).

Енисейские кыргызы были "вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лина» (Иакинф; 1851: 443). Последнее, могло быть народной поговоркой, суть которой могла означать - потомки кыргызов. Согласно Ши Цзи (Исторические записки) Сыма Цяня, Ли Лин был внуком полководца Ли Гуана, выступившего в 99 г. до н.э. в поход против хуннов, Вместе с ним пошел и Ли Лин с отдельным отрядом, но в борьбе с хуннами он сдался им в плен. "Шаньюй (хуннов) оказал Ли Лину должное уважение и женил его на своей дочери» (Иакинф; 1851: 51). Ли Лин умер "в стране хуннов" в 74 г. до н.э. (Бартольд; 1964 : 447). Впоследствии, среди хуннских сановников упоминается сын Ли Лина (Иакинф; 1851 : 51). В Ши Цзи (Исторические записки), в примечании, говорится, что "Ли Лин остался у

хуннов и получил во владение Хагяс, где потомки его царствовали почти до времен Чингиз-хана» (Иакинф; там же). В то время древние кыргызы обитали в районе западных рубежей хуннских владений и упоминаются в Цянь Хань Шу (История Старших Хань), в рассказе о событиях, протекавших в Западном крае примерно в сер. I в. до н.э.

Согласно Тан Шу, в правление Цзинь лунь (706-711 гг.) "Чжун цзун подозвал (кыргызского) посланника к себе и сказал ему: ваш царствующий дом происходит из одного со мною рода, и я отличаю его от прочих вассалов» (Иакинф; 1851: 448). Затем, после 840 года было "указано, чтобы Ажо (кыргызского правителя), как происходящего из рода с царствующим в Китае Домом, внести в царскую родословную» (Там же : 450-451). В 846 году "Сюан цзун по вступлении на престол, хотел исполнить предначертания своего предшественника: но некоторые из вельмож представили ему, что Хагяс, есть небольшой род, который не в состоянии равняться с Домом Тан: посему дело сие представлено было рассмотрению министров обще с прочими чинами от 4-го класса и выше». Из-за политических соображений "сие дело было остановлено» (Иакинф ; 1851: 451).

У енисейских кыргызов мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца в ушах. "Оба пола" жили "нераздельно; посему (было) много распутства» (Там же : 443). В местах, где обитали енисейские кыргызы, "почва летом была влажная. Зимой (были) большие снега» (Там же : 443). "Атмосфера наиболее холодная; даже большие реки до половины промерзают» (Там же : 444).

Енисейские кыргызы сеяли "ячмень, просо, пшеницу и гималайский ячмень" (Там же). Муку мололи "ручными

мельницами: хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши" (Там же).

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Отсутствуют пять хлебов, имеются только ячмень, пшеница, темное просо, конопляное семя. В 3-ю луну постоянно пашут и сеют, в 8-ю и 9-ю луну собирают (урожай), варят кашу, чтобы делать напиток, также, чтобы перебродить (на водку). Для пшеницы имеется пеший (т.е. он приводится в действие людьми) жернов, (которым) делают муку" (Кюнёр; 1961: 58). Енисейские кыргызы разводили коров, овец и, кажется, еще и верблюдов, "но более всего коров и овец. Богатые землепашцы водят их по несколько тысяч" (Иакинф; 1851: 445). В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Их скот разнообразен: верблюды, быки, бараны, причем особенно много быков. У богатых семей имеется по две-три тысячи голов" (Кюнёр; 1961: 59). Также, у енисейских кыргызов были "тарпаны, козули, сохатые и чернохвостые козы. Чернохвостые козы походят на кабаргу, но имеют большой черный хвост" (Иакинф; 1851: 445).

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Из диких животных имеются дикие лошади, гуду, желтые бараны "юань", бараны "ди", олени и чернохвостые. Чернохвостые подобны кабаргам, но хвост (у них) длинный и черный. Туземцы называют их "сымо" (Кюнёр; 1961: 59). В пищу употребляли также рыбу.

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Из рыб имеется мие, длиною в семь-восемь чи; рыба мохэнь, (у которых) рот находится внизу челюсти и без костей" (Кюнёр; 1961: 59). Были у них "сороки, ястреба" (Иакинф; 1851: 445).

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Из птиц имеются гуси, аисты, вороны, сороки, ястребы. Добываются в большом числе, как в Китае" (Кюнёр; 1961: 59).

В местах расселения енисейских кыргызов росла "сосна, береза, илем, ива, ели; последние столь высоки, что пущенная из лука стрела не долетает до вершины. Но более всего растет береза" (Иакинф; 1851: 445). У них добывалось "золото, железо, олово" (Там же). В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Их земля производит золото, железо и олово. Ван-хуйту говорит: их государство имеет железо «небесного дождя (повидимому, метеоритное железо. - Э.у.К.), его собирают, чтобы делать ножи и мечи, (оно) отличается от (обычного) железа. Некогда, спросили посланного оттуда, (как добывается железо, он) скрыл и не ответил. Только сказал: железо очень крепко и остро, работа отменна и искусна. Ибо их земля производит (железо). Как только время продлится (т.е. если не искать железо сразу), земля поглощает (его). Поэтому (оно) отборно и остро. При этом, каждый раз, как вслед за небесным дождем, люди собирают (это железо), непременно случаются пораженные (ушибленные) и убитые. Причина в точности непонятна. Цзя Дань (известный китайский географ Танского времени (730-805 гг.) - Э.у.К.) говорит: "обычно производят хорошее железо, называют его цзяша. Постоянно вывозят к туцзюе. Это и есть то самое (железо)" (Кюнёр; 1961: 445).

Железо добывалось в кыргызское время во многих местах. Памятниками этого являются многочисленные железные рудники, "чудские ямы". Они расположены не только в горах, окружающих Минусинскую котловину - на отрогах Саян и Алтая и в Кузнецком Ала Тау, но и в центре

Минусинских степей, например, за рекой Тубою" (Киселев; 1951: 574).

Особенно искусны были кыргызские кузнецы в выделке оружия. Об этом знали даже китайцы. Их хронисты отметили, что железное оружие, изготовленное кыргызскими кузнецами, было столь остро, что могло пронзить кожу носорога. Енисейские (восточные) кыргызы "при похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут, а потом сжигают его, собранные кости через год погребают. После сего, в известное время, производят плач" (Иакинф; 1851: 441).

Енисейские кыргызы жили "в избах, покрытых древесной корою". В Тайпиньхуаньюйцзи сказано: "Зимою делают дом, покрывая (его) древесной корою. (Эти) люди любят охотиться на животных. Все пользуются древесными конями (лыжами). Когда поднимаются и опускаются по северному склону гор, (так) стремительно несутся, точно летят" (Кюнер; 1961: 60). Также, в Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Фамилия (семья и род) может состоять из тысячи или ста человек, имеют общий дом, одну кровать, одно покрывало" (Там же).

Алтайские кыргызы обитали на севере Алтая и в западных частях Минусы, а енисейские - в левобережной части Среднего Енисея. В китайских источниках есть сведения об алтайских кыргазах. Так, Тан-Шу сообщает, что они питались мясом и кобыльим молоком, "один Аже употребляет хлебное" (Иакинф; 1851: 445). В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "К пище Аже добавляют хлебцы. Что касается подчиненных (ему) родов, то (они) едят только мясо, конину, верблюжатию и ничего другого" (Кюнер; 1961: 58).

Это при том, что земледелие в кыргызское время на Енисее было как никогда развито. У любого рядового енисейского кыргыза на столе всегда был хлеб и другие продукты земледелия. "Атмосфера наиболее холодная; даже большие реки до половины промерзают. Сеют ячмень, просо, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши" (Иакинф; 1851, ч.I, отд.II: 444).

В "Тайпиньхуаньюйцзи" говорится: "Отсутствуют пять хлебов, имеются только ячмень, пшеница, темное просо, конопляное семя. В 3-ю луну постоянно пахут и сеют, в 8-ю и 9-ю луну собирают (урожай), варят кашу, чтобы делать напиток, также чтобы перебродить (на) водку. Для пшеницы имеется пеший (т.е. он приводится в действие людьми) жернов, (которым) делают муку" (Кюнер; 1961: 58).

Не зря китайцы заметили, что язык и письмо кыргызов совершенно был сходен с уйгурским. "Письмо их и язык совершенно сходны с ойхорскими" (Иакинф; 1851, ч.I, отд.II: 446). Даже переводчик этих источников Иакинф Бичурин, заметил, что Хагяс по своему составу должен был состоять из двух народов: одни - коренные жители, другие - суть их повелители (Там же...). Здесь несомненно имелись ввиду алтайские кыргызы.

Это не просто сходство, а имелось ввиду принадлежность к телесскому диалекту, на котором говорили уйгуры. У телесцев, (они же поздние тогуз-огузы) были, в общем, схожие этнические признаки, начиная от головного убора, языка и т.д., и кончая погребальным обрядом (погребения с конем). Даже согласно эпосу "Манас" кыргызы и уйгуры являются частями одного народа. Кыргыз, здесь обозначаются как байгуры, одна часть народа, другой

частью которого были уйгуры. Это полностью согласуется с историческими данными, по которым Среднеазиатские кыргызы, потомки Алтайских (Западных) кыргызов описываются как один из огузских народов, т.е. исторические сведения указывают на огузское происхождение Алтайских (Западных) кыргызов (Эсен уулу Кылыч; 1993; Эсен уулу Кылыч; 1994).

Действительно, подобные известия об Алтайских (Западных) кыргызах верны, поскольку они в свое время входили в огузскую общность образовавшейся из ряда восточно-тюркских племен (Теле-кит. источников). К началу VII в. или в нач. VII в. Алтайские (Западные) кыргызы отделились от прочих огузских племен и переселились на север Алтая, к западу от Кемских (Восточных) кыргызов. Вскоре они проникли и на их территорию, став гегемоном в стране кыргызов (Эсен уулу Кылыч; 1993; Эсен уулу Кылыч; 1994).

Алтайские кыргызы занимались кочевым скотоводством. Разводили овец, лошадей, верблюдов. Жили они в юртах и шатрах. О них хорошо повествуется в анонимном персидском сочинении X в. Худуд аль-аалам (Границы мира). Там говорится: "И это люди, которые нравом напоминают диких зверей; лица (у них) грубые, волос мало, (они) несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют" (Материалы по истории киргизов и Киргизии; 1973: 41). Алтайские кыргызы "кочуют (в поисках) воды, сухой травы, (благоприятной* погоды и зеленых лугов" (Там же).

У Аль-Идриси (Нузхат ал-муштак фихтирак ал-афак, XII в.) содержатся сведения о кыргызах, относящихся к концу IX -

нач. X вв. Там говорится: "В этой стране (Кыргыз -Э.у.К.) разводят много лошадей, быков и баранов. Лошади имеют очень короткие шеи и весьма упитаны. Их откармливают для того, чтобы употреблять в пищу. Что же касается быков, то их используют обычно для перевозки тяжестей. Женщины выполняют всякого рода работы, а мужчины должны заниматься только пахотой и жатвой. Женщины обладают ловкостью, силой и отвагой, как мужчины. Хирхир (кыргызы) сожигают покойников и бросают пепел (в реку) Манхаз, те, которые живут слишком на большом расстоянии от этой реки, собирают их золу и развеивают прах по ветру" (Арабо-персидские источники о тюркских народах; 1973: 33).

О стране Хирхир (Кыргыз), также, сообщается, что она «очень плодородная, посещаемая путешественниками. Эта страна многоводная. В ней разные реки, текущие со стороны границы Сина. Самая большая из этих рек -река, которая называется Манхаз. Эта река многоводная и быстротекущая. Она течет по камням и ее воды редко текут спокойно, как это бывает в других реках. У них (хирхиров) на этой реке имеются мельницы, на которых они размалывают рис, пшеницу и другие злаки (превращая) их в муку, на которой приготавливают хлеб или же едят их в вареном виде без размола; этим они и питаются. На берегах этой реки растет дерево - алоэ. В ней водится рыба под названием аш-шатрун, которая оказывает такое же воздействие на орган размножения, как и ас-санкур, которая водится в Ниле в Египте; говорят, эта рыба имеет мало костей, что мясо ее слоистое и не имеет запаха, присущего рыбе" (Там же : 54).

А в Худуд аль-аалам (X в.), в котором также есть сведения о кыргызах, относящихся к концу IX-нач. X вв., в Главе Слово об области Хырхыз сообщается: "В этой области добывают много

мускуса и много мехов, белый тополь и дерево халадж и рог хуту, (который идет) на изготовление рукояток для ножей. Их правителя называют Хырхыз-хаканом" (Материалы по истории киргизов и Киргизии; 1973: 41). Также, там говорится: "(основными статьями) их благосостояния являются хырхызские повозки, овцы, коровы и лошади. Они кочуют (в поисках) воды, сухой травы, (благоприятной) погоды и зеленых лугов. Они поклоняются огню и сжигают мертвых. Живут они в юртах и шатрах, занимаются охотой и ловлей" (Там же).

Выше указанные сведения Нузхат ал-муштак фиктирак ал-афак Аль Идриси и Худуд аль-аалам относились к кыргызам государства Хагяс (Кыргыз) конца IX-нач. X вв.

Основу хозяйства у алтайских кыргызов составляло кочевое скотоводство, а у енисейских кыргызов - земледелие и скотоводство. На Среднем Енисее в значительной мере было развито ремесло, особенно обработка металлов. Здесь найдены следы поселений кузнецов-металлургов, обслуживавших нужды земледельцев и воинов (История Киргизской ССР; 1984: 242). «Еще в тагарское время, - пишет С.В.Киселев, - в Минусинской котловине определились районы преимущественного занятия или скотоводством или земледелием. Это деление, обусловленное географическими различиями, позднее было поддержано особенностями общественного и имущественного состояния. Племенная знать таштыкской эпохи, судя по инвентарю уйбатских усыпальниц, вела более подвижный образ жизни, ее быт был более связан с конем, чем быт рядового населения, оставившего скромные могилы оглахтинского типа. Очевидно, это было вызвано тем, что накопление богатства в скоте было особенно удобным" (Киселев; 1951: 568).

Немаловажное значение в хозяйстве древних кыргызов играл рабский труд. Эту важную особенность, ставящую древнекыргызское общество в один ряд с раннеклассовыми организациями Средневековья, подтверждают и другие факты.

Из музыкальных инструментов, которые были у кыргызов, Тан Шу отмечает флейту, бубен и "два неизвестные" (Иакинф; 1851: 445). В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Из музыкальных инструментов имеют бубен, флейты, дудки, плоские колокольцы" (Кюнер; 1961: 59). Из зрелищ у древних кыргызов были "употребительны: верблюд и лев обученные, вольтижирование на лошадях и балансирование на веревке. Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань. При браках калым платится лошадьми и овцами. Богатые дают по сто и по тысяче голов" (Иакинф; 1851: 446-447). В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "На больших собраниях бывают еще игры: бег верблюдов, львы, конские упражнения и пр." (Кюнер; 1961: 59).

У кыргызов государства Хагяс был двенадцатизначный животный календарь. Так, в Тан Шу говорится: "Первый месяц в году называют Мао-ши-ай. Ай - значит месяц. Три месяца составляют четверть года. Годы считаются двенадцатью знаками: напр., год в знак Инь называют годом тигра" (Иакинф; 1851: 444). В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "С помощью двенадцати животных считают годы" (Кюнер; 1961: 58).

В Худуд аль-аалам (X в.), в главе Слово об области Хырхыз говорится, что "хырхыз-хакан" живет в городе, который именуется, как Кемиджкет" (МИКК; 1973: 41). И, далее, говорится: "И у всех этих разновидностей хырхызов нет,

конечно, совсем ни деревень, ни городов, и все (они) селятся в шатрах, кроме того места, где живет хахан" (Там же : 42) . Однако, у Аль-Идриси (Нузхат аль-муштак фихтирак аль-афак, XII в.), в сведениях, относящихся к кыргызам государства Хагяс конца IX-нач.X вв., говорится: "Все города страны хирхиров (кыргызов) сосредоточены на одной территории, протяженность которой составляет около трех мархала. Их четыре больших города, окруженных стенами и укреплениями и населенных ревностными, храбрыми и отважными людьми, которым приходится особенно опасаться действий государя кимаков, воинственного князя, почти всегда находящегося в состоянии войны со своими соседями" (Арабо-персидские источники о тюркских народах; 1973 : 32-33). На карте Аль-Идриси кыргызские города названы так: Хирхир (два раза), Хахан Хирхир и Даранд Хирхир (Там же: 32) .

О городе Хахан Хирхир Аль-Идриси сообщает: "Город, в котором проживает государь хирхиров, укрепленный, окруженный неприступными стенами, рвами и большим валом, вблизи этого города находится полуостров яхонтов, имеющий дорогу, связывающую его с материком" (Там же : 33).

Кыргызы были "горды и стойки. Храбрые из них татуируют себе руки, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею" (Иакинф; 1851: 444) . Законы у древних кыргызов были "очень строги. Произведший замешательство перед сражением, невыполнивший посольской должности, подавший неблагоприятный совет государю, так и за воровство приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее" (Там же : 444 - 447) .

Лучшими у кыргызов считались те, которые "сильно дерутся" . Тан Шу сообщает, что кыргызы "на войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитиками; еще на плечи накладывают кругленькие щитики, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель" (Там же: 445) .

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится, что кыргызы "имеют еще знамена и флаги. Их Аже установил штандарт, низ его весь красный" (Кюнер ; 1961: 60). "Их лошади чрезвычайно крепки и крупны, тех, которые могут сражаться, называют головными лошадьми" (Там же : 60). "Что касается их оружия, то (надо сказать, что они) много пользуются щитами, луками и стрелами. Их лошади одеты в щиты от брюха до ног. Еще делают щиты и привязывают их к обоим плечам, можно с пользою применять их. Щиты, чтобы отражать стрелы, делают так: расколов дерево, соединяют поперечиной: стрелы не могут прорвать (такой щит)" (Там же : 59-60).

В древнекыргызском государстве Хагяс "чиновники" разделялись "на шесть разрядов, как-то: Министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и дагяни. Министров считается семь, главно начальствующих три, управителей десять. Все они заведывают войсками. Делоправителей считается пятнадцать; предводители и дагяни не имеют чинов" (Иакинф; 1851: 445) . Из этого видно, что большое внимание уделялось войскам.

У древних кыргызов "меха собольи и рысьи" составляли "богатое одеяние" (Иакинф; 1851: 445). "Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шапку с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые вяленые шляпы. Вообще любят носить на поясу точило,

иначе мусат. Низшие одеваются в овчинное платье и ходят без шляп. Женщины носят платья из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык) и Дахя (таджики, - как называли тогда мусульманские области. - Э.у.К.)" (Там же).

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "В этом государстве (Хагяс) все жители обнажают голову, заплетают волосы. Одежда сходна с туцзюсской (тюркской)" (Кюнер; 1961: 58). "Подчиненные делают шапки из белого войлока, в остальном покроя в общем одинаков" (Там же). "Для одежды берут парчу или шерстяную материю смешанного (разного) цвета, к поясу привешивают нож и брусок. Низшие (простолюдины) одеваются в шкуры и обнажают головы..." (Там же).

Из сообщений Тан Шу видно, что китайские посланники шли в ставку государя Хагяса через восточную часть кыргызского государства. Это подтверждается и данными о пути следования китайского посольства, содержащихся в Тан Шу. Там говорится: "Посланники (Китайское посольство шло в Хагяс из Ордоса на северо-запад. - прим. Иакинфа.) шли из Тьхянь-дэ 200 ли до городка Си Шеу сян чен; далее на север 300 ли до Гагарьего ключа (Китайские слова: Пьхи тьхи цюань. - прим. Иакинфа.); от Ключа на северо-запад до Ойхорской (уйгурской) орды 1500 ли. Находятся две дороги: восточная и западная. Дорога от ключа на север называется восточною. В 600 ли от Ойхорской (уйгурской) орды на север протекает Селенга (На кит. Сянь гз. От ханской орды под Хангаем на север до Селенги действительно не более 600 ли, т.е. около 300 верст. Вершины Тамира и южные притоки Селенги текут на северо-восток. - прим. Иакинфа.); от Селенги на северо-восток Снежные горы. Сия страна изобилует водою и пастбищами. По восточную сторону

Черных гор (На кит. Цинь Шань.- прим. Иакинфа.) есть река Гянь хэ (Кит. слова: меч река. Ныне сей реке соответствует Чжидэ Гол, впадающая в Селенгу с левой стороны - прямо от Кяхты на западе. Меч и стрела означают быстроту течения. - прим. Иакинфа. - Там же). Все реки текут на северо-восток. Минуя Хагяс, они соединяются и текут на север (Истоки Селенги, по соединении в одно русло, принимают направление на север. - прим. Иакинфа.). Далее, по восточную сторону моря (озеро Хусугул иначе Косогол.- прим. Иакинфа.) пришли к Мума, где кочуют три дулгасские (тюркские) аймака: Дубо, Милигэ и Эчжы. Князья их называются Гэгинь. Живут в избах, берестю покрытых. У них много хороших лошадей. В обыкновении кататься по льду на деревянных лошадях. К ногам подвязывают лыжи, а под мышками упираются на клюки. При каждом упоре подаются шагов на сто вперед чрезвычайно быстро. По ночам занимаются воровством и грабежом, а днем скрываются. Хагясы ловят их и употребляют в работу" (Иакинф; 1851: 447).

Ставка кыргызского Ажо (государя) могла располагаться у отрогов северо-восточного Алтая или где-то рядом. Для местоположения ставки эти районы были выгодные как в географическом, экономическом, так и в военно-стратегическом отношениях. Впрочем, расположение ставки правителя государства Хагяс время от времени в зависимости от различных причин и обстоятельств могло меняться. Так, после разгрома уйгуров и их ставки в 840 г. кыргызский Аже "перенес свое пребывание на южную сторону гор Лаошань. "Лаошань еще называют Думань; они лежат в 15 днях конной езды от прежнего ойхорского (уйгурского) стойбища" (Там же: 450).

У кыргызов государства Хагяс была своя письменность и было, как сообщает Тан Шу, пятнадцать делоправителей (Там же : 446). Так, в Тан Шу говорится: "Хагясский владетель имел трех министров, которые были Геси Бэй, Гюйшабо Бэй и Ами Бэй. Они управляли всеми государственными делами" (Там же : 447-448). В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "В их государстве великий командующий называется Хэси-бэй, следующий (по чину) называется Ацзюйшэ-бэй, следующий называется Ами-бэй. (Эти) три человека вместе управляют. В их государстве правительственные чиновники имеют должности цзай-сяна (зайсан. -Э.у.К.), ду-ду (тутук? -Э.у.К.)¹⁰⁹, затем звания цзян-цзюна, дацяна (вероятно, тархан. -Э.у.К.)" . "Письмо их (т.е. кыргызов. - Э.у.К.) и язык совершенно сходны с ойхорскими (уйгурскими)" (Кюнер ; 1961: 56).

Это подтверждается многочисленными находками с надписями, сделанными древнетюркским руническим письмом, обнаруженными в районах долин Верхнего (Тува) и Среднего (Минуса) Енисея. Эти надписи содержатся на надгробных стелах, драгоценных сосудах, на предметах быта, монетах, скалах.

Археологический материал "ярко иллюстрирует сложное общественное устройство государства древних кыргызов. Особенно показательны в этом отношении погребальные памятники" (Киселев; 1951: 446). Для енисейских (восточных) кыргызов был характерен обряд трупосожжения, описанный в Тан Шу (Там же : 599). Остатки такого обряда и обнаружены на Енисее, при раскопках так называемых Чаатас -групп кыргызских курганов. Под их каменными насыпями открывались могильные ямы, на дне которых находились грудки сожженных костей покойника, тщательно очищенные

от угля, золы и других остатков погребального костра (Кызласов; 1960 : 265).

"Однако,- пишет С.В.Киселев,- если не считать некоторых конструктивных деталей, сохранившихся еще с таптыкского времени (например, обыкновение обставлять стенки могилы вертикальными бревешками), пожалуй, только этот обряд сожжения одинаков для всех кыргызских погребений; вообще же их несколько типов, значительно различающихся между собой" (Там же : 13). Обряд трупосожжения имел место еще в позднетагарских захоронениях. В курганах того времени был распространен "обряд погребения многих умерших в одном склепе. При этом часты трупосожжения" (Там же : 76).

Первые кыргызы пришли на Енисей, в Минусинскую котловину в период, предшествовавший Раннему Средневековью. Первоначально они поселились в междуречье Абакана и Енисея, в Койбальской степи; затем расселились по всей Минусе. В первое время их центр находился в Койбальской степи, затем он был перенесен на левобережье Абакана и Енисея, в степи Уйбата. Восточные кыргызы, поселившись в Минусинской котловине, в значительной степени утратили свое этническое содержание, подверглись аккультурации со стороны местного населения, под влиянием их культуры. Это может подтверждаться и археологическими данными. В позднетагарское время в Минусинской котловине появляются грунтовые могилы, которые просуществовали недолго. Постепенно, надо полагать, они переросли в склепы. Причиной этому должно было быть подражание скромных захоронений кыргызов и их знати погребальным сооружениям позднетагарских племен Среднего Енисея.

Так, своеобразием отличается устройство грунтовой могилы "А" Уйбатского чаа-таса, раскопанная в 1936 г. В.П.Левашовой рядом со склепом 6 (детское погребение с парой таштыкских сосудов). Короткие стенки ее ямы были внизу укреплены листовыми плахами, положенными попарно одна за другой. Продольные же стенки были обставлены 7-8 вертикальными плахами. Близко к этому устройство могилы, раскопанной в 1940 г. С.В.Киселевым на намогильнике Копенского чаа-таса. Стенки ее ямы оказались обставленными вертикальными столбиками (Там же ; 13).

В обоих случаях, вероятно, следует видеть подражание конструкции позднетагарских курганов. Первые склепы, появившиеся у Восточных кыргызов, отличались большой конструктивной простотой. К этому относится раскопанный Л.Р.Кызласовым склеп N 2 Изыхского чаа-таса и склеп под земельным курганом, раскопанный в 1924 г. С.А.Теплоуховым у с. Батени в могильнике у Горького озера (Одиночная могила N 14).

В четырехугольной яме помещался лишь сруб из толстых листовых бревен. Камера имела бревенчатый пол и потолок. Бревна крыши, стенок сруба и пола с внутренней стороны отесаны. Бревна потолка сверху покрыты берестой.

Как видим, склепы этого типа отличались большой конструктивной простотой. Здесь нет второго ряда стен из частокола, входы короткие с деревянными ступеньками, а не длинные дромосы со стенками из частокола и бревен; нет также и бересты, обтягивающей стенки камер снаружи (Там же : 117).

В ранних таштыкских склепах (по Л.Р.Кызласову - Изыхский этап) встречаются целые костяки несожженных людей или даже коллективные трупоположения. Таким

образом, в одном и том же склепе находятся и кучки пережженных костей и целые скелеты. Это, за редким исключением, обнаружено как в правобережных, так и в левобережных склепах (Там же : 76). Это может указывать на смешанный состав погребенных (т.е. кыргызы и динлины) или на следствие подражания кыргызов захоронениям тагарцев, т.е. на распространение у них обряда трупосожжения.

Обряд трупосожжения стал проникать или восприниматься кыргызами еще тогда, когда они хоронили умерших в грунтовых могилах. Археологически зафиксировано появление обряда трупосожжения в грунтовых могилах, где преобладал обряд трупоположения (Там же : 113).

Также, в ранних склепах (Изыхского этапа), наряду с преобладанием обряда трупосожжения на стороне еще встречаются трупоположения . Вскоре, уже на следующем этапе таштыкской культуры (по Л.Р.Кызласову - Сырском) население Минусинской котловины полностью перешло к захоронениям по обряду трупосожжения. В склепах встречаются только кучки пережженных костей, "причем сжигают трупы и взрослых, и детей" (Там же : 77).

Археологические данные подтверждают "наличие тагарско-таштыкских связей в строительной технике погребальных сооружений. Такого же рода тесные связи имеются и в обряде, и в материальной культуре..." (Кызласов ; 1960: 113). Несмотря на внешнее различие тагарских и таштыкских погребальных сооружений, признается наличие генетической связи в их развитии (Там же : 27).

По С.В.Киселеву таштыкская культура представляется непосредственным продолжением тагарской, сохранившей

все основные особенности в керамике, украшениях, произведениях искусства (звериный стиль), в производственных приемах и погребальном ритуале (Киселев; 1951: 472). Особенности таштыкского обряда (обширные деревянные склепы с коллективными захоронениями, применение масок и обычай миниатюр), а также многочисленные аналогии в находках (глиняная посуда - баночная, кубковидная и в виде скифских котелков, те же маски, бляшки с выпуклостями, бусы, характер звериных изображений, орнаментация бронзовых пальметок, пряжки со шпеньками и мн. др.) позволяет утверждать, что существовала теснейшая генетическая связь между предшествующим тагарским развитием и таштыкским (Там же : 466).

Таким образом, выше указанное может подтверждать, что первые склепы на Енисее появились в результате подражания населения, хоронившего умерших в грунтовых могилах погребальным сооружениям и обряду захоронения позднетагарских племен (или их знати). Это может подтверждаться еще и тем, что между грунтовыми могилами и склепами Изыхского этапа есть и общее. Отмечается известное сходство в инвентаре тех и других погребений, некоторое общее сходство форм отдельных предметов, общий обычай употребления погребальных масок. Это могло произойти вследствие взаимовлияния двух одновременно живших на одной территории общностей разного этнического происхождения, разных по языку, культуре, психологическому складу и хозяйственному укладу; а также смешанным уже составом населения, соорудившего склепы, в котором наряду с пришлыми

элементами активную роль играли все те же потомки тагарских племен (Там же).

О том, что особенности конструкции и плана таштыкских левобережных склепов зарождаются на переходном тагарско-таштыкском этапе, могут говорить и раскопки Туримского кургана (Там же : 26). По Л.Р.Кызласову, "возникая еще в тагарско-таштыкское переходное время грунтовые могилы становятся особенно характерными именно для Изыхского этапа и позднее уже неизвестны" (Там же : 78). Грунтовые могилы могли появиться в Минусинской котловине в позднетагарское время и существовали до Сырского этапа таштыкской культуры.

По Л.Р.Кызласову, приход нового кочевого населения в позднетагарское время привел к вытеснению части местных динлинских племен, "очевидно, в результате военного поражения" на север, в лесные районы (Там же). Пришлые племена вступили "во взаимодействие со значительной частью оставшегося аборигенного населения" (Там же). Оставшиеся на Енисее, в Минусинской котловине динлинские племена, совместно с пришельцами положили "начало новой культуре, передав по наследству все важнейшие достижения хозяйственного и социального порядка, к которым привело развитие исторического процесса еще в тагарскую эпоху (Там же). "...все же в первое время (кыргызы), очевидно, были вынуждены считаться с оставшейся частью (динлин), главным образом со старой тагарской знатью, что отразилось в устройстве больших курганов переходного времени еще не таштыкских, но уже не тагарских, хотя с сильными еще пережитками тагарских традиций и в конструкции, и в обряде" (Там же : 99).

Вместе с тем, нельзя полагать, что раннетащтыкские склепы произошли сами по себе от грунтовых могил. Грунтовые могилы отличаются от склепов не только другой формой погребальных сооружений, но и другим обрядом и весьма своеобразным инвентарем. Различия большие. Это подтверждает факт появления ранних склепов вследствие подражания грунтовых могил позднетагарским погребальным сооружениям.

Все это служит в пользу того, что переселившиеся на Енисей древние кыргызы оказались под влиянием культуры тагарцев-динлин, и восприняли у них многое, в определенной степени подверглись аккультурации и, в значительной мере утратили свое этническое содержание в результате смешения с местным населением. Подражали они и погребальным сооружениям тагарцев и их погребальному обряду- обряду трупосожжения.

Материальная и духовная культура людей, погребавших прах покойных в склепах, складывалась как сложный синтез двух культур, двух идеологий - аборигенов и пришельцев (Там же : 113). По Л.Р.Кызласову, "не подлежит сомнению", что в конструкции склепов "имеется новый элемент, чуждый тагарскому", "но несомненно и то, что тагарские традиции достаточно сильны" (Там же : 27). Это, в свою очередь, свидетельствует и о влиянии со стороны пришельцев - кыргызов.

Существование в позднетагарское или переходное время в Минусинской котловине двух групп различного населения хорошо просматривается на основе археологического материала. Это наличие двух погребальных обрядов (Там же : 112), засвидетельствованная при изучении погребальных памятников, указывающие на наличие двух основных

разнородных по происхождению, по культурным традициям и тенденциям компонентов раннетащтыкского общества (Там же : 78).

Если, в тагарских могилах нет предметов конского снаряжения (уздечных наборов и удила), которые известны лишь по случайно найденным предметам, то в тащтыкских склепах они встречаются почти при каждой кучке пережженных костей. Эти находки свидетельствуют о конном быте большинства погребенных, о том, что "конь - это неотъемлемый спутник в жизни "тащтыкцев", по их представлениям, должен был быть таким же спутником человека и в "загробном мире". Вместе с тем, сожжения наиболее богатых скотом людей сопровождаются и статуэтками домашних животных и, прежде всего, коней, которые должны были в погребальных церемониях символизировать богатство этих тащтыкских аристократов конскими табунами. При этом изображались горячие скакуны, в нетерпении бьющие копытами о землю. Большое значение лошади в жизни тащтыкцев подчеркивают и бронзовые амулеты в виде фигурок коней или парных конских головок, десятками находимые в склепах. Все это достаточно ясно свидетельствует о большом значении лошади, служившей не только основным и незаменимым средством быстрого передвижения, но и поставлявшей скотоводу такие продукты, как мясо, шкуры, волос для арканов и кобылье молоко, которое превращали в кумыс (Кызласов ; 1960: 88). Большинство погребенных в раннетащтыкских склепах были всадниками, для которых конь был постоянным спутником их жизни.

Таким образом, первоначально восточные кыргызы поселились в Койбальской степи, в междуречье Абакана и

Енисея. Затем они перешли на левый берег Абакана, в левобережную часть Минусинских степей. В первое время, надо полагать, центр кыргызских кочевий располагался в Койбальской степи, где на горе Изых-тах, находился основной некрополь кыргызских племен, усыпальницы их вождей. Так, археологически в предташтыкское время выделяется "племя, жившее в Койбальской степи между Абаканом и Енисеем и имевшее племенное кладбище на горе Изых-Тах (Изыхский чаа-тас)" (Там же).

Затем уже, в последующее время, центр кыргызских кочевий, уже перешел на левый берег Абакана в степи Уйбата, которые и поныне считаются лучшими пастбищами Минусинской котловины (Там же : 192). Здесь и были расположены стойбища самых богатых и сильных скотоводов, возглавлявших племенной союз. В склепах на р. Уйбате погребались представители самых сильных и знатных родов.

Кыргызы, вначале, очевидно, хоронили умерших в грунтовых могилах. В них найдены многочисленные остатки костей домашних животных - все, что сохранилось до нашего времени от мясной пищи, которая уклады валась с погребенными. Среди них кости овцы, крупного рогатого скота и лошадей. На большое значение коня в жизни погребенных указывают поминальные остатки - конские черепа, а также удила (Там же : 143). Все это свидетельствует о кочевой принадлежности погребенных. Также, в грунтовых могилах могли хорониться и люди из числа полукочевых племен, даже оседлых динлинов. Весь кыргызский или кыргызско-динлинский племенной союз первоначально в значительной мере состоял из местных племен динлинов.

Земледелие, наряду со скотоводством, также играло очень важную роль в хозяйстве таштыкских племен, обитавших в

степной зоне. "Весьма вероятно, что с приходом кочевников-кыргызов и уходом значительной массы прежнего населения скотоводство в начале эпохи получило некоторое преобладание" (Там же : 179). Поступательному развитию земледелия в Минусинской котловине способствовал разнообразный и богатый почвенный покров, наличие тучных, среднетучных и более бедных южных черноземов (Там же). В таштыкскую эпоху сеть оросительных каналов значительно увеличивается и становится особенно развитой в последующее время" (Кызласов; 1960 : 179).

В таштыкскую эпоху общественное разделение труда между земледельцами и скотоводами достигло уже значительных размеров. Появляются обособленные производственные группы с различным направлением хозяйства: скотоводы, земледельцы по преимуществу (сохраняющие пастушеское разведение скота) и таежные оленеводы-охотники. В связи с этим, различные группы населения вели и различный образ жизни. Скотоводы и оленеводы были полукочевниками, а земледельцы - оседлыми (Там же).

Скотоводство в таштыкскую эпоху становится полукочевым, в отличие от пастушеского скотоводства тагарцев. Это, конечно, связано с приходом кочевых кыргызских племен. В состав таштыкских стад входили лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы и верблюды. Из других домашних животных известны были собаки, трупы которых часто клались и в могилы вместе с покойником (Там же : 179-182).

В таштыкскую эпоху усовершенствование орудий труда продолжалось (Там же : 180). Об оседлости значительной части населения таштыкского времени свидетельствуют и другие

материалы, позволяющие утверждать, что земледельцы имели в своем хозяйстве и домашнюю птицу и, в частности, кур (Там же : 151).

Сооружение оросительных систем и поддержание их в действенном состоянии возможно было лишь при коллективных условиях и, это в какой-то степени помогало сохранять старую сплоченность земледельческих общин. Но в эту эпоху непрерывных войн все чаще применяется для тяжелых земледельческих работ подневольный труд захваченных в боевых походах военнопленных, которых обращали в рабство. Сильное увеличение применения рабского труда в таштыкскую эпоху позволило, очевидно, значительно расширить оросительную систему в сравнении с тагарским временем. Но особенно важным сдвигом является усовершенствование самих сельскохозяйственных орудий, технический прогресс в земледелии, связанный с особенно широким применением железа, которое внедряется лишь в конце тагарского времени (Кызласов ; 1960 : 180).

Рыболовство в таштыкскую эпоху имело, по-видимому, подсобное значение. Мощная водная система Енисея, прорезающая Минусинскую котловину, с огромным количеством больших и малых притоков, горных речек и ручьев создавали весьма благоприятные условия для ловли разнообразных рыб. Рыба широко употреблялась в пищу. Ее даже клали (согласно обычаю) при погребениях. Об этом свидетельствуют находки позвонков осетровых рыб в склепах Уйбатского чаа-таса. Осетровым рыбам (осетр и стерлядь), до сих пор водящимся в Енисее, очевидно, вообще отдавалось предпочтение (Там же : 186).

В таштыкскую эпоху племена, жившие в горно-таежных районах Саянского хребта и его отрогов, имели домашних

олений, которые стали уже привычными, а вместе с тем и надежными верховыми и вьючными животными (Там же : 183). Значительную роль в хозяйстве горно-таежных оленеводов играла, несомненно, и охота. Продукты собственного оленеводческого хозяйства: мясо, шкуры, молоко, волос и т.д. имели значительный вес в их экономике, но, конечно, не единственный (Там же : 185).

Большое количество диких животных и зверей в зоне тайги создает прекрасные возможности для комплексного оленеводческо-охотничьего и просто охотничье-рыболовческого хозяйства. Объектами охоты служили такие животные, как лось, дикий северный олень, марал, кабарга, горный козел и медведь, которые и поныне обитают в таежной зоне Саяно-Алтайского нагорья (Там же). В зимнее время широко применялись лыжи. Так, в Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Эти люди (т.е. кыргызы. - Э.у.К.) любят охотиться на животных. Все пользуются деревянными конями (лыжами). Когда поднимаются и опускаются по северному склону гор, (так) стремительно несутся, точно летят" (Кюннер ; 1961 : 60).

Охотой занимались не только жители тайги, но и население степной зоны, в качестве подсобного промысла. Объектами охоты служили здесь, прежде всего, представители степной фауны и в особенности разнообразная пернатая дичь: гуси, утки, дрофы и боровая птица. Особое значение имел промысел водоплавающей птицы, обладательницы лакомого мяса и ценного пуха. В особенности, очевидно, большое значение имела охота на козулю, обитательницу лесостепных окраин и многочисленных сосновых боров Минусинской котловины. Возможно, козули добывались с помощью конной облавной

охоты. При охоте широко применялись собаки (Кызласов; 1960 : 186).

Но наибольшее значение имел промысел пушных зверей, таких, как соболь, белка, бобр, снежный барс, куница, рысь и т.д. Меха ценных пушных зверей служил для обмена охотников-таежников со скотоводческими и земледельческими племенами степной зоны, а также, одним из видов подношения своим владыкам. Добыча охоты, особенно шкурки ценных пушных зверей служили, кроме того, целям широкой торговли (Там же : 185).

В наиболее тесных отношениях с таежниками были те степняки, которые жили в районах подтаежных, поэтому не случайно, что в степных таштыкских склепах этого не наблюдается, зато выявлено в склепе Сырского чаа-таса, расположенного в пограничном районе между горно-таежной зоной (отроги Кузнецкого Ала Тау и Абаканского хребта) и последними "заливами" минусинских степей в горные котловины (Там же : 192).

В таштыкское общество, по имеющимся данным, входили, кроме таежных оленеводов-охотников, в основном степные скотоводы, ведущие, в основном, полукочевой образ жизни, и оседлые земледельцы, имевшие, кроме этого, в качестве подсобного занятия пастушеское скотоводство. Анализ размещения погребального инвентаря при отдельных погребениях приводит к выводу, что в социальном отношении в таштыкское время общество расслаивалось на три основные группы: свободное рядовое население, которое составляло большинство; бесправная группа зависимых соплеменников и все более обособляющаяся группа знати. Было у древних кыргызов и рабство. (ср.: Будун, күмүш-будун, эль кырг. надписей).

К концу таштыкской эпохи коллективные усыпальницы знати исчезают, приходят индивидуальные погребения. В поздних таштыкских погребениях находили остатки трупосожжений одного, реже двух человек, лежавших у одной из стенок ямы, а при них глиняные сосуды, деревянные блюда и плошки с костями коровы и барана. Совершенно та же картина представлена и в могильных ямах кыргызских курганов типа Чаатас. У одной из стенок, возле группы глиняных сосудов лежат грудкой пережеванные кости человека. Иногда таких грудок в одной яме две или три, но не больше. Зато во множестве лежат кости барана и коровы - главным образом бараньи скелеты и их курдючные части, и ребра коровы" (Там же : 566).

Находки в таштыкских погребениях и в древнекыргызских каменных курганах ("чаатас"), а также на древнекыргызских стоянках указывают на наличие генетической связи между таштыкской и древнекыргызской культурой (Там же : 467-468). Культура кыргызов Среднего Енисея, Минусинской котловины развивала традиции таштыкской культуры, хозяйство которой носило комплексный характер (Савинов ; 1984 : 79). На связь кыргызских курганов Чаатас с позднеташтыкскими склепами указывают и некоторые вещи из погребального инвентаря кыргызских курганов. Внешний вид кыргызских курганов типа Чаатас во многом повторяет земляные тагарские курганы (Киселев ; 1951 : 566). "Однако, если сходство во внешнем оформлении курганов до известной степени может быть результатом подражания более древним памятникам, всегда бывшим перед глазами и поэтому служившими невольными образцами, то этого нельзя сказать о внутреннем устройстве курганов. Между тем, и здесь выявляются

совпадения (Там же).Такую же связь подчеркивают и позднейшие таштыкские погребения, уже не имевшие, огромных размеров усыпальниц таштыкской знати, но приближавшиеся в этом отношении к кыргызским курганам типа Чаатас. То же самое просматривается и в погребальной обрядовости (Там же).

Скромные погребения рядовых кыргызов чаще встречаются в виде обособленных групп, состоящих из нескольких цепочек курганов. Они представляют собой кладбища нескольких семей, составлявших кочевье или оседлый кыргызский поселок. Реже рядовые погребения составляют крайние цепочки чаатасов, где главное место занимают большие курганы знати. Зато там особенно ярко выступает их скромность в сравнении с пышностью инвентаря и более сложным ритуалом соседей (Там же : 600). Крупные каменные курганы, так называемые Чаатас (Камень войны), отличаются не только размерами, но и внешним видом (Там же).

С.А.Теплоухов также считал каменные курганы типа Чаатас как продолжающие прежние таштыкские традиции и относил их к V-VII вв. (Теплоухов ; 1929 : 50-55).

М.П.Грязнов прослеживает некоторые аналогии таштыкской керамики тепсейского этапа с памятниками енисейских кыргызов (Грязнов ; 1971 : 106).

Д.Г.Савинов также признает преемственность между таштыкской культурой и культурой енисейских кыргызов, которая выражается как в общем обряде трупосожжения, конструктивных деталях погребальных сооружений, так и в наборе целого ряда предметов сопроводительного инвентаря (керамики, украшений, вооружения и т.д.) (Савинов ; 1984 : 41-42).

По-видимому, еще до 2-ой пол. VI в. на Енисее, в Минусинской котловине существовало кыргызское государство.

В IX в. в погребальном обряде кыргызов произошло крупное изменение. Обычай сожжения был почти оставлен. Распространились погребения с конем (Киселев ; 1951 : 603-604). Распространение в районах Среднего Енисея нового для этой области погребального обряда должно было означать приход нового населения, ставшего элем-гегемоном в кыргызском государстве. Ими могли быть алтайские (западные) кыргызы-кочевники. Во 2-ой пол. VI или нач. VII вв. они появились в районах на севере Алтая и Енисее и, надо полагать, пришли они с юга. Датирование появления на Енисее погребений с конем IX-X вв. вряд ли допустимо. IX век, это время наивысшего могущества и подъема государства древних кыргызов, период Кыргызского Великодержавия.

Впрочем, открытие С.В.Киселевым в Минусинской котловине погребения с конем в каменных кольцах у с. Усть Тесь и с. Кривинского датировались им первоначально VI-VIII вв. (Киселев ; 1929 : 156). После находки монет Каюань Тунбао, аналогичным найденным «в бесспорно позднем» (Савинов ; 1984 : 51) Тюхтятском кладе IX-X вв. в кургане 19 могильника Капчалы II (Левашова ; 1952 : 134-135) Л.А.Евтюхова все трупоположения с конем в Минусинской котловине (Усть Тесь, Капчалы II, Таштык, Уйбат II и др.) датировала IX в. и предположила смену погребального обряда у енисейских кыргызов. Как выяснилось впоследствии, монеты Каюань Тунбао имели достаточно широкий период обращения (621-907 гг.), и поэтому их находки в погребениях не могут служить опорным датировочным пунктом.

Работа по датировке алтайских курганов была продолжена А.А.Гавриловой на материалах могильника Кудыргэ. Главный принцип ее исследования - "разработка относительной хронологии памятников с малым количеством датированных находок - необходимое условие и для определения хронологии абсолютной" - позволил детально рассмотреть развитие основных форм предметов сопроводительного инвентаря и сгруппировать могилы, где они были найдены, в определенные типы: кудыргинский - VI-VII вв. (куда вошли и минусинские погребения с конем), катандинский - VII-VIII вв., сrostский - VIII-X вв., и наиболее поздний - часовенно-горский - XIII-XIV вв. При этом А.А.Гаврилова вернулась к ранней датировке Усть-Тесинских погребений, включив их в число памятников Кудыргинского типа.

Среди более поздних работ следует отметить интересный обзор памятников тюркского времени в Южной Сибири В.А.Могильникова, основанный (с незначительными корректировками) на периодизации А.А.Гавриловой (Гаврилова ; 1965 : 79). Остальные исследователи придерживаются, в основном, более широких датировок в пределах I тыс. н. э.

Единого взгляда по хронологии погребений с конем нет, "поэтому обращение к ним, как к историческому источнику требует, в первую очередь, определения коррелирующих признаков, по которым они могут быть объединены в группы могил, относящихся к тому или иному хронологическому периоду. В качестве таких признаков на современном этапе изучения могут быть названы - ориентировка погребенных, типовой набор предметов сопроводительного инвентаря, наличие или отсутствие тех или иных элементов,

характерных для смежных этапов развития древнетюркского историко-культурного комплекса" (Савинов ; 1984 : 53).

Погребения с конем, которые могут быть отнесены к VI-VII вв., известны во многих районах Первого Тюркского каганата - в Южной Сибири (на Алтае, в Туве и Минусинской котловине), в Средней Азии и Казахстане. На Горном Алтае этим временем датируется часть погребений Кудыргинского могильника, в одном из которых (мог. 15) была найдена монета 575-577 гг. К Кудыргинскому типу могил на Алтае А.А.Гаврилова относит также погребения Катанда II, кург. I; Курота I, кург. I; Туэкта, кург. 7, «отличающиеся от кудыргинских широким расположением могил и некоторыми вещами» (Гаврилова ; 1965 : 58).

Появление захоронений с конем в Минусинской котловине (с отклонением на юг) под каменными кольцами, раскопанные С.В.Киселевым у с. Усть Тесь и с. Кривинского (Киселев ; 1929 : 114-119), "может быть связано с завоеванием Цигу Мухан каганом в сер. VI в. и проникновением какой-то группы алтайского населения на Средний Енисей" (Савинов ; 1984 : 53). "Что касается других погребений с конем в Минусинской котловине, отнесенных А.А.Гавриловой к Кудыргинскому типу могил (Капчалы II, кург. I, 8, 12, 19; Уйбат, кург.1), то принадлежность их к VI-VII вв. вызывает сомнение. Могильник Капчалы II, за исключением кург. 4, 5 с остатками трупосожжений, представляет собой достаточно монолитный комплекс, который, по поздним типам может датироваться VII-VIII вв. и вплоть до IX в. (Левашова ; 1952 : рис. 5). В кургане I могильника Уйбат II, найдены плоские ромбические наконечники стрел (Евтюхова ; 1948 : 61-62), которые появляются в Южной Сибири не ранее IX в." (Савинов ; 1984 : 54).

По мнению Гумилева, Гавриловой, Савинова, Трифонова погребения с конем относятся не к тюркам - тугю, а к другим тюркоязычным племенам, в первую очередь, телеским, входившим в состав древнетюркских каганатов (Там же ; 55). По мнению Киселева и Евтюховой, "в разных районах погребения с конем имеют разную этническую принадлежность - в Монголии они оставлены древними тюрками, на Алтае - племенами теле, в Минусинской котловине - енисейскими кыргызами" (Там же).

С.А.Теплоухов, относивший раскопанное им погребение на р. Таштык к VII в., отмечал, что "подобного рода могилы являются новым типом для Минусинского края" (Савинов ; 1984 : 63). Л.Р.Кызласов считает, что, погребения с конем, как и другие нетипичные для енисейских кыргызов захоронения, оставили представители иных этнических групп. Наиболее верным, на наш взгляд является заключение Д.Г.Савинова, ведущего специалиста по археологии Южной Сибири древнетюркского периода. Приведем его дословно: "Погребения с конем, на территории Минусинской котловины образуют определенный хронологический ряд: Усть Тесь и Кривинское (VI-VII вв.); Капчалы II, Тепсей III (VII-VIII вв., скорее всего VIII в.); Таштык (VIII-IX вв.); Уйбат II, где найдены уже плоские ромбические наконечники стрел (IX-X вв.), что можно рассматривать как отражение длительного проживания на протяжении всей второй половины I тыс. в Минусинской котловине какой-то группы населения, хоронившей своих покойников в сопровождении коня" (Савинов ; 1984 : 64).

Совершенно верное заключение, являющееся археологическим свидетельством проникновения в Минусу во 2-ой пол. VI или нач. VII в. кыргызов-теле, до этого

живших в составе племен теле и государства Тугю (Тюркского каганата).

По мнению А.А.Гавриловой, носители кудыргинского типа погребений с конем были "пришельцы на Алтае, вклинившиеся на территорию, занятую ранее берельскими племенами, продолжавшими жить и в кудыргинское время, и появившиеся до кудыргинцев тюрками - тугю" (Гаврилова ; 1965 : 59). По Д.Г.Савинову, по крайней мере, "часть скотоводов теле, очевидно, придерживалась традиционного для территории Саяно-Алтая обряда погребения с конем" (Савинов ; 1984 : 51).

Первоначально, кыргызы -теле вероятно, поселились в верховьях Оби, а затем уже проникли в западную часть Минусы. Ко времени существования Первого Тюркского каганата на Северном Алтае "по-видимому, относятся несколько погребений Осинковского могильника", исследованного Д.Г.Савиновым в 1970 г. (мог. 19, 21, 23, 52). Они представляют собой одиночные трупоположения на спине с неустойчивой ориентировкой погребенных (северо-запад, юго-запад, северо-восток). В числе предметов сопроводительного инвентаря найдены бронзовые щитовидные и фигурные бляшки, трехлопастный наконечник стрелы, однокольчатые удила с одним костяным двудырчатым псалием" (Савинов ; 1971 : 219-220). По форме этих предметов, ранее не встречавшихся в культуре Северного Алтая, они связываются с кругом памятников кудыргинского типа (Савинов ; 1984 : 75). Примечательно, что именно в это время кончает свое существование верхнеобская культура, скорее всего, в результате прихода нового населения (Там же).

Есть основания полагать, что кыргызы-теле обитали, также, на Севере Алтая, в районах верховий Оби, к западу от Минусы.

К более позднему времени относится могильник, раскопанный А.П. Уманским на р. Ине (Уманский ; 1970). Для инских погребений характерны трупосожжения и трупоположения с северо-восточной ориентировкой, нахождение нескольких могильных ям под одной насыпью (кург. 4), сопроводительные захоронения коней и собак, подбой для конских погребений, наземные дерновые сооружения и следы обильных тризн. Все это говорит о сложном этническом составе оставившего их населения (Савинов ; 1984 : 75). А.П. Уманский датировал могильник на р. Ине VIII-IX вв. (Уманский; 1970 : 72). Позднее было высказано мнение о принадлежности его к более раннему периоду времени - конец VII-VIII вв. (Неверов ; 1980 : 101).

Два впускных погребения с конем и сопроводительным инвентарем VIII-IX вв. известно на территории Кемеровской области (Мартынов, Мартынова, Кулемзин; 1971 : 40-47).

Все это, может свидетельствовать о приходе из Минусы, в зоне традиционного обитания енисейских (восточных) кыргызов каких-то групп населения, или переселенных сюда алтайскими (западными) кыргызами. Возможно, также, что западно-кыргызский компонент инских погребений (или часть их) принадлежала алтайским (западным) кыргызам Минусы, которые могли прийти туда вместе с их енисейскими (восточными) собратьями.

Основной вид погребальных сооружений енисейских (восточных) кыргызов в Минусинской котловине во второй половине I тыс. н.э. - Чаа-тас, что означает в переводе - Камень войны. Наземная часть чаатасов представляет собой

юртообразную постройку из горизонтально поставленных плит, у основания которой установлены вертикальные вкопанные камни, явно продолжающие тагарскую и тесинскую традиции. Под ними, в прямоугольных ямах, укрепленных по стенкам деревянными столбиками, находятся остатки трупосожжений, керамика и немногочисленные предметы сопроводительного инвентаря. Иногда, здесь же, встречаются погребения по обряду трупоположения. Без существенных изменений, независимо от размеров сооружений и социального положения погребенных, основные конструктивные особенности чаатасов сохраняются на протяжении всей второй половины I тыс. н.э. вплоть до X в. (Савинов ; 1984 : 81). У енисейских (восточных) кыргызов обряд трупосожжения сохранялся до XVIII в.

"Очевидно, - пишет С.В. Киселев, - различия в богатстве инвентаря и разнообразие погребальных обрядов, одинаково отражали сложность общественного устройства кыргызов, как в VI-VIII, так и в IX-X вв." (Киселев; 1951 : 603-604). Так, например, "народ Фури" "в отличие от других кыргызов" "уносил своих мертвых в горы и оставлял их на деревьях, пока они не разлагались" (Бартольд ; 1927 : 21).

Древнекыргызское государство Хагяс (Кыргыз) представляло собой сложную этническую общность, состоявшую из этноса-элиты (собственно кыргызы) и ряда "вассальных поколений", занимавших подчиненное положение в социальной иерархии (Савинов ; 1984 : 78). Это подтверждается и данными древнекыргызских и китайских источников.

Древнекыргызские надписи можно разделить на ранние (до VII в.) и поздние (после VII в.); или восточно-кыргызского

и западно-кыргызского времени. Древнекыргызское государство на Енисее (до VII в.), очевидно, состояло из отдельных элей, в свое время объединенных в одно государственное целое, вместе с тем нередко находившегося в состоянии раздробленности. Во главе этих элей или княжеств стояли свои беги (князья), управлявшие ими.

О составе каждого эля можно, также, судить на основании ранних (восточно-кыргызских) текстов. Так, в надписи Уры бега, наряду с пришедшими оплакать умершего витязями и бегами, его товарищами и союзниками по походам, упоминаются пятьдесят витязей, "лучших спутников" и старшие, и младшие братья, т.е. родня и дружина, необходимая опора для осуществления владельческих прав. Аналогичный состав местного эля сообщает надпись на оборотной стороне стелы в Уюке. Учин-Күлүг умер "не мог остаться" "среди вас, моих витязей сородичей, витязей «огушей, витязей огланов". Можно видеть, что, помимо родственников, в эль входили дружинники - клиенты богатого аристократа (огуш) и дружинники-огланы, конная молодежь (дружина молодшая?). Об этом своем эле главные заботы владельцев. Так, Тархан-Шангун приобретает для эля; Бай-Апа назван "эпо угодивший" (Киселев; 1951 : 595).

В надписях, относящихся к позднему (западно-кыргызскому) периоду эли и их беги (князья) объединены в одно государство и народ, во главе которого стоит хан (хотя, хан в некоторых случаях, мог присутствовать и в ранне-кыргызских надписях). Например: "От вас, мое государство, мои госпожи (принцессы), мои сыновья, мой народ, от вас моих в шестьдесят лет (я отделился, т.е. умер). Мое имя Эль Туган тутук. Я был посланником (эльчи) у божественного моего государства. Я был князем (бег) шестисоставному

народу (народу шести отделов — алты баг)» (Орхон-Енисей ; 1982 : 144).

Моя родная земля, моя благословенная земля, вам, родной мой народ, правитель (хан), рабыни, служанки (?), мужи моя, бел (?)... Сто мужей, мои родственники, вам моим тысячам мужам, моему народу, вы мои, мужайтесь (терпите), народ мой, добрый отец" (Там же : 184).

Алтайские (западные) кыргызы были господствующим элем в древнекыргызском государстве Хагяс (Кыргыз) с сер.VII в. Так, С.В.Киселев указывал на то, что ни в одной "рунической" надписи, найденной на Енисее, в области расселения самих кыргызов, ни разу не встречено это их имя. В Енисейских надписях господствуют местные наименования племен, позволяющие нанести на карту некоторые из кыргызских племенных объединений. Так, на территории современной Тувинской автономной области, в бассейне Улут-Кема и Бей-Кема в VII-VIII вв. обитали племена тюлебары, а в долине Кемчика — кештимы. На территории Минусинской котловины, в степях между Абаканом и Енисеем надписи размещают «превосходный народ большар». Что же касается более северных районов, то там, на обширном пространстве от Уйбата до Белого Июса, на запад от Енисея жили "народы" ач и билиг" (Киселев ; 1951 : 562).

С.В.Киселев пишет, что "такое господство местных наименований, при отсутствии общего "Кыргыз" (в то время хорошо известного политикам Центральной Азии и Китая), очевидно, указывает на два обстоятельства. Во-первых, на превосходство исконно Енисейских элементов, для которых, очень долго имя "Кыргыз" было чуждым. Во-вторых, на известную слабость политического единства енисейских племен в VII в., когда «была создана основная масса надписей

тувинских и минусинских степей" (Там же). С.В.Киселев указывал на устойчивость в кыргызской среде местных динлинских элементов, которую "косвенно подтверждает и тот факт, что общее наименование "Кыргыз" отсутствует в Минусинских и Тувинских надписях. Очевидно, для большинства приенисейского населения, издревле местного, южное имя "Кыргыз" (Гяньгунь) долго было чуждым. Лишь в упорной борьбе за самостоятельность против тюрков и уйгуров, в VII-IX вв., приенисейские "народы" объединились под общим наименованием «Кыргыз» (Там же).

Л.Р.Кызласов, на основе исторических сведений разноязычных источников, начиная с VIII в., пришел к выводу, что на Енисее кыргызы были не особым народом, а немногочисленной, но руководящей группой, будучи ядром, объединяющим и возглавлявшим разноязычные племена и роды (угорские, самодийские и тюркоязычные), входившие в одно государственное целое (Кызласов ; 1968 : 90, 91). Из состава кыргызов, по его мнению, выходили беги, каганы, возглавлявшие все племена Среднего Енисея (Там же : 91).

Далее, он отмечает, что в известных "древнекыргызских надписях VII-XII вв., обнаруженных в бассейне Верхнего и Среднего течения Енисея, не упоминается имени кыргызов. Зато, там, постоянно встречается термин эль (на разных наречиях писался как -эл или - ил), переводимый лингвистами, в достаточной степени условно, как "государство, племенной союз, народ..." (Там же : 96). По мнению Л.Р.Кызласова, эль енисейских надписей есть своеобразный синоним аристократического рода Кыргыз, находившегося у власти на Среднем Енисее. "Для современников одного государства слово эль не требовало никакой дополнительной расшифровки. Все знали, что такое

господствующий эль. Поэтому, имя рода Кыргыз не писалось. Кроме того, нельзя было назвать кыргызами и часто упоминающийся в надписях кара-будун (т.е. черный или простой народ), ибо народ относился к другим родам и племенам. Противопоставление или разграничение эля и кара-будун в этих эпитафиях довольно обычно" (Кызласов ; 1968 : 97). Л.Р.Кызласов утверждает, что "кыргызов, как особого народа на Енисее никогда не было, и нет никаких данных для утверждения, что слово "кыргыз" когда-либо служило самоназванием всего населения государства Хагяс (Кыргыз)" (Там же).

Под элем древнекыргызских надписей, по-видимому, следует видеть алтайских (западных) кыргызов-теле, которые господствовали в государстве Хагяс (Кыргыз) с конца VI-VII в. н.э. Ну, а остальное население древнекыргызского государства могло обозначаться как -кара будун (черный или простой народ). В енисейских надписях встречается, также, кюмюш будун (серебряный или серебряный народ), в котором, можно видеть енисейских (восточных) кыргызов.

Так, в памятнике в Кежилиг-Хобу говорится: "Мое имя младенца Шубу (Чубуч?), мое имя мальчика Күмюль Угя (или Огя). В пятилетнем моем возрасте я, оставшись без отца, а к девятнадцати годам, будучи без матери, я, возмужав, к тридцати годам (наконец) сделался служащим (öge) государства. В сорок лет я, как государственный чиновник (тутук), управлял своим народом. Я воевал с внешними врагами и побеждал. На шестьдесят первом году в голубом небе я не стал ощущать солнце и луну (я стал глух, отошел от солнца и луны).

...Мое государство, вам моим, моя земля и моя вода, вам моим, в тереме принцессы мои, я увя, вам моим... Подруги

мои, мои товарищи, вам моим, юношам моим, вам моим, мое множество скота (букв. светлое и черное), вы сто пятнадцать тысяча (разбежавшихся) коней и вам моим. Мой народ вы муж... серебряный народ мой... серебра... серебро, я и доброе взял вы мои, я всем этим не наслаждался (или молодой Кюмюль я все хорошо приобрел, но не мог насладиться)" (Орхон-Енисей тексттери ; 1982 : 189). Вполне возможно, что под кюмюш будун следует видеть енисейских (восточных) кыргызов.

Эль в ранне-кыргызских надписях (до VII в.) могло употребляться, как -эль-народ отдельного бега (князя), также, возможно, в некоторых случаях и, как господствующий эль среди остальных элей (княжеств) государства Хагяс (Кыргыз). В позднекыргызских надписях под элем мог иметься в виду господствующий в древнекыргызском государстве эль (алтайские (западные) кыргызы), из которого и происходил хан (каган) Хагяса, стоявший во главе всех бегов (князей) и их элей (княжеств), составлявших будун (народ всего государства Хагяс). Вероятно, из-за слабости на определенном периоде единства в государстве Хагяс, политической раздробленности и были они покорены алтайскими (западными) кыргызами-теле; во всяком случае, попали под их гегемонию.

"Копенское поселение показывает, - пишет С.В.Киселев, - что быт населения в кыргызскую эпоху был своеобразен. В нем очень сильны были черты кочевничества. В этом, прежде всего, убеждает форма жилищ (Киселев ; 1951 : 568). Алтайские (западные) кыргызы-теле до переселения на север Алтая и Минусинскую котловину находились в составе Тюркского каганата. Этим и можно объяснить наличие в древнекыргызском государстве ряда элементов, общих с

культурой орхон-алтайских тюрков. В частности, к этому можно отнести многие черты социальной организации и терминологии, вооружения, конского снаряжения (Савинов ; 1984 : 47). К их числу Д.Г.Савинов, также, относил памятники рунической письменности (Там же).

Все приведенные выше параллели могли быть следствием как влияния на население Минусинской котловины со стороны восточных кыргызов (цигу), родственного господствовавшему позднее у тюрков роду Ашина, так и более позднего привнесения алтайскими (западными) кыргызами, жившими долгое время в Тюркском каганате. Ведь многие элементы культуры орхон-алтайских тюрков и их социальной организации, титулатуры, создавались или появлялись в процессе создания ими своего государства - Тюркского каганата, и его повседневной жизни, являлись результатом многолетнего опыта и поисков.

Интересно, в Тан Шу говорится: "Впоследствии (т.е.после 758 года. -Э.у.К.) северные кочевые ошибочно Хагяс называли Хакянсы, что на ойхорском (уйгурском) языке значит: краснолицый, и это слово еще ошибочно выговаривали Гягяс" (Иакинф ; 1851 : 449). Между тем, известно, что древние кыргызы раскрашивали себе лица. Об этом говорят погребальные маски, сделанные из гипсовой терракоты, обнаруженные там. Они копируют лицо погребенного. Причем щеки были раскрашены в ярко- красный цвет . По-видимому, на основе этого их и могли называть "северные кочевые» краснолицыми. Кстати, кажется, и цвет знамени Хагяса был красным.

Так, в Элегешской надписи, посвященной знатному кыргызу, говорится: "Я отделился (т.е. умер), горюя, от моего хана, от моего государства. Красивое алое знамя государства;

я привязал мой золотой пояс (калчан) у поясницы. На земле мое государство в мои тридцать девять лет... По воле (под-) знаменного именитого Ток-Бөгю (т) и ради доблести князя (моего) отдал...." (Орхон-Енисей тексттери; 1982 : 152-153). В четвертом Ча-Кольском памятнике, также посвященном знатному кыргызу, говорится: "Я тутук (чиновник) алого знамени...." (Там же : 160).

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится, что кыргызы "имеют знамена и флаги. Их Аже установил штандарт, низ его весь красный" (Кюнёр ; 161 : 60). В Тан Шу говорится: "У него (т.е. - Э-у.К.) водружено знамя. Прочие прозываются названиями поколений" (Иакинф; 1851 : 445). Последнее предложение Н.В.Кюнёр переводит так: "Подчиненные все уважают красный цвет или можно перевести: подчиненные все лишены (не имеют знамен)" (Кюнёр ; 1961 : 9). У Среднеазиатских кыргызов тоже было знамя алого (красного) цвета (Эсен уулу Кылыч; 14 апр. 1993).

Вероятно, все вышеуказанные сведения китайских и древнекыргызских источников относились ко времени господства на Енисее, в Хагясе алтайских (западных) кыргызов, у которых и мог быть цвет знамени алым (красным). Может быть, что красный цвет был местного (енисейского) происхождения и, возможно, был связан с культом огня у енисейских (восточных) кыргызов. Тогда, алое (красное) знамя могло быть перенято алтайскими (западными) кыргызами у населения Хагяса. Интересно, также, сообщение Тан- Шу о том, что хагясы (кыргызы) "с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами" (Иакинф ; 1851 : 445).

Между тем "и непосредственное наблюдение, и антропологическое изучение масок" показывает на тип "со

значительной монголоидной примесью уже весьма близкий ко внешнему облику современного населения Хакассии" (Киселев ; 1951 : 458). Это подтверждает, что китайские посланники, шедшие в ставку кыргызского правителя через восточные районы государства Хагяс, описали внешний вид, образ жизни племен, расположенных за правым берегом Енисея, входивших в состав населения государства древних кыргызов и имевших подобные антропологические признаки. Это может подтверждаться еще и тем, что даже в самых поздних склепах Уйбатского этапа, наряду с монголоидными, продолжают встречаться и типично европеоидные маски (Кызласов ; 1960 : 188). Это объясняется "относительной малочисленностью тюркоязычного кыргызского населения" на Енисее (Там же).

Рыжие и каштановые волосы, по мнению Л.Р.Кызласова, имели потомки динлинов. Они были в большом количестве, в виде кос и отдельных волос, прилипших к маскам, найденных в погребениях Оглахтинского могильника (Кызласов ; 1960 : 191). В общем, в отрывке Тан Шу "хорошо отражен смешанный состав" населения государства Хагяс, "среди которых, наряду с рыжеволосыми и голубоглазыми, были черноволосые и кареглазые люди". Так, в памятнике на Ачуре (найден в Койбальской степи, на правом берегу Абакана), посвященном знатному кыргызу, говорится: "... На семнадцатом году его доблестных подвигов, доблесть его (т.е. он сам) умерла... Находящийся на земле, отмеченный клеймом (тамгой) скот был без числа,....денег у него было без числа, как черные волосы. Количество войска, выступившего против врага, было семь тысяч молодых людей" (Орхон-Енисей тексттери; 1982 : 167).

Известный немецкий синолог конца XIX века В.Шотт считал, что слово Мидичжи (Мидичжита, обозначающее в Тан Шу дом (войлочную юрту) Хагяского государя (по Тан Шу: Ажо), происходит от самодийского "миди" ("меади") - "место палатки", а сам титул Ажо он сопоставлял с самоедским "ассе" - "отец", в значении "отец страны" (Кызласов ; 1960 : 188). Это подтверждает, что путь китайского посольства, шедшего в ставку кыргызского правителя, проходил через восточные районы страны кыргызов (Хагяса), и что они прошли по землям, расположенным в правобережной части Енисея, где обитали, в основном, потомки древних обитателей этих краев (динлинов) (Эсен уулу Кылыч ; 1993).Для них, и был характерен европеоидный тип сложения, хотя среди них, в то же время, были и черноволосые и кареглазые люди. Черноволосых они считали "нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лина" (, т.е. потомками кыргызов (Там же).

В Тайпиньхуаньюцзи говорится: "Их жители (т.е. Хагяса. - Э.у.К.) телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливymi. Ибо в Сиюйцзи (Записки о Западном крае), сочинении Цзя Хуя, говорится: "Имеющие черные волосы и черные глаза - это потомки Ли Лина". Поэтому их самоназвание есть: "потомки дувэя" (главноуправляющего, т.е. Ли Лина)" (Кюнер ; 1961 : 55). То есть, из этого видно, что это было народной поговоркой, суть которой могло означать - потомки кыргызов.

Они-то и могли именовать кыргызского хана отцом страны, т.е. Ассе или Ассо (Оссо), что и было зафиксировано китайцами как -Ажо. Кроме того, они, также, именовали

местопребывание кыргызского правителя, его большую войлочную юрту -местом палатки, т.е. как- миди или меади, что и было зафиксировано китайцами, как -Мидичжита (или Мидичжи).

Первые сведения о стране и государстве древних кыргызов китайцы, как очевидцы получили именно от элей правобережной части Енисея, восточной стороны Хагяса, через земли которых и двигались китайские посланники в глубь страны кыргызов, в центр их государства. Известно, что в кыргызское время наряду с тюркоязычными кыргызами в Хакасско-Минусинской котловине жили и самодийские племена, которые сохранились на этой территории вплоть до современности. Самодийские племена и в таштыкское время жили в горно-таежных районах Саян, прилегающих к Хакасско-Минусинской котловине по правобережью Енисея (Кызласов ; 1960 : 190). В последующие века, наряду с кыргызами, в Хакасско-Минусинской котловине и смежных горах продолжали жить племена, говорившие на угорских, самодийских языках, а на северо- востоке, вниз по Енисею и вверх по Ангаре - на кеттском языке (История Сибири ; 1968 : 297).

Еще в XVII веке на Среднем Енисее наряду с енисейскими кыргызами и целым рядом других отореченных к тому времени племен, составлявших основное население кыргызских княжеств, "здесь продолжали обитать самоедоязычные (в основном Тубинское княжество), кеттоязычные (район Красноярска) и угроязычные мелкие этнические группы, которые вошли в состав современных хакасов" (Там же). Следует отметить, что еще в XVII веке в Хагясе (стране кыргызов) на Енисее употреблялся термин Ажо (Ожо) - в значении судьи .

В таштыкскую эпоху, резко различались от остальных, судя по погребальным сооружениям, племена, жившие по правому берегу Енисея (юртообразные курганы, склепы без входов, отличия в керамике, отсутствие статуй животных и людей и вообще деревянных предметов, в том числе зонтов, отсутствие миниатюрных бронзовых воспроизведений сосудов, большая скромность инвентаря и т.д.). "Чем объясняются эти различия левобережных и правобережных племен - в настоящее время, опираясь лишь на археологические факты, установить невозможно. Вероятнее всего, учитывая полную территориальную разобщенность, можно предполагать значительную этническую обособленность правобережных племен от левобережного населения. При всем этом левобережные племена играли доминирующую роль в общем Минусинском племенном союзе, центр которого находился в степях по Уйбату, где сохранился основной некрополь таштыкского времени (на территории Уйбатского чаа-таса). С этой точки зрения представляется особо интересным, что на Уйбатском этапе правобережные склепы имеют уже вместо юртообразных насыпей курганы усеченно-пирамидальной формы, что, несомненно, может связываться с усилением влияния левобережного населения" (Кызласов ; 1960 : 191).

Погребальные памятники таштыкской эпохи - склепы, свидетельствуют о родоплеменном устройстве общества. Эти обширные погребальные камеры, в которых погребались сожженные останки, нередко свыше сотни людей, служили родоплеменными усыпальницами. Об этом свидетельствуют и родовые тамги на ряде предметов, происходящих из них. Отдельные племена, жившие на обособленных территориях, имели и свои племенные кладбища, позднее у их потомков

превратившиеся в чаа-тасы. Поэтому-то, на каждом чаа-тасе имеются разновременные таштыкские склепы, обычно расположенные цепочкой (Там же).Такая сплоченность племени подчеркивает еще господство первобытнообщинных порядков, а также, необходимость постоянной военной борьбы с захватчиками (Там же).

Территориальная разбросанность кладбищ таштыкских племен свидетельствует о том, что каждое племя имело свою собственную территорию, свое название и, может быть даже и диалект (или язык) при известной обособленности религиозных представлений и культовых обрядов (Там же). Кыргызско-динлинские племена представляли собой отдельные этнические общности - эли, не всегда имевшие одинаковую экономическую базу и единое направление хозяйства, при вхождении их в один племенной союз (Кызласов ; 1960 : 192). Локальные племенные особенности прослеживаются во всех таштыкских кладбищах, хотя они проявляются не ярко и по большей части в малозначительных отклонениях от общей картины (например, большие деревянные статуи животных на Сырах и мелкие статуэтки в склепах на р. Уйбате) Там же : 161).

Археологические данные подтверждают родоплеменной характер таштыкских склепов и то, что в кыргызско-динлинский племенной союз входили не только степные, но и горно-таежные племена, обитавшие в районах, прилегающих к Минусинской котловине (Там же : 192).

Население кыргызского государства занималось в большом объеме земледелием, осваивая даже малоудобные земли постройкой внушительных ирригационных сооружений "вроде виденных Клеменцем между левым берегом р.Базы и р.Аскызом и на Абакане, ниже устья Еси.

Отсюда ясно, что постоянные передвижения были для этого населения невозможны. Между тем, для аристократии кыргызов, обладательницы главных богатств в виде скота, наоборот, необходимо было вести полукочевой образ жизни, что и подтверждает китайское известие и анализ богатых погребений рассматриваемой эпохи. Если же принимать в нашем толковании, то и свидетельства о постоянных его кочевках также не будут стоять в противоречии со значительно оседлым бытом народа "будун". О передвижениях народа в надписях, как и следует ожидать, ничего не говорится.

Зато владельческий эль, например, эль Эрен-Улута, такого же обладателя табунов, как и упоминавшийся Уры-бег, постоянно в движении со своим скотом" (Киселев ; 1951 : 594-595).

По мнению С.В. Киселева местные древнекыргызские надписи и китайские свидетельства сообщают, что во главе кыргызов стояла богатая аристократия, обладательница бесчисленных стад и всяческого имущества, в том числе и рабов (Там же : 593).

Он считает, что эль енисейских надписей -это организация степной аристократии, возглавляемая каганом кыргызов. "Отсюда в будущем разовьется эль -государство. В узком же значении - это аристократический род того или иного народа "будун" - недавнего племени, будущей "землицы" документов XVII века. Его главное богатство -стада, добыча на войне и рабы, при помощи которого ведется личное хозяйство (Там же : 596). В другом месте С.В.Киселев пишет: "Однако ал имеет как бы два содержания. С одной стороны, это вся кыргызская аристократия, то же, что и "вечный эль" орхонских тюрков. Ее возглавляет кыргызский

каган (ср.: "у моего эля, моего хана, я не мог остаться"). С другой стороны, это лишь эль данного витязя, локальная группа знатных, вероятно, родственников между собой (ср.: "у моего живущего на земле эля тигра, у моих одаренных превосходством, я не нахожусь"). Во главе такого аристократического рода могла стоять даже женщина (ср.: "мать эля Билгэ, как увидела мужа среди трупов...") (Там же : 594).

Под элем раннекыргызских надписей следует видеть тот или иной конкретный эль того или иного князя (бега). Таких элей, отдельных этнических групп со своими самоназваниями, обычаями, образом жизни и т.д. на Среднем Енисее было несколько. В свое время они были объединены под властью енисейских (восточных) кыргызов, поселившихся в междуречье Абакана и Енисея. Тем не менее, в тех краях нередко была раздробленность, т.е. территория, составлявшая прежде или входившая в одно государственное образование, представляла собой отдельные княжества (эли или бийлиги), во главе которых стояли свои князья (беги).

В позднекыргызских надписях эти эли и их беги объединены в одно целое, народ которого обозначается как-будун.. Во главе государства стоит эль-гегемон с ханом (каганом), которому подчиняются беги (князья) и их эли. Этим элем-гегемоном и были алтайские (западные) кыргызы-теле. Позднее, во главе государства стоит вся кыргызская аристократия (т.е. всех элей, составлявших народ (будун) Хагяса) во главе с кыргызским ханом и которая вполне могла именоваться элем, в значении- государство, а затем и народ. Ведь объединение этой аристократии (с их элями) это и есть

государство, во главе которого стоит единый правитель - хан (каган).

В Элегешской надписи, посвященной знатному кыргызу, говорится: "от вас моих, мои принцессы в теремах, от вас моих, мои собственные (при себе) сыновья (и) от вас моих, мои сыновья я отделился (т.е. умер). Так, как я имел силу (только) семи моих героических товарищей и так как я сражался со ста мужественными героями, то я отделился (от вас, т.е. умер). Я не стал ощущать солнце и луну на голубом небе, горюя от вас моих и от земли моей я отделился (т.е. умер). В отношении вас - моего хана и моего государства - я не наслаждался. Я отделился (т.е. умер), горюя, от моего хана и моего государства. Красивое алое знамя государства; я привязал мой золотой пояс (колчан) у поясницы. На земле мое государство в мои тридцать девять лет... По воле (под-) знаменного именованного Ток-Бёгю (т) и ради доблести князя (моего) отдал... Мой весь народ, будь тверд. Законы государства не разрушай (не отсылай). От вас, мое государство и мой хан (я отделился, т.е. умер). В жизни моего государства, во время войны, у меня не оказалось героев-удальцов. В сражении всего-навсего нас было восемь героев. Направо (на юг)... делаясь и отделяясь (т.е. умирая). В году Барса герой... У меня был четвероногий скот, у меня был восьминогий скот, и я жил без печали. Печаль быстро мне явилась: я ослаб (пал жертвой за вас моих)! Горюя, мне хотелось бы встретиться с вами (или да буду я вашей жертвой). От моих приятелей, моего пояса (или колчана), от моих (быстроногих коней, увы, от всего народа моего я отделился (т.е. умер))..." (Орхон-Енисей тексттери; 1982 : 152-153). По-видимому, погребенный погиб в междоусобной войне внутри государства Хагяс.

В раннекыргызский период (до VII в.) термин эль мог употребляться в значении - государство, когда енисейским (восточным) кыргызам удавалось объединить родоплеменную аристократию (а вместе с тем и их эли) Хагяса в одно целое государственное образование. Этому, во многом способствовали внешние факторы: угроза порабощения со стороны организованных завоевателей.

Ведь древнекыргызское государство Хагяс было государством военного типа, т.е. имело военную организацию, в котором большое внимание уделялось войскам. Об этом сообщает Тан Шу, где говорится: "Чиновники разделяются на шесть разрядов, как-то Министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и дагяни. Министров считается семь, главноначальствующих три, управителей десять. Все сии заведывают войсками. Делоправителей считается пятнадцать; предводители и дагяни не имеют чинов" (Иакинф ; 1851 : 445). Руническая письменность у кыргызов была распространена "очень широко. На это указывает то обстоятельство, что в степях Кемчика, Улут Кема, Бей Кема, Енисея, Абакана и их притоков обнаружено множество одних только надгробных надписей, из которых некоторые довольно велики. Но не только количество надгробных надписей свидетельствует о широком знании письма. Рунические эпитафии Верхнего Енисея и Минусинской котловины явно рассчитаны на широкий круг читателей не только из представителей знати (Киселев ; 1951 : 611-612). Памятниками древнекыргызского государства считаются надписи долины Енисея и Суджинская стела в Монголии (Кляшторный ; 1964 : 53). Памятники долины Енисея можно разделить на две подгруппы — Тувинскую и Минусинскую, к

которым относятся множество открытых к настоящему времени надписей на надгробных камнях, скалах, золотых и серебряных сосудах, монетах (Там же : 52).

По мнению В.В.Бартольда, "формы букв" енисейских надписей "указывают на более древний период, чем время орхонских надписей;..." (Бартольд ; 1927 : 22). Еще В.Радлов говорил о "значительно большей древности енисейских рукописных писем сравнительно с орхонскими" (Киселев ; 1951 : 607). Он относил их к VII в. н.э., "а В.П.Мелиоранский нашел возможным "отнести их вообще к VII, а, может быть, и к VI в.н.э." (Там же).

Савенков пришел к выводу, что "енисейский алфавит значительно древнее орхонского, что он был заимствован с запада на несколько лет раньше последнего и что даже непосредственная эволюционная связь между обоими настолько сомнительна, что приходится допустить, что оба алфавита являются самостоятельными ветвями и притом различного возраста" (Грум-Гржимайло ; 1933 : 177-178). В 1926 году, в докладе на Тюркологическом съезде в Баку (28 февраля 1926 г.) С.Е.Малов утверждал, что енисейские памятники "датируются двумя, тремя столетиями раньше орхоно-селегинских" (Бартольд ; 1927 : 22).

Не касаясь вопроса о генезисе енисейской письменности и ее происхождении, мы хотели бы отметить, что она уже существовала в Хагясе до VII в. Возможно, что письменность была у енисейских (восточных) кыргызов еще в V в., когда их владение было покорено жуань жуанами. Пришедшие во II пол. VI в. или нач. VII в. на север Алтая и Енисей алтайские (западные) кыргызы, вероятно, переняли письменность у населения Хагяса, традицию установления надгробных эпитафий и некоторые другие элементы из жизни

енисейских (восточных) кыргызов, вернее, ее знати. И, наконец, следует отметить, что "язык кыргызских надписей, обнаруженных на Енисее, родственен орхонскому (алтайскому в своей основе)" (Киселев ; 1951 : 560).

Кыргызы в Тюркский период

В Тан Шу говорится: "Хагяс было сильное государство; по пространству равнялось дулгасским (тюркским) владениям. Дулгасский (Тюркский) дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток простиралось до Гулигани (Курыкан), на юге до Тибета, на юго-запад до Гэлolu (Карлуков) (Иакинф ; 1851 : 447-448). Далее говорится: "Прежде Хагяское государство зависело от Дома Сеянто, который имел там своего Гелифу, для верховного надзора" (Там же : 448).

Гелифа или Сылифа кит. источников реконструируется как эльтебер, титул, встречающийся в древнетюркских рунических надписях. Согласно этим надписям, по степени политического значения различаются два типа народов (будун): народ с эльтебером (эльтеберлиг-будун) и народ с каганом (каганлыг-будун). Титул эльтебер стоял ниже титула каган "и давался предводителям небольших народов, не имевших самостоятельной политической жизни" (Бартольд ; 1963 : 481-482). Нам бы хотелось отметить, что титул эльтебер не всегда могли носить правители или предводители небольших народов. Титул эльтебер мог носить и глава вовсе не малого, даже большого народа - государства, находившегося или попавшего в зависимость (бывшего зависимым) от кого-либо, и не имевшего самостоятельной политической жизни, являясь вассальным владением или государством в составе государства-завоевателя.

Это, может подтверждаться еще и тем, что "китайское правительство, овладев землями Ту-гю (тюрков) в 630 г. и распространило свою власть на "главноначальствующего" с

тем же титулом "сылифа" (Киселев ; 1951 : 562). "Дом Сеянто" принадлежал к числу владетельных тюркских домов, причем китайцы говорят, что "поколение Сеянто составилось из двух родов - Се и Янто". Существует предположение, что Се могло являться передачей тюркского Сир, а Янто - Тардуш, название одной из главных ветвей тюрков" (Бартольд ; 1963 : 482). Кыргызы могли попасть в зависимость от Сеянто в 30-х годах VII века. Однако, факт обозначения главы кыргызов титулом эльтебер вовсе не означает того, что население Хагяса опустилось или сократилось до уровня эльтеберского. На наш взгляд, наличие этого звания (эльтебер) у кыргызского правителя всего лишь указывало на зависимость его и населения Хагяса от "Дома Сеянто", т.е. было вассальным владением или государством в составе каганата Се Янты.

О том, что в зависимости от Сеянто было именно кыргызское государство, и сообщает Тан Шу, где после слов "Хагяс было сильное государство; по пространству равнялось дулгасским (тюркским) владениям. Дулгасский (Тюркский) дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток простиралось до Гулигани, на юге до Тибета, на юго-западе до Гэлolu" говорится, что "прежде Хагяское государство зависело от Дома Сеянто, который имел там своего Гелифу, для верховного надзора" (Иакинф ; 1851 : 447-448).

Примерно около 39 года VII в. западно-тюркский Дулухан "привел под свою власть Сяоми и Гегу (Кыргыз) и простирал виды на поколение Хилишево" (Там же : 317). Кыргызы упоминаются вместе с басмылами, кыпчаками и бома в числе племен, которые обитали "как правильно указывается в китайских источниках, к северо-востоку от западных тюрков" (Потапов ; 1953 : 143-144).

Около 647 года восточно-тюркский Чеби-хан "ушел на северную сторону Золотых гор (Алтая). Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов, только с четвертой есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные, и Чеби занял их. Он имел 30.000 строевого войска, объявил себя Ичжу Чеби-ханом; кочевал в 10.000 ли от Чаньянь. Он покорил на западе Гэлолу (Карлуков), на севере Гегу (Кыргызов); часто выезжал для похищения людей и скота у Янто. Когда Янто пришел в бессилие, то Чебиево положение еще лучше сделалось" (Иакинф; 1851 : 448). В 648 году, согласно Тан Шу, кыргызы, получив известие, что телесские поколения поддались Дому Тан, из Хагяса отправили посланника с местными произведениями.

"Хагясы (кыргызы) никогда не имели сообщения с Срединным государством (Китаем). В двадцать второе лето правления Чжень Гуань, 648, получив известие, что телесские поколения поддались Дому Тан, из Хагяса отправили посланника с местными произведениями. Старейшина Сылифа Шибокую Ачжан лично приехал ко Двору. Тхайцзун, угощая его за столом, сказал своим вельможам: "В прошлое время на мосту Вэй-цзяо отрубили головы трем Дулгасцам (тюркам), хвалившимся множеством заслуг. Ныне сылифа за столом, кажется, вышел из себя. Опьяневший сылифа изъявил желание держать Ху-бань (т.е. быть вассалом. - прим. Иакинфа. - Там же). Император переименовал его владение областью Гяньгунь. Сылифа получил военный чин (Цзю-тхун-вэй-Да-гянь гюнь. - прим. Иакинфа.) и поставлен главнокомандующим в своей области, которая подчинена была Яньчжаньскому наместнику" (Кюннер; 1961 : 55).

Это подтверждается и данными Тайпиньхуаньюйцзи и книги Ли Дэ-юя Вей-гунхуйчен ипиньцзи (Супруненко; 1974 : 240). Из этих данных видно, что уже в 648 году или раньше кыргызы освободились от власти восточных тюрков и вступили в сношение с Китаем, приняв вассалитет. Или же, вышеуказанные сообщения Тан Шу о покорении в 647 г. кыргызов восточными тюрками следует считать не достоверными (не совсем верными).

Дело в том, что согласно традиционному китайскому канону, все соседние с ними народы рассматривались как вассалы Китая, а торговые и посольские связи с ними рассматривались как даннические. С точки зрения китайской дипломатии, учреждение генерал-губернаторства (дуду-фу) на кыргызской территории должно было создавать видимость зависимости кыргызов от Китая. На самом же деле никакой власти в кыргызских владениях Танская империя не имела. "Точно так же, как и принятие титулов иностранными властителями не было связано с какими-либо обязательствами и никак не ограничивало их власть" (Там же : 241).

Согласно Тайпиньхуаньюйцзи (составлено между 976 и 984 гг.) кыргызы впервые "отправили посланника" в Китай в 17 году правления Чжэнь гуань (т.е. в 643 г.). Они, судя по этим данным, якобы отвезли туда "соболиные шубы и соболиные шкуры" (Там же : 55). Еще раньше, согласно этому же сочинению, в 6 г. правления Чжэнь гуань (т.е. в 632 году) император Китая Тайцзун "отправил Янь-Ши Вэя Ван И-хуна посланником в их (кыргызов) государство" (Там же). Это известие Тайпиньхуаньюйцзи подтверждается и данными из документов Ли Дэ-юя, его книги Ли Вэй-гун хуйчан ипиньцзи (Супруненко; 1974 : 240).

В царствование (в Китае) императора Гао Цзуна, 650-683 гг.) (кыргызы) дважды приезжали ко Двору (китайскому). В правление Цзинь-Лунь, 706-711 гг.), (кыргызами) представлены были (китайскому двору) местные произведения (Иакинф ; 1851 : 448-449). В 653 г. древние кыргызы приезжали с подарками для выкупа своих соплеменников, каким-то образом попавших в Китай. Император Гао цзун (650-684) в ответ на это отправил в страну кыргызов своего посланника Фань Цянля с дарами (Супруненко ; 1974 : 242). Согласно Тайпиньхуаньюцзи, это событие произошло в 654-655 гг. (Кюнер; 1961 : 56). В 675 г., согласно Цзю Тан Шу в 676 г., древние кыргызы доставили в Китай лошадей (Супруненко ; 1974 : 242). В обмен на коней кыргызы получали шелковые ткани.

В годы правления императора Чжун цзуна (705-710 гг.) кыргызы дважды приезжали в Китай. Это было в 707 и 709 гг. (Там же). О посольстве древних кыргызов в Китай в 711 г. упоминается в письме императора Жуй Цзуна (710-712 гг.) к тюркскому кагану (Там же).

В царствование в Китае государя Сюан Цзуна, 713-755 гг.), (от кыргызов) было четыре посольства (в Китай) с местными произведениями (Иакинф ; 1851: 448-449). В энциклопедии Це фу юань гуй упоминается о пяти посольствах: в 722 г. к Китайскому двору прибывал кыргызский тегин Исибо Шэючжэ Биши Сыгинь; в 723 г. — тегин Цзюйли Пиньхэчжун Сыгинь. Им обоим были пожалованы военные чины. В 724 г., 747 и 748 гг. кыргызы пригоняли лошадей для обмена (Супруненко ; 1974 : 242).

В Тайпиньхуаньюцзи говорится, что "вплоть до годов правления Тяньбао (772-756)" приходили послы из государства Хагяс в Китай.

"Таким образом, - пишет Г.П. Супруненко, - в VII-VIII вв. кыргызы вели с Китаем торговлю, обменивая лошадей на китайские товары. Дипломатические визиты с доставлением подарков обычно наносились ими в конце года, во время традиционных торжеств. В таких случаях, посланники получали награды. В Китае же, подобные торговые отношения и дружеские визиты расценивались как символ покорности иноземцев императору" (Супруненко ; 1974 : 242).

В начале VIII века во главе государства Хагяс стоял Барс-бег, принявший тронное имя Ынанчу Алп Бильге. В борьбе против тюрков Барс-бег хотел привлечь и Тибет. Туда, им было послано посольство, во главе с Эрен-Улугом, из рода булсаров, уже трижды до этого выполнявшего дипломатические функции. Миссия кыргызов, судя по исторической ситуации, не имела успеха, так как тибетцы не выступили против восточных тюрков. Сам Эрен-Улуг по неизвестным причинам умер в Тибете. Надгробные стелы с описанием подвигов Барс-бега и жизни Эрен-Улуга были найдены в Минусинской котловине более ста лет тому назад.

Тюркский каган Мочжо (692-716) считался с каганом кыргызов Барс-бегом. Он выдал за него дочь своего предшественника, кагана-освободителя Гудулу (орх. - Ильтерес) (Киселев ; 1951 : 562). Кыргызское государство всегда было в дружественных культурных связях с Даши (таджиками, как тогда называли арабов), Туфанипо (Турфаном) и Гэлолу (Карлуками); « но туфаныцы, при сообщении с Хагясом боялись грабежей со стороны ойхоров (уйгуров); посему брали провожатых из Гэлолу. Из Даши (страна арабов) не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре

верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года" (Иакинф ; 1851 : 448-449).

Из областей Ислама было два пути в степь, на северо-восток: один из низовьев Сыр-Дарьи, другой от Таласа (ныне Джамбул); оба пути вели в сторону Иртыша . Очевидно, оттуда и продолжали караваны свой путь в страну кыргызов - Хагяс.

Из Китая, например, в Хагяс ввозились металлические изделия - плуги с отвалом, сбруйные принадлежности (даже стремяна), украшения, лаковые изделия и особенно в большом количестве зеркала. Интересные выводы о торговых сношениях с Китаем в связи с внешнеполитическими переменами в положении кыргызов рисуют находки в Минусинской котловине монет (Киселев ; 1951 : 591).

Земледелие и скотоводство были, конечно, основным занятием широких масс населения Хагяса (Там же : 572), однако, в это время земледелие охватило все более широкие территории, чем раньше (Там же : 570). Использование новых земель стало возможным главным образом, благодаря усовершенствованию орошения (Там же). Сама территория Минусинской котловины сравнительно небольшая по размерам, окруженная горно-таежными массивами Саян и Кузнецкого Ала-Тау, в значительно большей степени приспособлена к интенсивному земледелию, нежели к экстенсивному скотоводству. На протяжении всех предшествующих веков здесь, последовательно развивались различные виды земледелия: от ручной или мотыжной его формы у тагарцев, до появления первых пахотных орудий у таштыкцев и, наконец, плужного орошаемого земледелия у енисейских кыргызов (Савинов ; 1984 : 79-80).

Многочисленные остатки ирригационных сооружений в Минусинской котловине говорят о высокой культуре не просто плужного, но и орошаемого земледелия. В качестве основного земледельческого орудия, судя по археологическим находкам, использовался плуг с железным наконечником, сошником или лемехом. Урожай убирали серпами; обмолот производился при помощи специальных мельниц с жерновыми. К этому, следует добавить и злаки, обнаруженные в погребениях, сельскохозяйственные орудия и обломки жерновов на поселениях, наличие развитого керамического производства и металлургии. Стационарный характер хозяйства енисейских кыргызов подтверждается существованием у них укрепленных поселений и т.д. (Евтюхова ; 1948 : 73-103).

Земледелие носило у кыргызов пашенное направление, которое невозможно без домашнего скотоводства. Крупный рогатый скот использовался кыргызами как тягловая сила в земледельческом производстве (Савинов ; 1984 : 79). Оседло-земледельческое население жило общинами, независимыми друг от друга и возглавляемые старейшинами. Отдельные группы енисейских кыргызов занимались отгонным скотоводством (Там же).

Росло и кыргызское ремесло, которое стимулировалось, также, обменом как с соседними, так и с более удаленными областями Азии (Киселев ; 1951 : 574). Остатки поселков, где жили кыргызские кузнецы, тянутся непрерывной цепью по дюнам вдоль берегов Енисея и его главных притоков (Там же : 575). Кыргызские кузнецы делали лемехи, сошники, серпы, горбуши и мотыги. В большом количестве изготавливались многочисленные топоры (Там же : 576), наконечники для стрел, всякого рода оружие, прежде всего, мечи и кинжалы (

Там же : 576, 577). Сообщения китайцев о высоком качестве кыргызского оружия позволяет предполагать его проникновение и на международный рынок, в армии китайских императоров. Вместе с тем, кыргызские кузнецы выделяли в большом количестве и пластинчатые панцыри.

Значительную роль в войске древних кыргызов играла тяжеловооруженная конница. Всадники были облачены в нагрудные пластинчатые панцыри, конические шлемы, накладные поножи и наручьи. В состав защитного вооружения входил деревянный щит, обтянутый кожей и усиленный металлическими пластинами. Воин был вооружен обоюдоострым мечом, длинным копьем, боевым топором, сложносоставным луком и набором стрел с трехлопастными наконечниками, хранившимися в берестяных колчанах. Легко вооруженные воины действовали, в основном, сложносоставными луками и стрелами, а в ближнем бою - палашами или саблями. В защитное вооружение их входили деревянные поножи, накладные щитки, щиты. Отдельными подразделениями войск командовали беги; во главе всей кыргызской армии стоял их правитель, с титулом чор или йинал (Ажо) или каган (Худяков ; 1980).

Наряду со всевозможными оружиями и оружием кыргызские кузнецы вырабатывали очень большое количество различных принадлежностей конской сбруи (Киселев ; 1951 : 578), ювелиры выделяли большое количество железных удил.

Выделяли кыргызские кузнецы и орудия своего ремесла, а также, инструменты для цветных металлов.

Кыргызские литейщики и ювелиры выделяли как скромные украшения сбруи и поясов простых кыргызов, так и пышное убранство знати. Основными изделиями

кыргызских литейщиков и ювелиров были личные украшения, украшения поясов и сбруи. Кыргызские мастера по металлу, вероятнее всего соединяли занятия кузнечным и литейным делом. Обработка драгоценных металлов - золота и серебра велась, по-видимому, в той же среде, возможно, лишь более узким кругом специалистов. Помимо кузнецов и литейщиков, оружейников и гончаров у древних кыргызов были и другие мастера.

Особую группу ремесленников составляли ювелиры и художники. Были мастера по резьбе по кости и дереву, сапожники и седельники. В третьей Уйбатской надписи сохранилось указание на специалистов -каменотесов и резчиков древнекыргызского алфавита, «людей грамотных». В надписи уцелела ценнейшая деталь - мастера названы "сыновьями искусных людей" (Киселев ; 1951 : 590).

Для древнекыргызского искусства было характерно высокое реалистическое мастерство, которое опиралось на традиции местного искусства. Кроме железных изделий древние кыргызы торговали золотом и пушниной. Исследователи отмечают, что древние кыргызы отличались трудолюбием, талантливостью в ремеслах и предприимчивостью в торговых предприятиях. Енисейские кыргызы владели и орхоно-енисейским письмом. Многочисленные надписи, собранные в Тувинской автономной области и в Минусинской котловине, являются ценнейшими материалами для выяснения многих сторон их жизни и, прежде всего, их общественного устройства.

Тан Шу говорит о шаманизме у кыргызов. "Шаманов называют гань". Полагают, что гань является китайской передачей слова -кам, до сих пор обозначающего на Енисее и Алтае шамана. Как и недавно, так и в IX в. енисейские

(восточные) кыргызы почитали огонь и приносили жертвы различным духам.

В 710 году войска второго восточно-тюркского каганата совершили поход на Хагяс (страну кыргызов). Так, в большой надписи памятника в честь Кюль-Тегина говорится: "Когда Кюль-Тегину было (двадцать шесть?) лет, мы предприняли поход на кыргызов. Проложив дорогу через снег глубиною с копье и поднявшись на Көгмönскую чернь, мы разбили кыргызский народ когда он спал; с их каганом мы сразились в черни Сунга. Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа (т.е. воина) он поразил стрелою, двух мужей заколол (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал бедро. Кыргызского кагана мы убили и племенной союз его взяли. В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднялись на Алтунскую чернь и переправясь через реку Иртыш" (Орхон-Енисей тексттери ; 1982 : 78).

В памятнике, в честь Могиляна (Бильге) говорится: "На двадцать седьмом (году) я двинулся против кыргызов, пролагая дорогу через снег высотой с копье, я поднялся в чернь Көгмönскую и поразил (так) народ кыргызов, когда они спали. С их ханом я сразился в черни Сунга; убил хана и завладел там его народом (или государством)" (Там же : 112).

В памятнике, в честь Тоньюкука же сообщается: "Когда я услышал, что дорога на Көгмön (только) одна и она завалена (снегом), я сказал: не годится, если идти этим путем... Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов." - "Моя родная земля - Аз, ее зна... (Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади", - сказал (он). Я сказал: если ехать той дорогой, то (это) возможно. Я задумался и моего кагана я

спросил. Я приказал двинуться войску; я сказал: садись на коней! Переправясь через Ак-Термель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх (горы), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами (льжах?). Передние люди протоптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный, снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: "Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны!". Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям.

И ночью, и днем мы быстро скакали. На кыргызов мы напали во время (их) сна... проложили (путь) копьями. Хан их и войско их собрались. Мы сразились и победили. Хана их мы умертвили. Кыргызский народ вошел в подчинение кагану и повиновался (ему). Мы вернулись от кыргызов. От тюргешского кагана пришел лазутчик" (Там же).

"Знаток той местности" был человек "из степных азов" Он говорил: Моя родная земля -Аз, ее зна... (Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади", -сказал (он). По-видимому, от "родной земли" аза (т.е. мест обитания азов) до страны кыргызов была всего "одна остановка», и "если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега (кыргызов) там (останется) ход одной лошади", - сказал (он)". Что же касается азов, то приведем следующие данные о них, содержащиеся в Большой надписи памятника в честь Кюль-Тегина:

"Народ азов стал нам врагом. Мы сразились, при Кара-коле (Черное озеро); Кюль-Тегину шел (тогда) тридцать первый (или был тридцать один?) год. На своего белого коня героя Шатчы сев, он бросился в атаку, схватил эльтебера азов: народ азов тогда погиб" (Там же : 93-94).

По-видимому оз. Кара-коль и сейчас носит это название и расположено на северо-востоке от пер. Хонин-даба и на юго-западе (тяготая к югу) от пер. Сур-даба, по южную сторону самой южной части Саянского хребта, берущего свое начало на юге, там, где кончается хребет Сайлюгем. Истоки Аны начинаются за перевалом Сур-даба, по северную сторону хребта. Эта река течет по левую сторону хребта, именуемого Аньинским и впадает в Абакан. Аньинский хребет тоже тянется до Абакана. По левую сторону реки Аны расположен хребет Чукчут.

Если исходить из того, что азы действительно обитали у выше указанного Кара-коля, то оттуда, до страны кыргызов действительно могла быть всего "одна остановка". В то же время, от р. Аны "до ночлега (кыргызов)" действительно мог быть "ход одной лошади (вероятно, здесь имеется ввиду один день пути на лошади)".

Об азах, есть еще сообщение в памятнике, в честь Могиляна (Бильге), в рассказе, относящемся к 709 году. "Когда мне было двадцать шесть, народ чик с кыргызами стали (мне) врагами. Перейдя через Кем, я двинулся с войском против чиков, сразился при Орпоне и разбил их войско. Народ азов... я захватил и ...подчинил себе" (Там же : 112). Согласно надписи Моюн-чура, в год Тигра (750 г.) "я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем. В тот же год чики подчинились" (Там

же : 134). Из этих данных видно, что кыргызы, азы и чики жили недалеко друг от друга.

Из сообщений памятника в честь Могиляна (Бильге) видно, что Могилян (Бильге) мог перейти через Кем-Кемчик (очевидно, оно в тексте названо, как Кем) и покорить чиков на северной стороне этой реки, в районах к югу или юго-востоку от Саянского хребта. То же самое следует и из рассказа памятника в честь Моюн-Чура, который мог покорить чиков примерно там же. Кстати, не исключено, что этноним чик имеет место во второй части названия реки Кем-Кемчик, т.е. Кемчик мог состоять из Кем и чик, и возможно было связано с обитавшими там чиками.

Недалеко от чиков, у Кара-коля и могли обитать азы. За ними, по ту сторону хребта и жили кыргызы. Чики и азы были родственны алтайским (западным) кыргызам. Возможно, что они в свое время, также, входили в состав населения древнекыргызского государства Хагяс, т.е. в определенные периоды чики и азы могли входить в состав этого государства, а в отдельные времена жили самостоятельно.

По мнению Г.Е. Грум-Гржимайло азы орхонских надписей были родственны кыргызам. "Это явствует из извлеченной Шоттом из Юань-Ши легенды о происхождении народа кыргызского, которая говорит, что народу этому положили начало сорок девиц, сочетавшихся браком с таким же количеством мужчин народа у-сы. По мнению В.М. Алексеева в китайской передаче у-сы может быть равнозвучным а-сы» (Грум-Гржимайло ; 1926 : 363).

В Зайн аль-Акбар (Украшение известий) (1050-1052 гг.) персидского автора, который пользовался трудами более ранних авторов, о кыргызах сообщается. "Путь к кыргызам

ведет из страны Тогуз-Гузов, именно из Чинанджкета в Хасан; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и 5 дней по пустыне. От Кемиза до Манбек-Лу два дня идут по горам, потом приходят в лес; начинается степь, источники, место охоты, до горы, которую называют Манбек-Лу; гора высока; на ней много соболей, белок и доставляющих мускус антилоп, много деревьев и обильная охота; гора хорошо населена. После Манбек-Лу приходят к Көгмону; по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; четыре дня идут по такой местности до горы Көгмон. Гора высока; на ней много деревьев; дорога узка. От Көгмона до кыргызского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана кыргызов. Здесь военный лагерь кыргызского хакана, главное и лучшее место (в стране): туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собой деревьями. Из трех дорог одна ведет к тогуз-гузам, на юг; другая - к кимакам и халлухам, на запад; третья - в степь; надо идти 3 месяца, пока не придешь к большому племени Фури. Здесь, также две дороги: одна через степь - 3 месяца пути; другая по левую сторону - 2 месяца пути; но эта дорога трудна. Надо идти все время по лесам, по узкой тропинке и узкому пространству; по дороге много воды, постоянно встречаются реки, постоянно идут дожди. Кто хочет идти по этой дороге, должен снабдить себя соответственными припасами и одеждой; вся местность на пути пропитана водой, и на землю ничего нельзя класть; надо идти позади лошади, пока не пройдешь эту болотистую местность. В этих

болотах живут дикие люди, ни с кем не имеющие сношений; они не умеют говорить на чужих языках, а их языка никто не понимает. Они - (самые) дикие из людей; все они кладут себе на спину; все их имущество заключается в звериных шкурах. Если вывести их из этих болот, они настолько смущаются, что походят на рыб, выгнанных из воды. Их луки сделаны из дерева, их одежда - из звериных шкур; их пища - мясо дичи. Их религия заключается в том, что они никогда не прикасаются к чужой одежде и имуществу. Когда они хотят сражаться, они выходят со своими семьями и имуществом и начинают битву; одержав победу над врагом, они не прикасаются к его имуществу, но все сжигают и ничего не берут с собой, кроме оружия и железа. Когда они хотят совокупиться с женщиной, они ставят ее на четвереньки, потом совокупляются. Калымом за женщин служит дичь или долина, в которой много дичи и деревьев. Если кто-нибудь из них попадает к кыргызам, он не принимает пищи; завидя кого-нибудь из своих друзей, он убегает и исчезает. Мертвых они уносят в горы и вешают на деревья, пока труп не разложится. Из страны кыргызов привозят мускус, меха и рог хуту. Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: "Огонь - самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов". Некоторые из кыргызов поклоняются корове, другие - ветру, третьи - ежу, четвертые - сороке, пятые - соколу, шестые - красивым деревьям. Среди них есть люди, которых называют фагинунами (?). Каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкантов и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде

и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает, и большею частью бывает так, как он сказал" (Бартольд; 1897: 109-111).

Из сведений Гардизи видно, что с юга, в страну кыргызов путь был один, который и описывается здесь. Хотелось бы отметить, что гора Манбек-Лу, которая лежала перед Когмоном, может напоминать не только географически, но и по своему названию хребет Танну-Ола, тянувшийся от Алтая на восток до Хубсугула (или Хусугула), озера, расположенного к западу от Байкала.

В Зайн аль-Акбар говорится, что "после Манбек-Лу приходят к Когмону; по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; четыре дня идут по такой дороге до горы Когмона. Гора высока; на ней много деревьев; дорога узка". По-видимому, чтобы прийти к Когмону нужно было идти через Танну-Ола или какой-то хребет или отрог входящий в систему Алтая. Дорога же через горы Когмон, как сообщает Зайн аль-Акбар была узка. В этой связи интересны следующие сведения Тан Шу. Около 647 года восточно-тюркский Чеби-хан "ушел на северную сторону Золотых гор (Алтая). Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов, только с четвертой есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные и Чеби занял их. Он имел 30.000 строевого войска, объявил себя Ичжу Чеби-ханом; кочевал в 10.000 ли от Чаньянь. Он покорил на западе Гэлолу, на севере Гегу: часто выезжал для похищения людей и скота у Янто" (Иакинф; 1851: 351).

Вполне возможно, что Чеби-хан "ушел на северную сторону Золотых гор" (т.е. Алтая) через Когмон. Это, в свою очередь подтверждало бы, что Когмон, это или гора или

какая-то совокупность хребтов, входивших в систему Алтая и южной части Саянских гор.

Кстати, в Зайн аль-Акбар говорится: "От Когмона до кыргызского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана кыргызов. Здесь, военный лагерь кыргызского хакана, главное и лучшее место (в стране): туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собой деревьями. Из трех дорог, одна ведет к тогуз-гузам, на юг; другая - к кимакам и халлухам, на запад; третья - в степь; ... "Третья дорога и могла вести в степи северного Алтая, т.е. в степи, расположенные к северу Алтая. "Земли ровные и Чеби занял их"(Там же).

Примечательно, что "мусульманские географы ничего не говорят о реке, протекавшей через страну кыргыз;... (Имеется в виду Кем-Енисей -Э.у.К.)» (Бартольд; 1927: 9).

В тексте, в честь Тоньюкука тоже говорится, что "дорога на Когмон (только) одна и она завалена (снегом)". Войско второго тюркского каганата, следуя за проводником Азом, вероятно, двинулось через Танну-Ола или хребты, входящие в систему восточного Алтая.

Следует отметить, что тюркам нужен был самый короткий путь в страну кыргызов, которым и являлся известный южный путь. Ведь они спешили и должны были в короткое время напасть на кыргызов, поскольку им было известно, что они, тюркеш и китайцы, создали коалицию против них и решили совместными силами разгромить тюркский каганат.

В надписи, в честь Тоньюкука говорится: "Каган народа табгач (Китая) был нашим врагом. Каган (народа) "десяти стрел" (тюргеша) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган. Эти три кагана, рассудив, сказали: да пойдем мы на Алтунскую чернь. Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против него, как бы то ни было, он нас (победит): каган его (тюркского народа) - герой, а советник его - мудрый, как бы то ни было, он, возможно, (окажется) победителем нас (букв, убийцей). Втроем мы объединимся и отправимся в поход и уничтожим его, сказали (они). Тюргешский каган сказал: "Мой народ там (на Алтунской черни - Алтае) будет, - сказал он, а тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии" (Орхон-Енисей тексттери; 1982: 93).

Из трех членов этой коалиции наиболее опасными и сильными были кыргызы, поэтому, тюрки решили воевать прежде всего, против них. Также, из вышеуказанных сведений вроде бы следует, что войска членов этой коалиции должны были собраться на Алтае (Алтунская чернь) и отправиться "в поход на восток", против тюрков.

Тюрки пошли на кыргызов в первую очередь может быть также и потому, чтобы не позволить им соединиться с тюргешами. Кыргызы же могли ждать союзников своих, располагаясь на своих землях, собрав войска. При получении известия о прибытии союзников на Алтай, или их подхода к этим краям, они легко и быстро могли появиться там.

Тюрки настигли кыргызов врасплох может быть также и потому, что пока китайские войска прибыли к тюргешам и соединились с ними, прошло немало времени. После похода на кыргызов "от тюргешского кагана пришел лазутчик". Он

доклаживал, что "(среди них) (т.е. тюргешей) есть и войско табгачей (китайцев) говорит (лазутчик)" (Там же: 94). То есть, к этому времени Тюргешские и китайские войска соединились.

Тюркам нужно было как можно скорее выйти на кыргызов. А это можно было сделать только по наиболее короткому пути, которым и был, очевидно, тот самый южный путь в Хагяс. Однако, он оказался завален. "Приказав сесть на лошадей, я (Тоньюкук) пробил дорогу сквозь снег, я взошел (с другими) вверх (горы), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами (лыжами?). Передние люди протоптали (снег), и мы перевалили через вершину с растениями. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный, снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: "Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны!" Мы шли вниз по течению этой реки. Чтобы пересчитать (свое войско), мы приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И ночью, и днем мы быстро скакали". По-видимому, тюрки обошли заваленное место в Когмоне, где проходил южно-кыргызский путь.

Если идти по реке Аны, то приходишь к Абакану, куда и впадает она. И если тюрки пошли бы в направлении Минусы, то им бы пришлось переходить через Абакан. Но о ней в текстах ничего не говорится, также, как и о переходе через какой-либо водный рубеж. Представляется, что тюркское войско пошло на юго-запад, обогнув хребет Чукчут и двинулось вверх по течению Абакана, в районы верховьев этой реки.

На все это выглядит похоже текст Тоньюкука, где говорится: "Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взшел (с другими) вверх (горы) (Саянский хребет?), ведя лошадь на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами (лыжами?). Передние люди протоптали (снег), и мы перевалили через вершину (Саян?) с растениями. С большим трудом мы спустились (до подножия гор Саян?), и в десять ночей мы прошли до склона (горы) (Чукчут?), обойдя (горный, снежный) завал". После этого тюрки могли "остановиться" ("чтобы пересчитать (свое войско)") "привязав их к деревьям", затем "и днем и ночью быстро скакать" на кыргызов, вероятно алтайских (западных).

Ну, а события, связанные с тем, как "местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот. Когда испытывались лишения, каган говорил: "Попытайся быстро отправиться! Да отправимся мы по реке Аны! Мы шли вниз по течению этой реки" могли происходить тогда, когда тюрки находились еще на Саянском хребте, у истоков реки Аны. Подобное могло произойти только в верховьях Аны, а не у подножия гор Саян или Чукчута, поскольку там уже Ана впадает в Абакан. Ну, а события, связанные с тем, как "чтобы пересчитать (свое войско) мы (тюрки) приказали остановиться, а лошадей мы привязали к деревьям. И днем и ночью мы быстро скакали" могли уже происходить в низовьях Аны, у хребта Чукчут. Вероятно, тюрки совершили поход именно против алтайских (западных) кыргызов.

Может, в этом и заключаются слова в Большой надписи Кюль-Тегину, где говорилось: "Говоря: "пусть не останется без хозяина страна Когмонская (Хагяс), - мы (тюрки) завели порядок в немногочисленном народе кыргызов. Мы пришли, сразились и снова дали (страну, для управления кыргызу?)"

Там же : 75-76). Алтайские (западные) кыргызы были лишь частью населения кыргызского государства Хагяс, и они, обитали в западной части Минусинской котловины, так и на северном Алтае. Они господствовали в Хагясе с конца VI или нач. VII вв. Поэтому, тюрки могли совершить поход именно против алтайских (западных) кыргызов, возглавлявших в то время все племена Хагяса. В тот период северный Алтай и районы, лежащие на северо-запад от него конечно же входили в состав земель Хагяса.

Однако, военный лагерь и ставка правителя кыргызов в то время, находилась у северо-восточных отрогов Алтая, (Сайлюгемский хребет). Недалеко от нее, обитала какая-то часть алтайских (западных) кыргызов. Возможно, что от р. Аны (вероятно, верховий) до стойбищ этих кыргызов, мог быть "ход одной лошади". Однако, во время перехода через Когмон "местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот", поэтому, тюркское войско и могло проделать более длинный маршрут по неизвестной им стране в поисках военного лагеря кыргызов.

Появление тюрков с севера конечно же было большой неожиданностью для алтайских (западных) кыргызов, которые подверглись нападению, судя по данным древнетюркских надписей, во время сна, т.е. ночью. Затем, уже (неизвестно когда, но уже в другом месте) они сразились с кыргызским каганом и его войском, пришедшим со стороны ставки кыргызов и их военного лагеря.

Следует отметить, что события, о которых повествуется в памятниках в честь Кюль-Тегина, Бильге и Тоньюкука происходили в прошлом (несколько лет назад) и их описание составлялось по памяти, поэтому, в ходе их освещения могли быть допущены и ошибки. Памятник, в честь Тоньюкука был

написан по его приказу, а памятники, в честь Кюль-Тегина и Могиляна (Бильге), вероятно, были написаны по приказу Бильге-кагана, "под его наблюдением и контролем, выражают его мысли и, возможно, в какой-то мере запечатлели его собственные слова" (Кляшторный; 1964: 63).

Возможно, что проводник Аз провел тюрков до мест расселения азов, вблизи Кара-коля. Оттуда, они могли двинуться в обход заваленного прохода в Когмоне, очевидно, стремясь обойти этот завал как можно короче, но, вероятно, сбились с пути и проделали более длинный крюк, чем предполагалось. Войска второго восточно-тюркского каганата напали на кыргызов во время сна, ночью. Вероятно, той же ночью они сразились с кыргызским каганом и его войском, пришедшим из военного лагеря.

Примерно то же самое мы видим и в описании сражения тюрков с тюргешами: "В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись на Алтунскую чернь и переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы победили во время сна (и обратили в бегство)... Войско тюргешского кагана пришло при Болучу подобно огню и вину. Мы сразились; Кюль-Тегин, сев на серого коня Башгу, произвел атаку. Серый конь Башгу... двух из них он сам попустил взять (т.е. потерял?). Затем снова войдя (т.е. ворвавшись в ряды врагов), он схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, Тутука азов (!) Их кагана мы там убили, его племенной союз покорили. (Но) масса тюргешского народа вся откочевала вглубь (страны). Тот народ при Табаре (?) мы поселили" (Орхон-Енисей тексттери; 1982: 78-79).

То есть, во время сна был подвергнут нападению тюргешский эль, господствующее племя, ну а каган их с войском пришел с запада позже. Очевидно, ставка

тюргешского кагана и их военный лагерь располагались на каком-то расстоянии от стойбищ самого тюргешского эля. А в памятнике, в честь Тоньюкуку говорится: "Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш, и, не делая остановки на ночь рано утром достигли Болучу. Привели лазутчика, слово его таково: "В степи Ярышской собрались десять тюменов войска (100 тыс.)", - он говорит. Услышав эти слова, беги все сказали: "Вернемся! Стыд чистых хорош!" А я так говорю, я - мудрый Тоньюкук: "Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш мы пришли, переправясь. Было сказано: (враг, который) приходит - герой, но они (о нас) не проведали. Небо (богиня) Умай, священная Родина (земля - вода) - вот они, надо думать, даровали (нам) победу. Зачем нам бежать. Говоря: "(их) много. К чему бояться, говорят: (нас) мало. Зачем нам быть побежденными? (или подчиним себе!) Нападаем!" - сказал я. Мы напали и прогнали (врага). На второй день они (враги) пришли: они пришли, пламенея как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По милости неба, мы не боялись, говоря, что их (т.е. врагов) много. Мы сразились. Тардушский шад принял участие в сражении. Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, а их ябгу и шادا там умертвили. Около пятидесяти человек мы пленили. В ту же ночь мы отправили (послов) к каждому народу. Услышав эти слова начальники и народ "десяти стрел" все пришли и подчинились. Когда я устраивал и собирал приходящих начальников и народ, то небольшое число народа убежало. Я повел в поход войско (народ) "десяти стрел". Мы еще воевали и гнали их. Переправясь через реку Жемчужную, гору Баянглигяк - местожительство сына Тинэси... Мы пре-

следовали (врагов) до Темир -капыга (Железных ворот). Мы заставили (их) оттуда возвратиться" (Там же : 95-96).

В памятнике, в честь Могиляна (Бильге) говорится: "В этом же году (т.е. в год покорения кыргызов. -Э.у.К.) я ходил с войском на тюргешей, перейдя Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш. Тюргешский народ я победил во время (их) сна. Войско тюргеш-хана подступило как огонь и вихрь. Мы сразились при Болучу. Хана, его ябгу и пада я там убил и покорил его народ (государство)" (Там же : 112).

Из этих данных видно, что тюрки напали на собственно племя тюргешей, во время сна, т.е. ночью. Позже, они сразились с войском тюргешского кагана, очевидно, пришедшим из военного лагеря. Тоже самое, было и с кыргызами. Тюрки ночью напали на конкретное племя кыргызов, которое было ведущим в Хагясе. Затем уже они сразились с кыргызским войском, которое пришло со стороны военного лагеря, который располагался в другом месте. Там же, скорее всего находилась и ставка хана.

Гардизи, в Зайн аль-Акбар сообщает, что "от Когмона до кыргызского стана 7 дней пути; дорога идет по степи, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана кыргызов. Здесь военный лагерь кыргызского хакана, главное и лучшее место (в стране); ...» (Бартольд ; 1897 : 109).

На наш взгляд Когмон, это прежде всего Сайлюгемский хребет и часть Саянских гор, тянущаяся с юга на север до поворота их на восток или северо-восток, хотя, остальная часть этого хребта могла тоже входить в понятие Когмон. Когмон - это была целая страна, вероятно, цепь хребтов северо-восточного Алтая и западных Саян. Во всяком случае,

ход событий, описываемый в тюркских надписях, указывает на это.

Согласно историческим сведениям страну кыргызов называют часто Көгмөнской. В Большой надписи в памятнике Кюль-Тегину, также, говорится: "С моим дядей-каганом мы ходили войною вперед (т.е. на восток) до Шантунгской равнины (орошаемой) Яшпиль-утюзом, назад (т.е. на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Когмонскую (чернь), мы ходили войною вплоть до страны кыргызов"(Орхон-Енисей тексттери ; 1982 : 75). "Говоря: "пусть не останется без хозяина страна Когмонская, - мы завели порядок в немногочисленном народе кыргызов" (Там же : 75-76).

В памятнике Моюн-чуру сообщается: "Смотрите, - сказал я, - хан кыргызский проживает на краю Когмонских гор в своем жилище, (говорит), он послал свои летучие отряды в сторону своих союзников, а на его летучие отряды мои люди уже нападали, (говорят), и его разведчиков задержали;.." (Там же : 135).

По-видимому, Когмон это северо-восточные отроги Алтая и примыкающие к ним (тянущиеся с севера) часть Саянских гор. А выражение "на краю Когмонских гор" могло означать, на краю северо-восточных отрогов Алтая. Один из этих хребтов именуется, как -Сайлюгем. Возможно, что,Сайлюгем могло произойти от - Сайлю (лесистый, покрытый (поросший) лесом (от сай - лес) и - ке□, т.е. Сайлюке□, Сайлюге□, Сайлюге□, в значении - богатый лесом, лесистый.

И, наконец, интересно то, что согласно китайскому сочинению VIII в. Ю-ян-цзи-цзу "северные склоны хребта

Цой Мань (в Кантонском произношении Кук Мань) (т.е. Когмон - Э.у.К.) служили приютом предков кыргызского народа" (Грум-Гржимайло ; 1926 : 312, прим. 1) . Они якобы "жили в пещерах, находящихся на склонах хребта Цой Мань (Кук Мань), т.е. Когмонского хребта" (Там же : 351).

Возможно, что какая-то часть древних кыргызов в незапамятные времена бежала и обосновалась в горах Когмона, в одном из отрогов северо-восточного Алтая. Когмонские кыргызы и могли входить во владение Со, которое лежало к северу от хуннских пределов.

Или же, содержащаяся в Ю-ян-цзи-цзу информация могла относиться к алтайским (западным) кыргызам-теле, которые, мигрировав с юга могли обосноваться на краю Когмонских гор.

Кыргызы в VIII-X вв.

Тан Шу сообщает: "В правление Кянь Юань, в 758 году, ойхоры (уйгуры) завоевали сие государство (т.е. Хагяс); после сего хагяские посольства уже не могли проникнуть в Срединное государство (т.е. Китай)" (Иакинф ; 1851: 449) . В Тан-Шу, в главе "Повествование о Доме Хойху (Уйгур) говорится: "Хан (уйгуров) отправил важного старейшину и полководца (в Китай) с тремя девицами и отблагодарить (императора) за брак, и еще донести о покорении владения Гяньгунь (Кыргыз)" (Там же : 391).

Древнекыргызское государство находилось на 3.000 ли на северо-запад от уйгурской орды (Там же : 443), которая находилась у Хангайских гор близ Орхона. В Тан Шу говорится, что "от местопребывания Ажо до ойхорской (уйгурской) орды считается сорок дней пути верблюжьего хода" (Там же : 447) .

Примерно, в 795 году между кыргызами и уйгурами вновь произошли военные столкновения. Неизвестно, было ли зависимым государство Хагяс от уйгуров в то время или нет. Согласно китайским надписям на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне, кыргызское государство имело большое могущество (якобы имело более 400 тыс. войско), во главе которого стоял каган. Так, там сообщается: "В начале (было) Гяньгуньское государство, (считавшее! 400 с лишним тысяч натягивающих луки (т.е. носящих оружие). Оно (возстало и проч.?) (но Кэ-хань, был?) умный, мужественный, чудесно-воинственный; (ему стоило только)

раз встретиться, как и попал. Гяньгуньский Кэхань пал, в соответствии тетивы (под ударом его стрелы); коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились; на земле не (стало) живых людей" (Васильев ; 1897 : 25 "По переводу Иакинфа, - пишет В.В. Бартольд, - в Тан Шу говорится, что киргизский владетель получил от уйгурского кагана титул Пицсе Тунге Гинь, без прибавления слова каган; таким образом, поражение киргизов имело последствием только утрату каганства и независимости, но не утрату государственной автономии. При благоприятных обстоятельствах, по-видимому, очень скоро после поражения, киргизский Ажо, как его называли китайцы, мог возобновить борьбу с уйгурами и притязания на каганство, опираясь, по-видимому на западных союзников. Говорится, что он объявил себя ханом (каганом), свою мать, происходившую из тюргешей, вдовствующей ханшей (хатун), свою жену, дочь карлукского государя носивший титул ябгу, ханшей. Карлуки, ушедшие в VIII в. на запад и образовавшие после 766 г. государство с центром на берегу Чу, постоянно упоминаются и потом как соседи и союзники киргизов; но упоминание тюргешей кажется несколько странным; тюргешское каганство уже около 740 г. было уничтожено арабами, после 756-757 гг. тюргеши уже не имели никакого политического значения" (Бартольд ; 1963 : 487).

Очевидно, данные китайских надписей из Кошо Цайдама и Карабалгасуна преувеличены и искажены. Хагяс не мог иметь более 400 тыс. воинов. Однако, интересны данные о том, что согласно этим надписям кыргызы вроде выступают

как независимое и сильное государство со своим каганом и большим войском.

Все это может говорить о том, что древние кыргызы (неизвестно когда) освободились от власти уйгуров, после их завоевания в 758 г.

Около 820 г. между Хагясом и государством уйгуров вновь началась война, которая окончилась полным поражением уйгуров и крушением их государства. В Тан Шу говорится: "Но только что

ойхоры (уйгуры) начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную туциши вдовствующей ханшей, жену, дочь Гэлу-шеху, ханьшою. Ойхорский (уйгурский) хан послал Министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну. Ажо, надмеваясь победами, говорил: "Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мной, то немедленно приходи; если не можешь, то скорее уходи. Ойхорский (уйгурский) хан не мог продолжать войны. Наконец, его же полководец Гюйлу Мохэ привел Ажо в ойхорскую (уйгурскую) орду. Хан был убит на сражении, и его Дэлэ рессеялись. Ажо, под личным предводительством предал огню Ханское стойбище и жилище царевны. Ойхорский (уйгурский) хан обыкновенно сидел в золотой палатке. Ажо забрал все его сокровища и в плен взял Тхай-хо царевну;..." (Иакинф ; 1851 : 450).

По переводу Н.В. Кюнера "(Ажо) разбил и убил Хуйгусского (уйгурского) кагана. Все теле (общее наименование уйгурских племен) потерпели поражение (бежали)" (Кюннер ; 1951 : 11). В Тан Шу, в главе "Повествование о Доме Хойху (уйгур)" говорится: "В это самое время (т.е. в 840 году.

Некоторые источники называют 839 год. - Э.у.К.) старейшина Гюйлу Мохэ, соединившись с хагясами, со 100,000 конницы напал на ойхорский город (Ойхорский хан построил для себя город на тех же местах, на которых находилась монгольская столица Хара-хоринь. Дворец, еще прежде был построен; а теперь он обведен городской стеною. - прим. Иакинфа), убил хана, казнил Гюй-лофу и сожег его стойбища. Ойхорские поколения рассеялись (По Гань-му в 840 году. - прим. Иакинфа)" (Иакинф; 1851: 419).

Как подтверждают археологические находки, столица Уйгурского каганата город Орду-Бальк находился на берегу р. Орхон у Хангая, в 50 км севернее Эрдени Цзу (Киселев; 1957: 95).

Поскольку, инициатива в объявлении войны принадлежала кыргызам, то можно полагать, что ей предшествовала централизация власти в Хагясе, не исключая и подчинение новых этнических групп населения Южной Сибири. На Копенском этапе развития культуры енисейских кыргызов значительно усложняется картина погребальной обрядности. Появляются подкуранные трупосожжения (Капчалы I), причем отдельные происходящие из них вещи, главным образом предметы конского снаряжения (стремена, удила, псалии), идентичны найденным в расположенных рядом (Левашова; 1952: рис. 1,5). В чаатасах делают "тайники", куда помещаются наиболее ценные вещи. Под одним сооружением располагается несколько могил. Часто встречаются необожженные человеческие кости, относящиеся к каким-то сопроводительным захоронениям (Савинов; 1984: 82).

Это, является археологическим свидетельством возрастания влияния кыргызов-теле на своих енисейских

(восточных) сородичей, что могло происходить в условиях централизации политической власти в Хагясе в руках алтайских (западных) кыргызов.

Особо следует остановиться на погребениях знаменитого Копенского чаа-таса, исследованного Л.А. Евтюховой и С.В. Киселевым (Там же). А.А. Гаврилова высказала предположение о том, что основные (ограбленные) захоронения здесь были совершены по обряду трупоположения, а "тайники" представляют собой помещенный таким образом инвентарь сопроводительных трупосожжений. По записанным Г.Ф. Миллером рассказам бугровщиков, ограбивших Копенский чаа-тас, основные захоронения здесь были совершены по обряду трупоположения, что подтверждается отдельными находками человеческих костей (Гаврилова; 1965: 65-66).

О том, что по обряду трупоположения не были похоронены, как считала Л.А. Евтюхова рабы или слуги, сопровождающие покойника (Евтюхова; 1948: 33), свидетельствуют некоторые вещи, оставленные грабителями, в частности, золотая серьга с привеской в виде грозди винограда VIII-IX вв. из кург.5 (Евтюхова, Киселев; 1940: рис. 3).

Все это является наглядным свидетельством влияния алтайских кыргызов в государстве Хагяс и Минусинской котловине в частности, что могло быть связано с усилением их власти в стране древних кыргызов, в связи с их войнами против уйгуров.

Погребение Копенского чаа-таса относится к IX веку. Для одного из них (кург. 2) Б.И. Маршаком, на основании анализа орнаментальных композиций на золотых сосудах, была установлена дата "около середины или даже второй пол. IX в. (

Маршак; 1971: 55-56). Следует добавить, что ни в одном кыргызском памятнике не ощущается столь сильное, как в Копенах II влияния Танского искусства (изображения драконов, фениксов, гусей со сплетенными шлемами и т.п.)(Савинов; 1984: 83).

Такое распространение восточных мотивов по мнению Д.Г. Савинова, могло иметь место только в период завершения кыргызско-уйгурских войн, вызвавших усиленный интерес к кыргызам со стороны Танской династии, т.е. в середине IX в. (Там же).

"Материалы Копенского чаа-таса, - пишет Д.Г. Савинов, - отчетливо показывают социальную дифференциацию кыргызского общества. Найденные здесь предметы - золотые блюда и сосуды с руническими надписями и роскошным накладным орнаментом и зооморфными композициями-представляют гордость средневековой сибирской археологии. Значение копенских находок тем более велико, что, по мнению А.А. Гавриловой, они происходят не из основных, а из сопроводительных дружинных захоронений. Можно предполагать, что усложнение социальной структуры государства кыргызов должно было привлечь за собой изменения в военной организации, все более укреплявшейся для предстоящей войны с уйгурами (Там же).

Все это является наглядным свидетельством усиления мощи государства древних кыргызов и возрастания угрозы с севера для центральноазиатских кочевников-уйгуров. "О размерах угрозы со стороны Сибири, - пишет Л.Гумилев, - дают представления фантастические рассказы о быконогих людоедах, живущих на севере, о бессмертном великане и о страшных зверях, нападающих на людей (Гумилев; 1993: 376-377)."Общий смысл этих рассказов, -продолжает он, - только

один: указать на опасность, грозящую с севера, и в этом уйгуры были недалеки от истины" (Там же).

Одержав победу над Уйгурским каганатом, кыргызы не заняли Отюкен, который со времен гуннов являлся центром господствовавших в Центральной Азии кочевых племен, а перенесли свою ставку и орду в северо-западную Монголию, в район, расположенный поблизости от озера Кыргыз-Нур (нур или нор - монг. означает - озеро). "...после сего он (т.е. кыргызский каган. - Э. у. К.) перенес свое пребывание на южную сторону гор Лао Шань. Лао Шань, еще называются Ду Мань; они лежат в 15 днях конной езды от прежнего ойхорского стойбища"(Иакинф; 1851 : 450).

Очевидно, во время господства кыргызов в Центральной Азии озеро Кыргыз-нур, расположенное в северо-западной Монголии, и получило свое название. Недалеко от него находилась ставка и орда кыргызского кагана. "Древние кыргызы, удовлетворившись разгромом каганата, не предпринимали серьезных попыток расширить свою агрессию"(Малявкин; 1983 : 24).

Разбитые части уйгуров двинулись в различных направлениях. "Два племени тегина Кэ-чжи-ли бежали на северо-восток, к "Большим Шивэй", которые, в это время, занимали часть территории Якутии и Забайкалья (Малявкин; 1974 : 28, 105). Часть уйгуров, во главе с тегинем Хэ-у-чэ ушла на восток, который "напал на киданей и был убит во время боя"(Там же : 28). В другом источнике говорится о победе уйгуров над киданями в 842 году(Бичурин; 1950 : 369).

После разгрома уйгуров кыргызами, значительная их часть ушла на юг во главе с У-цзе тегинем, младшим братом кагана, убитого заговорщиками в 832 г. В Тан Шу об этом говорится: "Министр Сичжи Пан-Дэлэ всего с пятнадцатью

аймаками бежал к Гэлолу; остальные ушли в Тибет и Аньси. После сего тринадцать родов ханского аймака объявили Угэ-дэлэ ханом (По Ганьму, в марте 841 года. - прим.Иакинфа), на юге осели при горах Цоцзы-Шань"(Иакинф; 1851: 419).

В 840 году значительная часть уйгуров бежала на запад или юго-запад, в направлении северо-западной Джунгарии. В источнике об этом говорится: "Уйгурский министр Сачжи совместно с Пан-тегином, племянником (Танского императора), с пятью его братьями - Няньлу, Эфеном и другими, с пятнадцатью племенами бежали на запад, к карлукам"(Малявкин; 1983: 125). В Тан-шу об этом говорится: "Когда хагясы разорили ойхорскую столицу, то министр Сачжи, Пан Дэлэ, всего с пятнадцатью поколениями бежали к Гэлолу на северо-западные пределы Чжунгарии - в Тарбагатай. (См. выше 840 год)" (Иакинф; 1851: 426).

При разгроме столицы уйгурского каганата была захвачена в плен китайская принцесса Тай-хо. Кыргызский каган в политических интересах отправил ее на родину, в Китай в сопровождении эскорта, во главе с Дулуй Шехе (Супруненко; 1974: 242). Это был повод для установления прямых кантактов с империей Тан и для демонстрации своей власти над Центральной Азией. В Тан Шу об этом говорится: "Как царевна происходила из дома Тан, то Ажо отправил посланника препроводить ее к китайскому Двору..." (Иакинф; 1851: 451). (Но по пути их перехватил Уцзе-тегин, перебил всех, за исключением Тай-хо, и вместе с ней пересек пустыню Гоби. Это событие произошло в 841 году (Малявкин; 1974: 242-243). В Тан Шу об этом говориться: "... но ойхорский Уге-хан в дороге перехватил ее (царевну) и убил посланника"(Иакинф; 1851: 451). После захвата принцессы войска Уцзе-тегина перешли Гоби и остановились лагерем

перед китайской крепостью Тянь-дэцзюнь. Тай-хе отправила посланника с письмом к императору, в котором сообщила, что возглавлявший уйгуров после гибели ее мужа хан Уцзе просил грамоты на титул. При дворе было решено оказать уйгурам помощь.

В одном из военных приказов об этом говорится: "Как стало известно, (уйгуры) были разбиты кыргызами, войско потерпело поражение, а народ взбунтовался. (Количество) скота намного уменьшилось, люди в государстве стали голодать, нищали и переселялись в другие места. Далеко прошли через пески. Недавно, полагаясь на принцессу Тай-хо (уйгуры) отправили посланника ко двору, и тогда (мы) узнали, что появился новый хан, который расположился у Великой стены. (Уйгуры) жалуются на бедность и просят сохранить жизнь, не имеют (места), куда возвратиться. (Мы) постоянно думаем об опасном положении, (в котором они находятся), и глубоко сожалеем. Ныне, хотим помочь им избавиться от нищеты, успокоить страдания народа"(Супруненко; 1974: 242-243).

Китайский двор хотел, чтобы уйгуры приняли китайское подданство, стали их вассалами. Но это никак не входило в планы Уцзе-хана. Переговоры с ним затянулись. В ноябре 842 г (10-й луне) в Тянь-дэцзюнь прибыл кыргызский посланник Та-бу Хецзу (Тапу Алп Сол) с письмом от кыргызского кагана. Он сообщил, что кыргызы, не имея известий о посольстве Дулуй Шихэ и принцессе Тай-Хе, отправили на поиски военный отряд (Там же: 243).

В Тан Шу об этом говорится: "Как хагянский посланник был убит, что Ажо, не имея случая вступить в связь с китайским Двором, еще отправил Чжуву, есть прозвище Хэ, значит отважный, Со - левый, т.е. искусный

стрелок с левой руки. Посланник, уже на третий год прибыл в китайскую столицу. Ву-цзун, вступивший на престол в 841 году, крайне обрадовался и посланника, приехавшего с данью* из столь отдаленной страны, поставил выше посланника из королевства Бохай; приказал сановнику Чжао Фань с бунчуком отправиться в Хагяское государство, обласкать Двор; указал министрам и чинам из Хунь-лу-сы, увидевшись с посланником, составить через переводчиков описание гор, рек и народных обычаев той страны. Министр Дэ Юй представил государю, что в правление Чжэн Гуань были посланники из разных отдаленных государств; посему сановник Ян Шу-гу просил, чтобы, по примеру историков династии Чжоу составить летопись иностранных государей, представлявших дань. А как Хагясы открыли свободное сообщение со Срединным государством, что надобно написать портрет их государя, для показа будущим векам. Указано Хунь-лу найти живописца; еще указано, чтобы Ажо, как происходящего из рода с царствующим в Китае Домом, внести в царскую родословную" (Иакинф; 1851: 451).

Китайский главнокомандующий Лю Мянъ решил воспользоваться благоприятной ситуацией. В письме к уйгурскому министру Лю Мянъ писал: "Ныне кыргызы враждуют с (уйгурским) ханом и просят (разыскать)

* Дело в том, что согласно традиционному китайскому канону, все соседние с ними народы и государства рассматривались как вассалы Китая, а торговые и посольские связи с ними рассматривались как даннические. В то же время огромные контрибуции и дань, которые действительно платил Китай в разное время различным народам и государствам, они (т.е. китайцы) называли "богатыми подарками".

принцессу (Тай-хэ). (Они), наверное, планируют поднять большое войско и собрать всех иноземцев, чтобы двинуться с войсками на юг, прямо к (нашим) северным границам. Сейчас, народ (Уцзе) хана голодает, численность (его) невелика. Если сильный враг появится неожиданно, то как сможете защищаться? Даже силами Великой Тан трудно помочь в беде... Если кыргызы будут преследовать (Вас), то как можно поручиться за намерение (племени) хэйчецзы? Не лучше ли пока не поздно подчиниться нашему Великому государству, тогда обеспечите себе безопасность... Если хотите видеть послание кыргызов, то нынче перепишем (его) и отправим (Вам)" (Супруненко; 1974: 243).

Тем не менее и этот дипломатический маневр не принес Танскому государству желаемого результата. Не дождавшись конца переговоров Уцзе-хан начал военные действия против китайцев (Там же: 244).

В марте 843 г. (2-й луне) в Китай прибыл кыргызский посланник Чжу-у Хэсу (Чугу Алп Сол) с письмом от кыргызского кагана. Это послание сильно отстало от событий. Китай уже вел войну с Уцзе-Тегином, а в нем еще шла речь о пропавшей принцессе. С Чжуу Хэсу было послано "Письмо к кыргызскому хану", "а в апреле 843 года (3-й луне) с китайским посланником Чжао Фанем был отправлен ответ на грамоту кыргызского хана, переданную Та-бу Хэцзу" (Там же).

После приезда посольства Чжу-у Хэсу было написано Сяцзясы-чао-гун-гу-чжуань-суй (Предисловие к описанию картины приношения дани ко двору сяцзясами (кыргызами). Ли Дэ-юй, министр императора Уцзуна использовал сообщения Вэй-Цзун-цина и Люй-шу,

собранных у кыргызского посольства всевозможные сведения (Супруненко; 1963:67). Там говорилось: "В это время с отдаленных окраин правитель сяцзясов прислал посланника Чжу-у Хэсу и других с грамотой императору. Преподнесли две прекрасных лошади. Пересекли большую пустыню (Гоби), принесли дань с искренними чувствами; проехали пески, обливаясь потом, - разве не из добрых побуждений? Кто смог бы добраться сюда? Перед императором (У-цзуном) зная феникса, прекрасные скакуны, достойные (породы) лунь-ю. Велено запрячь экипаж и затем приказано их посланнику явиться во внутренний двор. (Император) угощал (посланника) редкими яствами и пожаловал его узорной парчой.

(Я, Ли Дэ-юй) почтительно основываюсь на (сочинении) Гуцзинь сыи шу, составленном бывшим канцлером Вэйго-гуном Цзян Данем, (где сказано): "Сяцзясы (кыргызы) первоначально есть государство Цзян-гунь....

Когда Китай (испытывал) многочисленные трудности, будучи отрезанными уйгурами, сяцзясы возмутились их надменным поведением и, воспользовавшись их голодом, тогда же разбили при царском дворе (имеется ввиду ставка уйгурского хана. - прим. Супруненко), сожгли войлочные палатки, произвели опустошение на десять тысяч ли. На земле негде было упасть семени, и тогда из глубокого омута появилось ясное солнце, рассеялся зловещий туман и увидели голубое небо" (Там же: 70).

В письме императора Танского государства к Кыргызскому кагану, посланном через кыргызского посла Чжу-у-Хэсу, говорилось: "Император с уважением обращается к сяцзясскому (кыргызскому) хану. Сейчас

наступила весна, думаю, что у Вас (все) прекрасно. Чжу-у-Хэсу и другие прибыли. (Я) читал (Ваше) письмо и полностью ознакомился с делом представления лошадей.

Вы в Иньшань (Иньшань - горы севернее излучины Хуанхэ. - прим. Супруненко), прославились силой и (являетесь) героем севера. (Вы) объемлете мудрые планы всем своим существом, поступаете искренне и (с Вами) народ. Слава (Ваша) возросла в варварских племенах, а сила уважается на иноземных границах. (Вы) специально отправили посланника и издалека привезли в дар знаменитых лошадей. Искренность, которую (Вы) проявляете, велика, и старания, с которыми (Вы) высказываете преданность, хорошо (нам) известны.

Когда (я) с радостью читал (Ваше) письмо, то забыл о еде и восхищался. Ваши речи исчерпывающи, (я) успокоился и забыл прелесть сна. Во времена правления Чжэнь Гуань (627-649) ваше государство постоянно посылало ко двору дань и получало титулы. (Посланники) возвращались с ценными подарками. Но впоследствии (мы) были удивлены тем, что долго не было (от Вас) известий. (Мы) не знали, что нас разделяют уйгуры. (В 758-759 гг. Хагяс был подчинен уйгурам и его сообщения с Китаем прекратились. - Э.у.К.). Когда (мы) читали пристанную (Вами) грамоту, то одобряли (Ваши) большие планы. (Вы) накопили силы за многие годы, воспользовались (неблагоприятным для уйгуров) случаем и поднялись, быстро получили удовлетворение за обиду и раскрыли (нам) сокровенные мысли. Поскольку (теперь) лагерь уйгуров покорен, горы и реки между нашими государствами больше не разделяют (нас). Коль скоро (мы) являемся

соседями, то будем (надеяться) на получение дани и посланий.

Еще мы узнали, что, когда (Вы) разбили уйгуров, то приняли принцессу Тай-хэ, специально отправили чрезвычайного посланника сопровождать (ее) к (императорскому) двору. Хотя мы слышали, что на полпути (принцесса) все-таки была захвачена уйгурами, проявленное Вами доброе отношение вызывает (у нас) дружеское расположение. Осведомленность сородичей, (живущих) далеко (друг от друга), доверие искренних соседей так мудро, что трудно выразить.

Уйгуры, под тем предлогом, что лишились государства, приехали на (нашу) границу и положились на нас. Мы вспомнили (их) заслуги и родственные отношения (с ними). Хотя помогали им неоднократно, никогда не знали благодарности. Постепенно (уйгуры) раскрыли (давно) задуманное зло, пренебрежительно бросили принцессу, жестоко обращались с простым народом, ежедневно искали (повода) для столкновения. Сейчас, украли коров и лошадей. Мы, приняв во внимание всю старую дружбу, не отдали приказа наказать (их). Время идет, пограничная охрана ослабла, каждый (пограничный начальник) рассчитывает на длительное время, но продолжает проявлять особые заслуги. Вы сожгли шатер (уйгурского хана) и отправили принцессу обратно, расставили сети, но главные виновники спаслись бегством. Я думаю об оставшихся уйгурских племенах, на что им опереться в жизни? Вы издавна слышали (об этом), думаю, что одинаково глубоко (им) сочувствуете. Но (мы) все же боимся, что бежавшие снова принесут зло, захотят напасть на вашу границу и снова отомстить. Вы тоже должны

серьезно подготовиться, искусно составить хитроумный план и уничтожить, вырвать их с корнем, чтобы не вызвать последующих бедствий. (Мы) надеемся продолжать прежнюю политику, дружескую, гуманную и добрососедскую в отношении всех, независимо от дальности (расстояний). Постоянно храним мысль (об этом). Поскольку Чжу-у Хэсу возвращается, то прежде всего отдаем приказания и другие церемониальные распоряжения. Вслед за тем, отправим посланника возвестить умиротворение. Надеюсь на взаимное осведомление" (Там же: 71-72).

В 3-й луне (4 апреля - 2 мая) 843 года император приказал Ли Дэ-юю составить ответ на письмо, привезенное кыргызским посланником Та-бу Хецзу. Это второе письмо Юй хэхэ кэхань шу (Письмо к кыргызскому кагану). Там говорилось: "Император с уважением обращается к хэхэскому (кыргызскому) хану. Сейчас наступила весна, надеюсь (у Вас) все благополучно. Я забочусь обо всей Вселенной. Вы кормите живые существа. (Наши) помыслы гармонируют и стремятся к справедливости. Генерал Та-бу Хецзу и др. прибыли. (Я) прочитал грамоту и узнал, что хан родился в селении под созвездием Большой Медведицы (т.е. на севере), жил в холодных степях. (Ваша) мудрость и планы выдающиеся, таланты и стремления полны блеска. (Ваша) мощь потрясает северные страны, слава достигла Северных ворот (китайской столицы). Родные речи, великие заслуги глубоко волнуют мою душу... Наряду с этим известно, что после правления Тянь бао (Вы) были отрезаны уйгурами. (Они) давно мешают (Вам) навестить (нас). Уйгуры сами называют себя любимцами неба, принимают личину гуманности и

справедливости и бесчинствуют жестоко, зверски обращаются со всеми (нашими) вассальными племенами. (Я) узнал, что Вы из поколения в поколение (с ними) враждуете. Если можно отомстить, уничтожьте их государство и города и станьте государем, прогоните их старейшин в самую далекую пустыню. Большие заслуги и героические поступки (Ваши) в настоящее время не имеют подобных. Когда в Китае поднимались мятежи, уйгуры тогда проявляли заслуги. Предшествующие императоры хвалили их за послушание и многократно входили с ними в родство. Ныне, (уйгуры) лишились государства и спасаются бегством; поселились (у нас) на северных границах. (Им) нужно было давно вернуться и навестить нас, чтобы получить у нас поддержку, а (они) отвернулись и сами с жадностью распустили крылья, ждут, как волки, благоприятного момента. За горами Иньшань привлекают обманном путем малые пограничные народности. (Уйгуры) воспользовавшись тем, что мы не были готовы, нападали и производили грабеж, своевольно устраивали пограничные бедствия, сегодня этому уже четыре года.

Я набрал в большом количестве вооруженных воинов, хочу полностью искоренить и уничтожить (их), посему приказал цзедуши двух областей: Ючжоу и Таюань, произвести умиротворение, чтобы проявить заботу о мире. (Я) надеялся, что они раскаются и непременно подчинятся, но они жестоко пренебрегли принцессой. Неоднократно пытались нанести вред, внезапно нападали на пограничные города, осмеливались замышлять грабежи.

Недавно тайюаньский цзедуши Лю Мян, не сдержав гнева, тайно выступил с войском, воспользовался их испугом и напал на их палатки. Все кочевники

разбежались, шатры были сожжены, виновники злодейств ранены, но освободились и тайно бежали. (В нашем войске) приняли принцессу Тай-хэ и доставили ее во дворец. У уйгуров осталось войска неполная тысяча человек. (Они) разбежались по горам и долинам. Рассчитываю в течение десяти дней обязательно полностью захватить (их). Я снова увиделся с принцессой, глубоко чувствую радость и покой. Коль скоро Вы, хан, питаете (к ним) ненависть, необходимо полностью уничтожить варваров. Если оставить пепел, то непременно возникнут последующие бедствия. Думаю издали услышать радостную весть, что должно умножить желание.

Известно, что Вы, хан, берете начало своей фамилии из одного со мною рода. (При Хань) бэйпинский тайшоу (Бэйпин тайшоу - Ли Гуан. При ханском Вэнь-ди Ли Гуан добился успехов против гуннов. У-ди пожаловал ему чин Бэйпин тайшоу. Гунны называли его - летучий генерал. - прим. Супруненко) по талантам в Поднебесной не имел равного, заключил дружбу и служил на границе. Если натягивал лук, то пробивал камень. После него потомки много упражнялись в военном искусстве, стали генералами. Его законный внук Дувэй (Ли Лин) не мог сопротивляться силе, и хотя сам потерпел поражение, (его) имя потрясло варварские племена. Мое государство приняло наследство потомков бэйпинского тайшоу, хан тоже является потомком Дувя (т.е. Ли Лина. - прим. Супруненко), поэтому-то объединились наши роды и, можно знать (порядок отношений) высшего к низшему.

Недавно я узнал, что принцесса Тай-хэ была принята вашим войском (Речь идет о 841 г. - прим. Супруненко). Поскольку ваше государство родственно нам,

то (Вы) отправили (посланника) препроводить ее на родину. Отсюда видны ваши стремления к высшей нравственности. (Вы) цените соседскую дружбу. Я глубоко сожалел и даже проливал слезы, потому, что принцесса вскоре подверглась разбойничьему нападению уйгуров и долго не возвращалась домой. Посланники, отправленные ханом, все были истреблены. Мои слова и думы печальны, до сегодняшнего дня не могу забыть.

Вчера, прочитал ваше послание (где говорится): "Просим разузнать о посланной нами принцессе. Во чтобы-то ни стало нужно ее найти". Сейчас пограничные генералы пришли в негодование, уже добились необыкновенного успеха. Уйгуры-преступники рассчитывают день, когда можно возвратиться, и стали своевольничать. (Мы) благодарим Вас, хан, за покорение уйгуров. (Их) различные племена непременно нужно разбить, и тогда мы с вами будем соседними государствами. Каждая сторона будет соблюдать прежние границы, продолжим дружбу и дадим отдых народу. Если в наших делах будет единство, то тогда на границе прекратится тревога, луки и стрелы вложим в колчаны.

Обязательно нужно, чтобы все племена подчинились. Все в душе завидуют: известно, что наши государства навечно в родственном союзе. Я думаю, что Вы, хан, мудры и сами имеете хороший план. Поэтому приказываю тайпунин юйшиченсяну Чжао Фаню с бунчуком выполнить обязанности посланника и сообщить о (нашей) глубокой искренности (к Вам). Как перед богом, храню верность (Вам), я говорю не двоядушно; как можно не воодушевляться?

Еще с древних времен вассалы все должны были (получить) от Китая грамоты о назначении на должность, затем все-таки показывали силу со своей стороны. Ныне хочу (вручить) Вам грамоту с назначением, специально добавляю прекрасный титул. Поскольку не знаю намерений хана, чтобы отправить указ, жду дня возвращения Чжао Фаня. Специально приказываю посланнику совершить обряды, чтобы продолжить мир и дружбу. Осведомляюсь о здоровье вашего генерала и министра. В отправленном письме распоряжений больше не будет" (Там же: 72-74).

В 6-й луне (1 июля - 30 июля) 843 года к императору прибыло кыргызское посольство, возглавляемое Вэнь-у Хэ (Урту Алп), с письмом и дарами от кыргызского кагана. Император вручил: посланнику письмо Юй - сяцзясы - кэхань-шу (Письмо к кыргызскому кагану). Там говорилось: "Император почтительно сообщает сяцзясскому (кыргызскому) хану, что генерал Вэнь-у Хэ прибыл. (Мы) читали Ваше письмо и узнали о представленных ста лошадях и десяти парах соколов. Хан обладает блестящими способностями, от рождения знает героические планы. Когда вырос, прославился силой и, наконец, установил мир в северных странах, смел с лица уйгурские жилища. За обиду оплатил справедливостью, защитил шатер принцессы. Дела поистине великие. Ныне (Вы) послали знатных доверенных чиновников, которые провели через северные степи знаменитых лошадей и соколов, издалека прошли через сыпучие пески. Коль скоро (Вы) развиваете родственные отношения, то (это) может способствовать цели умиротворения. Близкие речи, высокие заслуги глубоко затрагивают мои искренние чувства. Я получил (в свое время в распоряжение) великую территорию, умиротворил многие

государства, но как могу надеяться поддержать (там) цивилизацию. (Ваши) приезды достойны мудрости Чен Тана, я действительно боюсь, что мои добродетели несовершенны, мне стыдно сравниться с величием Ханьского Сюань-ди. Территория вашего государства со всех сторон отделена (от нас), в начале года (Вы) не присутствуете на церемониях, поэтому (мы) не осуществляем управления, это так. Очень жаль, (ведь) Вы, хан, (наше) союзное государство и (мы) хотим сохранить (Вашу) прежнюю славу и осуществить Ваши давние планы. Чтобы устранить будущие несчастья, отныне о беде сообщайте со всей искренностью.

В прошлом Хуханье шаньюй (Хуханье - шаньюй гуннов. Признавал себя подданным Китая и приезжал ко двору. - прим. Супруненко) в связи с тем, что Чжи-чжи (Чжи-чжи-шаньюй гуннов. - прим. Супруненко) еще существовал, а в государстве еще не был водворен порядок, назвался вассалом и стал служить Хань. Счастье распространилось на (его) потомков. При поздней Хань шаньюй Би (Би-шаньюй гуннов. - прим. Супруненко), подобно своему деду (Би был внуком Хуханье. - прим. Супруненко), полагаясь на Хань был в безопасности и унаследовал (его, Хуханье) титул (т.е. титул шаньюя. - прим. Супруненко).

(Вы) с письмом к императору приехали в Северный Китай. (Вы) всегда хотели защищать (земли) к югу от пустыни, и вот на северной границе (Китая) водворилось, наконец, спокойствие, военные действия навсегда прекратились.

Недавно уйгуры, опираясь на нашу поддержку, установили тиранию среди северных вассалов, все племена им подчинились, никто не осмелился не подчиниться.

Спокойствие во всем крае продолжалось сто с лишним лет. Это дело очевидное и хану хорошо известно. Сейчас уйгурские племена еще не полностью истреблены, живут между туфаями (Туфань - название народа в Тибете. - прим. Супруненко) и китайцами. Даже Хэйчэцзы (Хэйчэцзы - отдельный род Шивэй, жили севернее Туцзюе. - прим. Супруненко) издавна боятся их силы. Мы давно привыкли не верить (им), боясь, что они снова поднимутся. Обычно (они) держатся двуличной политики.

Необходимо довести до сведения малых вассалов, что я близок и великодушно отношусь к Вам, хан. Вам (необходимо) порвать с уйгурами, чтобы действительно были установлены мир и дружба, уточнен договор о Вашем подчинении Китаю, и тогда не будет оснований для коварных планов и грязных умыслов. Поэтому, (я) хочу преподнести (Вам) свидетельство на титул и продемонстрировать всем (соседним) странам. К тому же, Дэньли-хан - старый титул уйгуров, был пожалован (им) нашим государством в прошлом году, уйгуры не сами учредили это название. Сейчас уйгурское государство уже разбито и разумно лишить их (этого титула).

Мне известно, что предок хана прежде, в правление Чжень-гуань (627-649) лично приезжал ко двору. Тайцзун пожаловал его (военным чином) цзюэй цзянцзюнь и (назначил) главным правителем области Цзянь-гунь. Я хочу продолжить старые традиции Тайцзуна. Вы также следуете мудрости своего предка. Удобно считать Цзянь-гунь государством; дарую (Вам) свидетельство на титул, еще добавляю прекрасное прозвище, чтобы выразить глубокую любовь. К примеру, цзянь - значит неувядающая (слава), гунь

- значит иметь наследников, это указывает на то, чтобы не забывали корня, разве это не прекрасно?

Я вчера приказал Либушаншу Чжен Су и др. вместе с вашим посланником лично изложить великие замыслы. Генерал Вэн-у Хэ и др. поняли мои намерения, выразили желание стать союзниками. Разве нужно делать меч из золота и поднимать прозрачный бокал с вином, чтобы сохранить искреннее доверие и укрепить его в самом начале? Недавно уйгуры первые пришли в Северный Китай, просили у нашего государства отборного войска 100 тысяч, чтобы пройти севернее пустыни и постепенно вернуться в прежние владения. Еще просили предоставить один город на китайской границе, чтобы отдохнуть усталым. (Они) мечтают о возрождении. Из-за Вас, хан, я не согласился на это.

Ныне уйгуры изменили нашему государству и являются вашими врагами. Необходимо вырвать (их) с корнем, только тогда установится мир. К тому же, небо (послало им) гибель, легко на них напасть и захватить. В древности говорили: если небо дает и не взять, то беда обратиться на тебя. Вы, хан, должны воспользоваться этим удобным случаем и скорее уничтожить варваров. До тех пор, пока уйгуры не будут уничтожены, Вы, хан не можете наслаждаться едой и питьем, а на охоте получать удовольствие. Собираясь в поход, нельзя медлить. Жаль, что (нас) разделяют различные народы и (нашим) государствам трудно действовать общими силами. Если (уйгуры) приблизятся к Китаю, то неминуемо будут разбиты. Опасаюсь, что остальных, которые покорятся, Вы, хан не сможете полностью истребить, примите преступников, возьмете беглых чиновников, и это вызовет наше

недовольство и породит пограничные инциденты. Это значит кормить ядовитую змею и самому порождать зло.

В прошлом году уйгурский министр и др. говорили китайскому посланнику, что после того, как Ли Цзин (Ли Цзин - танский генерал, разбил ту-цзюе (тюрков. - прим. Супруненко) взял в плен Сели (хана) (630 г. Сели - туцзюесский (тюркский) хан (Хели-каган, младший брат Шиби-кагана, правил в 620-630 гг. - прим. Супруненко), в стране имелось только лишь 20-30 человек, и (они) все же возродились.

(Уйгуры сейчас) в опасном положении, и они подняли (у себя) панику. Вы, хан, глубоко вникните в эти слова и разве не будете беспокоиться? Еще слышно, что у хэлочуанских (Хелочуань - район, рядом с Ганьчжоу и Сучжоу. - прим. Супруненко) уйгуров ставка их разбита окончательно. (Они) думают о своей родной земле и, конечно, питают мысль о возвращении. Нужно скорее усмирить (племена) этого района, уничтожить (их) без остатка, тогда добьемся успеха и лишим их надежды. Вы, хан, проявляете (к ним) многолетнюю ненависть, сами являетесь героем эпохи. Что касается (Вашего) местожительства и одежды, то все нужно изменить. Если вы сохраните то, к чему привыкли, и будете еще держаться старого, то как сможете привести в трепет северную сторону, подчинить все племена?

Я владею Китаем, люблю, когда рождаются люди, всегда опасаюсь, что народ неспокоен и ему чего-либо не хватает. Разве (я) хочу расширять власть и издали контролировать обширные пространства? Как известно, мы с вами поддерживаем союз, справедливо разделяем горести и радости, о малейшем событии всегда готовы сообщить.

Я надеюсь, что Вы, хан, со своими генералами и министрами продумаете этот план и поможете искренне. Посланнику, прибывшему ныне, конечно, я доверяю. Следует быстро отослать ответное письмо. Поэтому, надлежит послать важного чиновника с приказом о назначении титула. Лето жаркое, надеюсь, Вы, хан, отдыхаете спокойно. Осведомляюсь о здоровье генералов, министров и низших чинов. В отправленном письме распоряжений больше не будет" (Супруненко; 1963: 75-77).

В 8-й луне (21 августа - 27 сентября) 843 года в Китай, к императорскому двору приезжал кыргызский посланник Дидэисы Наньчжу (Тутут Ынанчу). С ним было передано письмо Юй-сяцзясы (Письмо к кыргызам). Там говорилось: "Император почтительно сообщает сяцзясскому (кыргызскому) хану, что генерал Дидэисы Наньчжу прибыл. (Мы) читали (Ваше) письмо и узнали о (представлении) двух белых лошадей.

Вы, хан, подобны блестящей Северной Медведице. (Вы) геройствовали на севере пустыни и стали правителем. Таланты (Ваши) сияют, как верхушка бунчука. (Вы) разделили границы и создали государство; особо проявили героический дух, давно известны талантом управления. С любовью думаем о (Вас) и радуемся (Вашим) планам. Глубоко вздыхаем.

В присланном письме говорится: "После того, как генерал Вэнь-у Хэ вернулся на родину, китайский посол не приезжал". В день отъезда Вэнь-у Хэ написал следующее: "Скорее отправить ответное письмо. Поэтому надлежит послать важного чиновника с приказом о назначении титула". Тогда вы еще не знали об этом решении. (Наш)

ответ запоздал, так как (я) хотел отправить посла, но сам откладывал, надеясь, что придет (Ваше) письмо.

(В Вашем письме) еще говорится: "Трудная дорога так же препятствует, ибо проходит через дальние горы и реки". То, что мы не граничим непосредственно с вашей территорией не препятствует симпатии (наших) двух государств. Надеюсь, что вы, хан, поймете и не будете больше сомневаться. Еще (в Вашем письме) сказано: "С двух сторон отправили письма и обе стороны не встретились". Письмо не может высказать (все) до конца, а речь не может полностью выразить мысли. К тому же, иноземное и китайское письмо при переводе не (полностью) совпадает. (Мы) основываемся только на нашей общей искренности и всегда охраняем союз и дружбу. Неужели нужно приукрашивать выражения, чтобы этим поддержать хорошие отношения? (Надеюсь), что каждая (сторона) желает думать о прежних дружеских отношениях. (Я) совершенно не сомневаюсь, а верю искренне. Кроме того, вы говорите: "(Мы) хотим устранить опасность (дословно: зло между двух колонн)" (Выражение, взятое у Конфуция, означает плохое предзнаменование. - прим. Супруненко). Это действительно прекрасные слова.

Известно, что уйгуры геройствовали на севере и стали властелинами. Все иноземцы подчинялись (им) сто с лишним лет. Ныне Вы, хан, уничтожили их жилища, отомстили за обиду и позор. (Ваши) заслуги превышают прежние, геройская слава потрясла северные страны. Конечно, следует глубоко заняться дальнейшими планами. Разве можно оставлять тлеющий пепел? Хэйчецзы, не рассчитывая на добродетель и силу, осмеливаются сохранять враждебные отношения. Это пренебрежение к

Вам, коль скоро они не подчинились. Если это можно терпеть, то что тогда нельзя терпеть?

Кроме того, В Вашем ранее присланном (письме) говорилось: "Просим разузнать о препровожденной (нами) принцессе. Во что бы то ни стало нужно ее найти". Сейчас, если (Вы) оставите (это дело) и не разберетесь, как же внушите доверие моей душе? Я полагаю, что Вы, хан, (заранее) воспользуетесь их трудными обстоятельствами, пошлете отборную конницу и накажите уйгуров за бегство, накажите хэйчецзы за то, что (они) сразу не подчинились. Добиться (этого так же легко), как подобрать утерянное. (Тогда) военные действия больше не возникнут. С этого момента все успокоится. Разве это не прекрасно?

В присланном письме еще сказано: "С тех пор, как (мы) препроводили принцессу к вам, ни одно сообщение не пришло". Известно, что через пять дней после того, как принцесса уехала от Вас, (она) была перехвачена в пути уйгурами. Сопровождающие посланники все были убиты. Принцесса в течении двух лет скиталась в пустыне. (Это) дело уже прошлое, поэтому не будем говорить. В день отъезда Чжао Фаня (3-я луна 843 года - прим. Супруненко) (мы) уже выразили чувство радости, достаточно проявили заботливое внимание. Еще мы узнали, что нынешней осенью (Вы) хотите переселиться в ставку уйгуров (ставка уйгуров прежде находилась на р. Селенге, затем они перенесли ее на территорию Хангая в верховьях Орхона. - прим. Супруненко) и уничтожить их великое государство. Даже если (Вы) сохраните (свое) старое местожительство (ставка кыргызского хана находилась в горах Цинь-шань, западнее р. Енисея. - прим. Супруненко) этого будет достаточно, чтобы все иноземцы боялись (Вашего) могущества.

Уйгуры потеряли надежду, немного приблизились к китайской границе. Кое-что сообщу о прекрасном плане: прошу прислать (пограничный) конный отряд и в определенное время собраться в указанном месте. Известно, что хэйчецзы удалены от китайских границ на 1000 с лишним ли, находятся в пустыне. Прежде, китайские войска не пробовали добраться туда. Слышно, также, что уйгуры глубоко затаили мысль и все время хотят бежать в Аньси.

К нынешней осени, я отдам приказ четырем областям: Ючжоу, Тайюань, Чженью и Тяньде, по важным путям послать войска. (Я) полагаю, что когда Вы нападете, уйгуры непременно разбегутся. Всех нужно перехватить в пути и истребить. Это военное время и нужно следовать условиям договора. Думаю, что Вы, хан, конечно, абсолютно верите и согласитесь от всего сердца.

Дидэйсы Наньчжу был у меня на трех приемах и (я) удостоил его пиршества. Полагаясь на присланное письмо, не буду его задерживать. Я вслед вышло важного чиновника вручить приказ о назначении титула. Поэтому, заранее сообщаю об этом указе, чтобы другие государства хорошо знали о церемонии назначения титула. Все будет (совершаться), как прежде у уйгуров.

Вы, хан, только что создали государство, управляете всеми вассалами. Следует продемонстрировать, что (у наших) соседних территорий дружеское расположение глубоко и принцип родственного союза ценится. Если на этой основе осуществлять умиротворение, кто же осмелится не подчиниться? (Вам, хан) следует глубоко вникнуть (в это) и совместно (с нами) осуществить дальнейшие планы.

(Ныне) весна теплая, надеюсь, Вы отдыхаете спокойно. Также, осведомляюсь о здоровье генералов, министров и низших чинов. В отправленном письме распоряжений больше не будет" (Супруненко; 1963: 78-79).

Интересно, также, представить доклад Ли Дэ-юя о переводчиках, где говорилось: "Ниже следует: как известно, Шифоцинъ и др. по происхождению из уйгуров и, конечно, имеют пристрастие к своей стране. После того как специальный посол сяцзасов (кыргызов) прибыл в столицу (Речь идет о посольстве Чжу-у Хэсу, 2-я луна 843 года. - прим. Супруненко), опасаясь, что речи неблагоприятные для уйгуров (они) не будут переводить, и вместе с тем, тайно передадут (их) уйгурам, (находящимся) в столице.

Намереваюсь дать указ Лю Мянью и Чжу Шуню каждого, понимающего иноземные языки и не являющегося соплеменником уйгуров, доставлять в столицу. Надеюсь, что будет осуществлена взаимная проверка во избежание обмана.

Непременно расследовать.

843 год, 1-я луна, 10-й день (12 февраля)".

Во всех этих посланиях Танский император У-цзун настойчиво призывал кыргызского кагана полностью уничтожить уйгуров. " (Я) узнал, что вы из поколения в поколение (с ними) враждуете. Если можно отомстить, уничтожьте их государство и города и станьте государем, прогоните их старейшин в самую далекую пустыню". "Мы все же боимся, - писал он, - что бежавшие (уйгуры) снова принесут зло, захотят напасть на Вашу границу, чтобы еще раз отомстить. Вы тоже должны подготовиться... напасть на (уйгуров) и уничтожить, вырвать их с корнем..." (Супруненко; 1974: 244-245).

Для привлечения кыргызов на свою сторону, - пишет Г.П.Супруненко, - использовались все традиционные средства китайской дипломатии. Кыргызскому хану были пожалованы грамоты с присвоением почетных титулов, в одном из писем он именуется даже «ваном». Кыргызские старейшины и военачальники также получили почетные титулы. В письмах к кыргызам в качестве примера для подражания приводятся действия шаньюя сюнну (гуннов.-Э.у.К.) Хуханье, принявшего в эпоху Хань вассальную зависимость от Китая. Кроме того, постоянно используется в политических интересах версия о якобы существующем "родстве" царствующего дома Тан и кыргызских ханов. «Родство» это устанавливается через полководца древности Ли Лина, который попал в плен к гуннам и, будучи назначен наместником во владения кыргызов, стал основателем династии их ханов" (Там же).

Уже после победы над Уцзе, в 844 г. китайский император провокационно склонял кагана кыргызов к полному истреблению уйгурского народа. "Поскольку Вы, хан, - утверждал он, - питаете ненависть (к уйгурам), следует полностью уничтожить (этих) варваров. Если оставить тлеющий пепел, то непременно возникнут последующие бедствия". "Уйгуры являются изменниками нашего государства и Вашими врагами, хан. Нужно вырвать их с корнем, тогда установится мир" (Там же).

Здесь, мы являемся свидетелями классической внешнеполитической практики китайских империй, стремившихся действовать по принципу "уничтожать варваров руками варваров" (Супруненко; 1974: 244-245).

"Эти кровавожадные призывы, - пишет Г.П.Супруненко, сопровождались предложением плана совместных действий:

"Кое-что сообщаем о прекрасном плане: прошу прислать пограничный конный отряд и в определенное время собраться в указанном месте. Известно, что племя хэйчецзы удалено от китайских границ на тысячу с лишним ли и находится посреди пустыни. Прежде, китайские войска не пробовали добраться к ним. Также слышно, что уйгуры глубоко затаили мысль - бежать в Аньси.

К нынешней осени я отдам приказ четырем пограничным областям: Ючжоу, Тайюань, Чжэньсу, Тяньдэ по важным путям послать войска. Рассчитываю, что когда Вы, хан, атакуете, уйгуры непременно разбегутся. Всех нужно перехватить в пути и истребить" (Там же).

Однако, кыргызский каган не преследовал цель истребления уйгурского народа. И, главное, всячески заигрывая с кыргызами, Танский двор стремился превратить их, как и уйгуров, в своих послушных вассалов (Там же).

В труде первого министра танского двора Ли Дэюя, составленного в 841-847 гг., со слов кыргызского посланника Та-бу Хэцзу было записано, что кыргызы "переселились на р. Хэло, живут на старой территории Уйгурского государства" (Малаякин; 1983: 101). В сочинении Сыма Гуана (XI в.), же говорится, что кыргызы намеревались переселяться в долину р. Хэло (Там же). Река Хэло (Хэлочуань) отождествляется с Эдзин-Голом, среднее течение которого до сих пор носит название Хэйхэ - Черная река (Кара-мурэн) (Там же).

Сведения о нашествии кыргызских войск в Мавераннахр* содержатся в "Саллам, переводчик у "стены

* Мавераннахр - земли расположенные за правым берегом Аму-Дарьи, т.е. то, что лежало к северу и востоку от этой реки.

Гога Магога" Ибн Хордадбега. Речь идет о "необычном путешествии", которое совершил толмач Саллам аль-Тарджуман, якобы владевший 30-ю языками, к "Стене Гога и Магога" (т.е. к Великой Китайской стене), между 844-846 гг. по приказу халифа Васика (842-847 гг.). Отчет о поездке был записан современником, который, это можно утверждать с почти полной уверенностью, получил эти сведения лично от Саллама. Речь идет о занимавшем в те времена должность главного почтмейстера халифата, знаменитом персе Ибн Хордадбеке. Он дословно воспроизводит отчет о путешествии Саллама в своем выдающемся труде о дорогах в арабских владениях. Работа Ибн Хордадбега была написана в 846 г., а через 40 лет, в 885 г., автор переработал ее, основываясь на новых данных (Хенинг; 1961: 188).

В "Саллам, переводчик у "стены Гога и Магога" говорится: "Халиф Васик увидел во сне, что открыт проход в построенной Зулькернейном стене на границе наших земель с Гогом и Магогом, и стал искать человека, который мог бы поехать в те края, где она находится и проверить, в каком она состоянии. Ашнас сказал ему: "Никому не под силу справиться с этим делом, кроме Саллама Переводчика, который говорит на 30 языках». Поэтому Васик призвал меня и сказал: "Желаю я, чтобы ты отправился к стене, осмотрел ее и представил мне отчет обо всем, что увидишь". Он назначил сопровождать меня 50 сильных юношей и дал мне 5000 динаров на расходы, а также 100 дирхемов для меня лично. Каждый из моей охраны получил по 1000 дирхемов и жалованье за год вперед... 10 дней мы ехали по этой стране, а затем еще 20 дней до местности, где все селения были разрушены. Нам сказали, что это остатки

поселений, которые подверглись нападению Гога и Магога и были совершенно ими опустошены. Наконец, мы добрались до укрепленных районов поблизости от горных цепей, на одной из которых находилась стена. Там мы нашли людей, говорящих на арабских и персидских языках. Они мусульмане, читают Коран, и у них есть школы и мечети... Укрепления расположены в 1-2 фарсах друг от друга [5.5 - 11 км]. Затем, мы прибыли в город Ика, имеющий 10 фарсахов в окружности. Ворота в этом городе железные, и закрывают их, опуская вниз. Вокруг этого города поля, а на них мулы... Оттуда до стены еще 3 дня пути. Минувя укрепления и небольшие укрепления с базарами, на третий день мы приблизились к стене ... Затем мы достигли высокой горы, на которой расположены укрепления. Эта стена Гога и Магога. Там находится ущелье, достигающее 150 локтей в ширину, через которое некогда проходили эти племена, совершая опустошительные набеги на страну, пока Зуль-Кернейн не закрыл его... Комендант крепости, в роду которого должность хранителя ворот передается по наследству, словно титул халифа, отправляется каждый понедельник и четверг ранним утром к воротам в сопровождении еще трех всадников, вооруженных молотками. Один из них поднимается по лестнице, которая находится у ворот, и, взобравшись на верхнюю ступеньку, бьет молотком по металлу. Приложив затем ухо к воротам, он слышит гул, подобный исходящему из осиног гнезда. Вскоре опять становится тихо. Около полудня второй раз ударяют молотком, и слышен такой же гул, но несколько более сильный. К вечеру бьют в ворота третий раз и с тем же результатом. Лишь к заходу солнца возвращается

комендант. Цель этих ударов - показать людям по ту сторону стены, что охрана настороже и следит... Общий вид этого сооружения весьма необычен, благодаря чередованию желтых слоев меди и темных слоев железа, пересеченных почти повсюду поперечными полосами... Когда мы возвратились в Самару, я отправился к Васику, доложил ему о наших приключениях и показал железную полосу, вынутую мной из ворот в стене. Халиф возблагодарил Аллаха и велел раздать в вознаграждение большую сумму денег. Каждый из сопровождавших меня получил в подарок 100 динаров. Путешествие к стене отняло у меня 16 месяцев, а обратный путь - немногим более 12-ти месяцев" (Там же: 180-182).

По мнению Р.Хенинга «можно предположить, что Саллам воспользовался обычным караванным путем на Сыр-Дарье и проехал вдоль северных отрогов Тянь-Шаня по дороге Алаколь-Баркуль. Затем он перешел через главный перевал восточного Тянь Шаня и попал в Хами, а оттуда, очевидно, в Аньси" (Там же: 193).

Как показывает анализ "несколько странного, но в целом вполне правдоподобного рассказа Саллама, с трудом поддающегося истолкованию", маршрут путешественника пролегал к Великой Китайской стене (Хенинг; 1961: 188). "Более того, - пишет Р.Хенниг, - на наш взгляд, в цепи фактов, доказывающих, что интересующая нас "стена Гога и Магога" действительно могла быть только Великой Китайской стеной, нет ни одного недостающего звена" (Там же: 193).

Местность, где все селения были разрушены, Р.Хенниг искал в землях Восточного Туркестана, "ставших в 840 г., то есть незадолго до поездки Саллама, жертвой

опустошительного вторжения хакасов (киргизов)" (Там же: 193-194). "В рассказе Саллама упоминается город Ика (Юка), который миновали путешественники. "Еще де Гуге, по соображениям географического характера, пришел к убеждению, что этот не поддающийся определению город Ики, очевидно тождествен городу Хами".

"Еще один шаг вперед, - пишет Р.Хенниг, - удастся сделать, когда выясняется, что неподалеку от Хами находилась бывшая столица уйгуров Игу, центр упоминавшегося китайским паломником VII в. Сюан Цзаном "Царства Игу". Некоторое фонетическое различие между названиями Игу и Ика представляется несущественным, тем более если учесть, что арабское "а", видимо, произносилось очень закрыто. В те времена на земле уйгуров возможно, обосновывалось большое количество их сородичей мусульманского вероисповедания, бежавших из более западных областей во времена вторжения киргизов. Впрочем, и в самом Китае мусульмане не были в тот период таким уж редким явлением. Во всяком случае, вполне вероятно, что именно в этом районе произошла описанная Салламом встреча с его единоверцами, которые никогда и не слышали о повелителе правоверных" (Там же: 194).

Все это говорит о том, что в 845-846 гг. кыргызские войска все еще находились в Западном крае.

Очевидно, упоминаемая у Саллама "местность, где все селения были разрушены" действительно, как и полагал Р.Хенниг, были районами, расположенными где-то в землях Восточного Туркестана, и были остатками "поселений, которые подверглись нападению Гога и Магога (кыргызов)

и были совершенно ими опустошены". Под Гогом и Магогом здесь конечно же имелись в виду кыргызы.

Теперь, мы вполне можем ответить на замечательный вопрос, поставленный Р.Хеннигом, который писал: «Остается неизвестным, какое сновидение привело в беспокойство царствовавшего в Самарре халифа» (Там же: 188). Причиной всему этому, могли послужить события, развернувшиеся на востоке в начале 40-х годов IX в., т.е. вторжение кыргызских войск в Западный край*. Все таки дошли до границ халифата и, даже, до ушей самого повелителя правоверных какие-то сведения или слухи обо всем этом, вылившиеся, в конечном счете, в кошмарное сновидение. "Безусловно, сон произвел на халифа весьма сильное впечатление, раз он не пожалел значительных затрат, чтобы достоверно выяснить, насколько прочна "стена Гога и Магога", о существовании которой ему, как правоверному мусульманину, очевидно, было известно из гл. 18 Корана. Вряд ли халиф представлял себе, в каких землях следует искать эту таинственную стену. Поэтому - то Саллам получил задание разыскать стену и проверить, способна ли она еще выдержать натиск "Гога и Магога" (Хенниг; 1961: 188).

В Древности и Средневековье выражение "Гог и Магог" имело достаточно широкое хождение в странах Передней Азии, однако, значение его весьма туманно и с течением времени менялось. Впервые "Магог" встречается в "Обзоре преданий, относящихся к эллинской теологии", в "Иудейских древностях". Согласно содержащимся здесь надписям, "у Ноева сына Иафета было семь сыновей", один

* Западный край - земли, расположенные к западу от Китая.

из них "Магог" "поселил названных по его имени магогов, которых эллины называют скифами" (Латышев; 1947: 334). Магог, как один из сыновей Иафета, упоминается и в Библии (Книга Бытия, X, 2) (Там же: прим. 3). По словам пророка Иезекииля (XXX VIII, 2), магоги изображаются воинственным и диким народом севера, вторгнувшимся в Палестину (Там же). Иосиф Флавий отождествляет магогов со скифами (Там же). В Летописи Ашшурбанипала (VII в. до н. э.) упоминается Гаги, властитель сахов, "соответствующей, вероятно, Гогу в стране Магог Иезекииля (XXX VIII, 2). Сахи, очевидно, тождественны с саками (Там же: 265-266).

В Гог можно видеть искаженную передачу названия Сак (Саг), а в Магог - масак (масар). Сак и Масак были дивергентными формами древнетюркского асык (азык) (Эсен уулу Кылыч; 1993). Отождествление магогов со скифами и расположение их в местах расселения "скифских" племен не удивительно, поскольку сами скифы, в значительной мере в то время состояли из саков (Там же). Саки и азы, как и древние кыргызы, были кровнородственны и этнически близки, т.е. были одного происхождения (Там же). Объединение каких-то групп этих племен и привело к образованию асхызского (скифского) племенного союза, которые и были первыми скифами (Там же).

Сначала, в войне с китайцами Уге-хан имел некоторые успехи, но затем был разбит танскими войсками, бежал к хэйчезам, кочевавшим в юго-западных отрогах Большого Хингана (Малаявкин; 1974: 31, 36, 101). В Тан Шу об этом говорится: "В это время Уге-хан, с остатками своего

народа нашел убежище у Черной телеги (на кит. Хэй-хэ, название монгольского поколения. - прим. Иакинфа)" (Иакинф; 1871: 451).

Кыргызский каган, судя по данным Тан Шу, "пользуясь осеннею полнотой лошадей, хотел захватить хана (Уге-кагана), посему и просил войск у китайского двора. Император отправил сановника Лю Мына для обозрения границы. Четыре корпуса в северо-западном углу Китая изнурены были долговременною борьбой с Тибетом, а восемнадцать округов истощены проходом кочевых войск" (Там же).

В это время кыргызские войска вели войны на юго-западе, в районах Восточного Туркестана. Этим, очевидно, и следует объяснить просьбу кыргызского кагана прислать ему войска, для того, чтобы покончить с Уге-ханом.

Уге-хан был выдан хэйчезами китайцам (Супруненко; 1974: 244). По другим известиям, он был убит вождями хэйчезы, подкупленными китайскими военачальниками, и, ханом у уйгуров стал его младший брат Энянь (Малаявкин; 1974: 31). Энянь, собрав войска, повел борьбу с китайцами. Постепенно, его силы уменьшились и, в конце концов, более чем с 500 именитыми князьями и знатными чиновниками он бежал к Шивэям, кочевавшим на территории от юго-западных отрогов Большого Хингана до Великой Китайской стены (Там же: 31, 36, 101).

Китайский военачальник потребовал от Шивэй выдачи Эняня, и он бежал с семьей в сопровождении десяти всадников на запад. Оставшихся уйгуров разделили Шивэйи (Там же: 30, 31). В Тан Шу, в главе Повествование о Доме Хойху, об этом говорится: "Семь родов Шивэйских разделили ойхорцев (уйгуров) между собой" (Там же: 424).

В 847 или 848 году кыргызский каган послал своего министра Або, который "во главе 70.000 войска, состоявшего из различных племен, пришел со стороны юго-запада от северных границ воеводства Тяньдэ, чтобы взять Энъя и уйгуров. Он нанес сильное поражение народу Шивэй, затем собрал всех уйгуров, находившихся у Шивэй и вернул их на север от Гоби" (Маявкин; 1974: 30). В Тан Шу, в главе Повествование о Доме Хойху, также, говорится, что когда "Семь родов Шивэйских разделили ойхорцев (уйгуров) между собой, то Хагяс, рассердившись на это, с министром своим Або и 70.000 войска напал на Шивэй и забрав остальных ойхорцев (уйгуров) возвратился на северную сторону Песчаной степи (Иакинф; 1851: 424).

Следует отметить, что кыргызы первоначально, вероятно, не знали о группировке уйгуров во главе с Уге, ушедшими через Гоби на юг, к границам империи Тан. Это явствует из того, что как уже выше указывалось, в ноябре 842 г. (10-й луне) в Тяньдэцзюнь прибыл кыргызский посланник Табу Хэцзу (Тапу Алп Сол) с письмом от кыргызского кагана. Он сообщил, что кыргызы, не имея известий о посольстве Дулуй Шихэ и принцессе Тай-хэ, отправили военный отряд (Супруненко; 1974: 244). Между тем, еще в ноябре 842 г. кыргызский посланник Та-бу Хэцзу сообщил, что "им (кыргызам) подчинились пять племен - Аньси (Куча), Бэйтин (Бешбалык), Дада (Татар) и другие" (Маявкин; 1983: 101).

Эти события подтверждаются и данными других источников. О них чуть ниже. Получается, что Аньси (Куча) и Бэйтин (Бешбалык) были подвергнуты нападению и заняты древними кыргызами в 842 году. Не произошло ли это вследствие "поисков" принцессы Тай-хэ

специальными войсками, посланными кыргызами, которые не знали, что часть уйгуров, во главе с Уге ушла на юг, через Гоби. Кыргызы могли знать об уйгурах, бежавших в западном направлении и подозрение в захвате принцессы Тай-хэ и убийстве кыргызских послов могло пасть на них. Преследуя их, кыргызы могли подвергнуть нападению Аньси (Куча) и Бейтин (Бешбалык), где могли найти пристанище беглецы.

Во всяком случае, примерно до известного похода 70.000 войска Кыргызского каганата во главе с министром Або на Шивэй, вероятно, кыргызские войска были заняты войной в Восточном Туркестане. Поэтому, кыргызский каган или мог отозвать их, или ждать окончания военной компании, поскольку они зашли далеко в Западном крае.

В подтверждение этому могут служить выше приведенные данные Тан Шу о том, что Ажо, узнав об Уцзе-Хане, "пользуясь осенней полнотой лошадей, хотел захватить хана (Уге), посему просил войск у китайского двора" (Иакинф; 1851: 452).

По-видимому, в поисках принцессы, кыргызы, надо полагать, подняли большое войско, т.е.-главные, основные силы. О возможности этого можно судить по содержанию письма китайского главнокомандующего Лю Мыня уйгурскому министру, которое уже приводилось нами выше. "Ныне, кыргызы враждуют с (уйгурским) ханом и просят (разыскать) принцессу (Тай-хэ). (Они), наверное, планируют поднять большое войско и собрать всех иноземцев, чтобы двинуться с войсками на юг прямо к (нашим) северным границам" (Супруненко; 1974: 243).

Таким образом, представляется, что об уйгурской группировке Уге-хана, вероятно, кыргызский каган узнал

во время кыргызских военных действий в Восточном Туркестане. Поэтому для того, чтобы покончить с Уге-ханом Ажо мог отозвать свои войска или же, дожидаться окончания военной компании в Западном крае. Не случайно, что кыргызское войско во главе с министром Або пришло со стороны юго-запада, от северных границ воеводства Тяньдэ, нанеся "сильное поражение народу Шивэй, затем забрал всех уйгуров, находившихся у Шивэй и вернул их на север от Гоби" (Малявкин; 1974: 30). Из этого может следовать, что кыргызское войско могло прийти со стороны Восточного Туркестана. Что касается уйгуров, бежавших от кыргызов в 840 году, во главе которых стоял Пан-тегин и министр двора, то по историческим сведениям, "их министр Сачжи помог племяннику (Танского императора) Цзян-панлэ бежать в Аньси. Поскольку уйгуры (Уцзе-хана) были разгромлены Чжан Чжунчу, пограничным губернатором (Цзедуши) в Ючжоу, то Панлэ сам объявил себя ханом" (Малявкин; 1983: 200). В другом источнике местопребыванием Пан-тегина назван Яньци (Карашар) (Там же: 201).

Посланник кыргызского кагана Та-бу Хэцзу, прибывший в ноябре 842 г.: в столицу Китая, сообщал, что "им (кыргызам) подчинились пять племен - Аньси (Куча), Бейтин (Бешбалык), Дада (Татар) и другие" (Там же: 101). В другом источнике эти известия повторяются (Там же). В связи с этими событиями в биографии Ли Дэюя отмечается: "Кыргызы прислали посла и сообщили, что они атаковали и заняли Аньси и Бэйтин. Император пожелал получить эти районы от кыргызов" (Малявкин; 1974: 116). 8 апреля 843 года в ставку Ажо был направлен китайский посланник Чжао Фань, который, по возвращении докладывал, что "кыргызы

атаковали наместничества Аньси и Бэйтин, поэтому надлежит послать войска для оказания помощи" (Там же: 197). Согласно другому известию, "когда во втором месяце 3 года эры правления Хуэй-чан (5.III. - 3.IV.843) при дворе получили известие о вторжении кыргызов в район Бешбалыка и Кучи, то было высказано мнение о необходимости посылки помощи этим городам" (Малявкин; 1983: 144).

После ухода кыргызских войск из Западного края, уйгуры Пан-тегина заняли Аньси (Куча) и их глава объявил себя ханом. Где-то во второй половине IX века они заняли и Бэйтин (Бешбалык).

В Китаб масалик аль-мамалик Аль-Истахри (X в.), в главе о Мавераннахре, говорится: "Горы, отроги которых тянутся в сторону Самарканда между Кешем и Самаркандом, пока не смыкаются с горами аль-Буттем, поворачивая к Усрушане в стороне Ферганы, и выходят к области Шельджи и Тараза; затем, как рассказывал мне тот, кто ходил по тем путям, они тянутся до границы Сина. И эти рудники, которые находятся в Усрушане, Фергане, Илаке, Шельджи и Лабане до страны хырхызов, все они находятся в главном хребте гор и в примыкающих к нему горах" (МИКК; 1973: 17).

Средневековая область Илак находилась к востоку от Ташкента, город Шельджи - в Таласской долине, а Лабан, один из карлукских родов, обитал где-то в Северном Притяньшанье или в отрогах Кыргызского хребта, к западу от Иссык-Куля.

Из этих данных следует, что на востоке от Лабана начиналась страна кыргызов.

В анонимном сочинении Худуд аль-аалам (X в.), в главе Слово о горах и рудниках, которые в них находятся, говорится: "А в том отроге, который идет по направлению к области хырхызов, есть мускусные олени, (олени) с рогами хуту, серая белка и соболь" (Там же: 37). Очевидно, здесь имелись в виду горы Заилийского Ала-Тоо, тянущиеся на восток от Кыргызского хребта. Из этого следует, что граница древнекыргызского государства доходила до восточных отрогов Заилийского хребта.

В главе Слово об области тогуз-гузов и ее городах, в Худуд аль-аалам, сообщается: "На востоке от нее (т.е. области Тогуз-гузов. - Э.у.К.) страна Чин, с юга - частью Тибет и частью халлухи, на запад от нее - некоторая часть хырхызов и на север- также хырхызы, (они) селятся вдоль всех ее границ" (Там же: 40). Из этих данных видно, что западные пределы Кыргызского государства уходили на запад от области тогуз-гузов.

Интересно также, вышеуказанное сообщение Худуд аль-аалам о том, что кыргызы "селятся вдоль всех ее границ", т.е. области тогуз-гузов. Это, в свою очередь, могло бы говорить о том, что эти данные Худуд аль-аалам могли относиться к 40-м годам IX века.

В Слове об области Ягма и ее городах, в Худуд аль-аалам, говорится: "Кашгар относится к области Чинистан, но расположен на границе между Яагмой, Тибетом, Хырхызами и Чином" (Там же: 43). Из этих сведений видно, что граница Кыргызского каганата доходила до Кашгара. Замечательно, что в вышеуказанных сообщениях тогуз-гузы не упоминаются даже как жители близлежащих к Кашгару районов. И, наконец, в главе Слово об области халлухов и ее городах, содержащейся в

Худуд аль-аалам, говорится: "Пенчул (расположен) в пределах расселения халлухов, и в давние времена его правитель был из тогуз-гузов, а теперь им владеют хырхызы" (Худяков; 1989: 35). Выше упомянутый город Пенчул соответствует одному из трех городов, расположенных к югу от Центрального Тянь-Шаня, в районах впадения реки Кокшал в Аксу. Это: Уч-Турфан, Аксу или Выньсу. Скорее всего Выньсу, поскольку тюркское произношение которого могло быть Выньсу или Быньчу (Пынчу), что и было зафиксировано в источнике, как Пенчуль.

В одном источнике говорится, что кыргызы и тибетцы могли поддержать группировку тюрка Ли Кэюна в междоусобной борьбе в Китае в 904 г. (Караев; 1989: 57).

Чтобы определить границы древнекыргызского государства в этот период нужно иметь в виду, что есть территории обитания, расселения как самих кыргызов, так и сферы влияния, господства. К владениям Кыргызского каганата относились Южная Сибирь, Монголия, часть Забайкалья, Прииртышья, Восточный Казахстан, Семиречье до Центрального Тянь-Шаня и бассейна Тарима. Это также может подтверждаться и данными Тан Шу, где говорилось: "Хагяс было сильное государство; по пространству (своему оно) равнялось дулгасским (тюркским) владениям... На востоке (оно) доходило до Гулигани (Курыкан, т.е. Байкала), на юге до Тибета, на юго-западе до Гэлолу (карлуков, т.е. до Центрального Тянь-Шаня)" (Иакинф; 1851: 447).

Здесь, очевидно, имелась в виду тянь-шаньская группа карлуков, которая обитала в IX-X вв. в горах Центрального Тянь-Шаня (Эсен уулу Кылыч; 1993).

В.В.Бартольд подчеркивал, что "завоевание Монголии кыргызами представляет собой редкий в истории Средней Азии пример завоевательного движения с запада на восток; почти все движения происходили в обратном направлении"(Бартольд; 1963: 489). "Господство над Монголией перешло к кыргызам, государство которых благодаря этому, сделалось первенствующей кочевой державой в восточной части Средней Азии"(Там же: 488).

Уйгурское государство представляло собой конфедерацию многочисленных центрально-азиатских племен, расселенных от Джунгарии на западе до северной Монголии на востоке, еще с прошлых времен именовавшаяся как тэле; позже, были известны, также, как тогуз гузы (тогуз огузы - восточно тюркские племена). Во главе их со второй половины VIII века стояли собственно уйгуры, которые являлись одним из тогуз-гузских племен.

По А.Г.Малявкину, после разгрома этого государства, в 840 году "создается впечатление, что каганат распался на ряд самостоятельных частей по родоплеменному признаку, которые независимо друг от друга спасались от нашествия кыргызов"(Там же: 25). По его мнению Турфанское княжество, возникшее после разгрома каганата и просуществовавшее до монгольского нашествия было создано не уйгурами. "Его создали другие тогуз-огузские племена, входившие в каганат"(Там же: 171). Участие уйгуров в этногенезе современного населения Синьцзянь - уйгурского района "было самым минимальным, поэтому, этноним уйгур и не получил распространения в этом районе. Китайские источники свидетельствуют, что незначительная часть собственно уйгуров, возможно, осела только в районе Кучи"(Там же). Этноним Уйгур

распространялся в Синьцзяне не естественным, а декларативным путем.

Возможно, что значительная часть собственно уйгуров была уничтожена в ходе истребления, которому они подверглись во время кыргызского вторжения в 840 году (некоторые источники указывают на 839 год), так и в ходе последующего преследования бежавших от репрессий, которые, вероятно, двигались в Восточный Туркестан, в направлении Бейтин (Бешбалык), Аньси (Куча) и далее, в Тибет.

Может быть, что часть уйгуров спаслась благодаря тому, что к этому времени кыргызские войска могли отзывать на восток, в связи с прояснением обстоятельств гибели кыргызских послов и похищения принцессы Тай-хэ и выяснением виновных. Впоследствии, когда кыргызские войска покинули Аньси (Куча), Бейтин (Бешбалык) и другие города Восточного Туркестана, возможно, незначительная часть уйгуров могла возвратиться (с тибетских пределов?) и осесть поблизости от Аньси (Куча).

Представляется, что именно против уйгуров, бежавших на запад и было послано кыргызское войско, которое, по данным китайских источников, якобы было послано кыргызским каганом на поиски пропавшей принцессы Тай-хэ. Как было показано выше, кыргызы не знали о группировке уйгуров Уге (Уцзе), бежавшей через Гоби на юг, к северным границам Танского государства. Они узнали о них достаточно поздно, в то время, когда кыргызские войска уже были в Западном крае.

Возможно, что подозрение в убийстве кыргызских послов и похищении Тай-хэ могло пасть на уйгуров, бежавших на запад, в Восточный Туркестан, поэтому, в

отношении их и могла быть устроена карательная экспедиция. Результатом чего и явилось проникновение древнекыргызского войска на юго-западе до бассейна Тарима, северного Притяньшанья; захват ими ряда городов в Западном крае.

Так, в Сяцзясы-чао-гун-ту-чжуань-сую (Предисловие к описанию картины приношения дани ко двору сяцзясами (кыргызами), написанного министром императора У-цзуна Ли-Дэюем, говорится, что кыргызы разбили уйгуров "при царском дворе (имеется в виду ставка уйгурского хана. - прим. Супруненко), сожгли войлочные палатки, произвели опустошение на десять тысяч ли. На земле негде было упасть семени, и тогда из глубокого омута появилось ясное солнце, рассеялся зловеющий туман и увидели голубое небо" (Супруненко; 1963:79). Это свидетельствует о больших масштабах истребления уйгуров, о больших разрушениях совершенных во время разгрома Уйгурского каганата и в ходе последующего преследования бежавших. "Сожгли войлочные палатки (юрты), произвели опустошение на десять тысяч ли. На земле негде было упасть семени".

Десять тысяч ли это цифра, конечно, условная, и указывает лишь на масштабность произошедших событий. Предисловие к описанию картины... было написано Ли Дэюем после приезда в Танское государство во 2-й луне (в марте) 843 года кыргызского посольства во главе с Чжу-у Хэсу (Чугу Алп Сол), который вручил императору письмо от кыргызского кагана. Ли Дэюй использовал сообщения Вэй Цзун-цина и Люй Шу, собравших у посольства всевозможные сведения (Там же:67). О том, что кыргызы не знали об уйгурах, ушедших на юг через Гоби, к границам Танского государства, и то, что они напали на кыргызское посольство,

шедшее в Китай и захватили Тай-хэ, говорит и то, что в письме, которое было вручено Чжу-у Хэсу императору Срединного государства, все еще говорилось о пропавшей принцессе (Супруненко; 1974 : 144).

О том, что для поисков виновников убийства кыргызского посла и похищения принцессы кыргызы могли поднять большое войско, могут свидетельствовать также и другие данные. Так, Сыма Гуан, автор XI в., сообщает, что кыргызам было приказано "самим с войском найти преступников, убивших посланника, и разгромить племя хэйчецзы" (Там же : 246). Однако, в энциклопедии Це-фу-юань-гуй об этом говорится: "Пусть (кыргызы) сами с войском ищут преступников, которые убили посланников. Пусть они одновременно выступят против хэйчецзы, которые совершили преступление, приняв (Уцзе) хана" (Там же).

По-видимому, китайцы определенное время не говорили кыргызам об известных им виновниках нападения на кыргызское посольство, очевидно, с целью не поменять происходившим в Восточном Туркестане репрессиям кыргызских войск в отношении бежавших туда тогуз-огузских племен, в чем китайцы были крайне заинтересованы. Это подтверждается и тем, что, ответ на письмо кыргызского кагана, присланного Та-бу Хэйцу (Тапу Алп Сол) императору в ноябре 842 года, был составлен лишь в 3-й луне (4 апреля - 2 мая) 843 года.

Во 2-й луне (март) 843 года в Китай прибыло с кыргызским посольством во главе с Чжу-у Хэсу (Чугу Алп Сол) второе письмо от кыргызского кагана, где говорилось о пропавшей принцессе. Между тем, принцесса Тай-Хэ уже была во дворце, а уйгуры Уцзе-хана, с которым до этого вели

военные действия китайцы, потерпев поражение, бежали. Намеренное сокрытие китайцами известного видно также, и потому, что с Табу Хэцзу даже в устной форме не была передана информация о виновниках нападения на кыргызское посольство. Все это могло иметь целью как можно дольше продлить военную кампанию кыргызских войск в Западном крае, направленных на наказание бежавших уйгуров и других тогуз-огузских племен. Китайцы знали о происходящих там событиях.

Так, в 842 году, в ноябре, кыргызский посланник Табу Хэцзу сообщал, что "им (кыргызам) подчинились пять племен - Аньси (Куча), Бейтин (Бешбалык), Дада (Татар) и другие" (Малявкин; 1983: 101). В другом источнике эти известия повторяются (Там же). В связи с этими событиями в биографии Ли Дэюя отмечается: "Кыргызы прислали посла и сообщали, что они атаковали и заняли Аньси и Бэйтин. Император пожелал получить эти районы от кыргызов" (Малявкин; 1974: 116).

Может, этим и объясняется то, что в течение 843 года в Китае побывало три кыргызских посольства, которые передавали императору письма от кыргызского кагана и в которых говорилось о все той же пропавшей принцессе. В самом последнем из них, присланном императору кыргызским посланником Дидэисы Наньчжу (Тутут Ынанчу), который прибыл в столицу в 8-й луне (21 августа - 27 сентября) 843 г., говорилось: "С тех пор, как (мы) препроводили принцессу к вам, ни одно сообщение не пришло" (Супруненко; 1963: 7). Вероятно, с этим была связана частота кыргызских посольств в Танское государство, когда ко двору, один за другим, в течение одного 843 года прибыло два посольства и один посланник.

По выяснении виновников нападения на кыргызское посольство и захвата китайской принцессы кыргызские войска, очевидно, стали отзываться назад, для похода на восток. На это могло уйти достаточно времени. Во всяком случае, то, что поход на Шивэй состоялся в 847 или 848 году, может говорить о том, в течение какого времени войска были отозваны и отправлены в поход.

Может быть, этот поход произошел несколько раньше 847 года. Во всяком случае, предполагаемый срок между временем прояснения виновных в нападении на кыргызское посольство, отзыве войск из Западного края и походом на Шивэй не должен смущать, поскольку неизвестно, когда мог принять решение об отзыве войск кыргызский каган, когда они были отозваны и ряд других причин, обстоятельств, которые могли затянуть время похода кыргызского войска на Шивэй.

Что значит "пусть (кыргызы) сами с войском ищут преступников, которые убили посланников". Разве нельзя было сообщить о них кыргызам. Создается впечатление, что китайцам это было на руку. Что значит "пусть они одновременно выступят против хэйчэцзы, которые совершили преступление, приняв (Уцзе) хана" (Супруненко; 1974: 246). По-видимому, китайцы понемногу намекали об обстоятельствах гибели кыргызских послов и похищении принцессы Тай-хэ, и что виновники скрываются у хэйчэцзы.

О том, что Ажо (кыргызский каган) узнал об Уцзе хане тогда, когда уйгуры находились у хэйчэцзы, видно из данных Тан Шу. Там говорится, что "Ажо, пользуясь осенней полнотой лошадей, хотел захватить (Уцзе) хана, посему и просил войск у китайского двора" (Иакинф; 1851:

451). В это время, как уже выше отмечалось, кыргызские войска были задействованы в военной кампании в Западном крае. Для их отзыва нужно было время, поэтому, Ажо и мог просить войск у императора Танского государства, чтобы "пользуясь осенней полнотою лошадей" захватить Уцзе-хана. "Император отправил сановника Лю Мыня для обозрения границы. Четыре корпуса в северо-западном углу Китая изнурены были долговременной борьбой с Тибетом, а восемнадцать округов (пограничных - прим. Иакинфа) истощены проходом кочевых войск" (Там же). Поэтому, поход на хэйчэцзы, где укрывались уйгуры Уцзе-хана, не состоялся. Кыргызскому кагану пришлось дожидаться возвращения войск из Западного края, и в 847 или 848 году с этими уйгурами было покончено.

Из этого может следовать, что китайцам было на руку то, что кыргызские войска искали виновников в нападении на кыргызское посольство и захвате принцессы с целью их наказания, что сопровождалось репрессиями в отношении подозреваемых в этом остатков уйгуров и других тогуз-огузских племен, бежавших после разгрома Уйгурского каганата в Западный край. Ведь китайцы были крайне заинтересованы в уничтожении всех племен бывшего Уйгурского каганата, которых они условно, также, именовали ойхорами (уйгурами).

Итак, первое посольство Кыргызского каганата со времени выхода в степь, было уничтожено на пути его следования. Более того, была захвачена следовавшая с ним китайская принцесса Тай-хэ, отправленная государю Поднебесной (как именовали китайцы своего императора) в политических интересах. Это могло быть воспринято суеверным народом как плохой признак, дурное

предзнаменование, ведь это посольство, в определенной мере, было символическим, с которым может быть, связывались самые хорошие пожелания и ожидания. Поэтому, случившееся могло привести к вышеуказанным событиям.

С другой стороны, древние кыргызы, судя по Тан Шу, были народом очень строгих правил и обычаев. "Они горды и стойки... Законы их очень строги. Произведший замешательство перед сражением, не выполнивший посольской должности, подавший неблагоразумный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее" (Там же: 446). Поэтому, наказание виновных, поиск и возвращение Тай-хэ на родину было также делом чести (намыс) правителя Кыргызского государства перед Танским императором и его двором, с которым они всегда были в дружественных отношениях.

Поэтому, кыргызами, в этих условиях было сделано все, чтобы достойно выглядеть перед Китаем, что неоднократно восхвалялось и отмечалось китайским императором в его письмах к кыргызскому кагану и кыргызам. По-видимому, через определенное время от кыргызского посольства, следовавшего в Китай, должен был отправляться посыльный в ставку кагана, сообщавший о благополучном следовании посольства. Если уйгуры напали на него через пять дней после выхода посольства в путь, то это могло произойти где-то между Монгольским Алтаем и Хангаем. Поэтому, надо полагать, кыргызы очень скоро узнали о трагедии.

Вообще же, сведения о событиях, протекавших в Восточном Туркестане, да и в других районах Западного края

в период Кыргызского Великодержавия крайне скудны. Это объясняется рядом причин. В IX веке Танское государство было ослабленным, лишенным прошлых завоеваний и не имела контроля над территориями Западного края. В стране царила разруха, голод и междуусобица. Генерал-губернаторы (цзедуши) фактически являлись независимыми правителями в своих провинциях, вели ожесточенную борьбу друг с другом и с центральной государственной властью" (Малявкин; 1983:19). Танское государство было почти полностью изолировано "от среднеазиатских дел" (Там же: 252).

Положение усугублялось также интригами и распрями при императорском дворе. Более того, страна подвергалась постоянному военному и дипломатическому давлению со стороны Уйгурского каганата, Тибетского государства и Южного Чжао (Наньчжао). При этом, она теряла большие территории или вынуждена была откупаться "богатými подарками" (так танские вельможи именовали уплату громадных контрибуций и дань). Танское государство медленно, но неуклонно приближалось к гибели, и ничто не могло остановить этот процесс (Там же: 19-20).

Что же касается Тибета, то уже в первом десятилетии IX века там началось постепенное ухудшение обстановки внутри самого государства, приведшее к его ослаблению и распаду (Там же: 20). Уже к 840 году страна была развалена, раздираемая междоусобной войной. Арабо-персидский мир также был в это время почти полностью изолирован от интересующих нас районов и земель Западного края. Этим и объясняется скудость сведений исторических (письменных) источников о событиях, протекавших в выше указанных

районах Западного края в период Кыргызского Великодержавия.

Несмотря на все усилия китайскому двору не удалось вовлечь кыргызов в орбиту своей политики и навязать им вассалитет. Древние кыргызы были самостоятельны и поддерживали политические, торговые связи с Танской империей исходя из собственных интересов. "Это вызвало сетования владыки Поднебесной: "Между тем, от территории Вашего государства (Кыргызского) (мы) отделены совершенно. Поскольку (Вы) не присутствуете на церемониях в начале года, как же (мы) можем осуществлять управление? Очень жаль, так как Вы, хан, (наше) союзное государство, и (мы) хотим сохранить (Вашу) славу и осуществить Ваши давние планы" (Супруненко; 1974: 246).

У Сыма Гуана же говорится: "Кыргызы просили приказ о назначении титула. Ли Дэюй представил доклад (о том, что) должно наладить с ними дружеские связи. Приказано (кыргызам) самим с войском найти преступников, убивших посланника, и разгромить племя хэйчецзы. Император, опасаясь, что получив титул хана, они не будут подчиняться и, следуя прежним повадкам уйгуров, потребуют ежегодных подарков и торговли лошадьми, был в нерешительности. (Ли) Дэюй доложил: "Кыргызы уже сами называли (своего правителя) ханом. Желая ныне воспользоваться их силой, боюсь, что не стоит скупиться на этот титул. Уйгуры имеют заслуги в подавлении Ань Лу-шаня и Ши (Сы-мина), поэтому (мы) ежегодно дарили (им) 20 тыс. кусков шелка и вели с ними торговлю. Кыргызы никогда не имели заслуг перед Китаем, как же осмелятся просить подарков? Если (Вы) не надеетесь, что они будут служить нам, то нужно

заключить с ними союз. (Они) непременно должны, подобно уйгурам, признать себя вассалами, тогда пожалуем (их) грамотой с назначением титула" (Там же: 246-247).

В энциклопедии Це-фу-юань-гуй эта цитата приведена в несколько ином виде: "Ввиду того, что кыргызы - злейшие враги уйгуров, нам нужно теперь иметь дружеские связи с Уцзе ханом. Пусть (кыргызы) сами с войском ищут преступников, которые убили посланников. Пусть (они) одновременно выступят против хэйчеңзы, которые совершили преступление, приняв (Уцзе) хана. Император был в нерешительности в связи с прежними делами уйгуров, когда они после усмирения Ань Лу-шаня по установленному порядку каждый год награждались 30 тыс. штук шелка. Кроме того, кыргызы получили титул хана, но не думали служить как вассалы" (Там же).

Факт получения кыргызами титула кагана подтверждается и данными из Тайпиньхуаньюйцзи, составленного между 976-984 гг. Там говорится: "В 5 г. (845) грамотой сделали Цзуй-инсюнучэнмина каганом. Как раз император Уцзун скончался, и только в первый год правления Дачжун (847) выполнили церемонию пожалования грамотой" (Кюнер; 1961: 57). Перед нами уникальное известие, в котором зафиксировано имя кыргызского кагана, правившего страной в нач. IX-847 г. н.э. Специалистам следует заняться реконструкцией приведенного здесь китайского варианта. Впервые в истории Кыргызоведения мы узнаем подлинное имя кыргызского кагана.

Министры же говорили: "Ныне прежние деяния кыргызов и уйгуров нельзя (рассматривать) одинаково. (Они) не имеют больших заслуг. Как (они) посмеют

требовать выгоды! Если согласятся вместе с уйгурами признать себя вассалами, то пожаловать грамотой на титул. Если нет, то прекратить отношения" (Супруненко; 1974: 247). В Тан Шу сообщается, что "в продолжение правления Сянь Тхун, 860-873 годов (от Хагяса) три раза приезжали ко двору" (Иакинф; 1851: 452). Далее говорится: "Впоследствии, были ли посольства и были ли даваны и жалованные грамоты, историки не вели записок" (Там же).

Вообще же представляется, что древние кыргызы после разгрома Уйгурского каганата не предпринимали каких-либо серьезных попыток для расширения своей агрессии, кроме предполагаемой военной кампании их войск в Западном крае в 40-х годах IX века. Очень вероятно, что вышеуказанные завоеванные земли в Западном крае были результатом этого похода кыргызских войск, во время которого, в течение нескольких лет они бороздили в далеких краях, разнося доблесть и славу кыргызского оружия.

Не очень-то старались, представляется, переходить древние кыргызы на новые земли в Великой степи, и тем более закрепляться там. Им и на севере хорошо жилось. Ведь Кыргызский каганат и раньше являлся северным государством и оставался им после ухода кыргызов из Монголии в конце IX-X вв. Очевидно, древние кыргызы преследовали только одну цель - ликвидация угрозы с юга, т.е. разгром Уйгурского каганата, а не расширения и завоевания новых земель.

Не стремились они и утвердиться в Монголии, неизвестно когда покинув его, возвращаясь в свои родные края, к условиям которых они так привыкли, осваивая их с самых отдаленных времен.

В нач. X века в Центральной Азии на политическую арену начали выдвигаться кытай (кидани), народ монгольского происхождения. Их предводитель (его имя в китайской транскрипции выглядит как А-бао-чжи или Апаоки) овладел частью Северного Китая и в 917 г. принял китайский императорский титул, основав новую династию Ляо (Бартольд; 1927: 24). Кытай (кидани) никогда не владели всей Срединной империей (т.е. Китаем), "а только северной ее частью, тем не менее их имя, в разных пределах, употреблялось многими народами, от Монголии до Индии и до Западной Европы для обозначения древней культурной державы Дальнего Востока; отсюда же русское - Китай" (Там же).

По историческим сведениям, основатель династии Ляо завоевал некоторые культурные области Китая и в 924 году посетил развалины прежней уйгурской столицы на Орхоне. Он осмотрел камни с надписями бывших каганов Центральной Азии и сам поставил новый памятник (он не сохранился) (Там же). Представляется, что уже к 924 г. древние кыргызы в Монголии не обитали; во всяком случае, в сведениях о посещении кытаями прежней уйгурской столицы на Орхоне, кыргызы не упоминаются. Неизвестно когда, почему и по каким причинам ушли из Монголии древние кыргызы. В исторических (письменных) источниках об этом вообще не встречается каких-либо сведений. Завоевания новых территорий горно-степной Азии требовало, чтобы сохранять их в сфере своего влияния, переселения древних кыргызов с исконных и прижитых ими в течение длительного времени земель, а также, переноса центра государства на юг, в Монголию. Здесь, прежде всего, необходимо иметь ввиду более

многочисленную часть Кыргызского государства - оседло-земледельческую, к которым относились также и Кемские (Восточные) кыргызы, и горно-таежную.

В первое время они вроде переселялись в Монголию и другие районы горно-степной Азии. Им было непривычно приспосабливаться к новым условиям, а может, и к новому образу жизни. Поэтому, с течением времени они могли вновь возвращаться на север, тяготея к родным берегам Кема, в благодатную Минусинскую котловину. Только Алтайские (Западные) кыргызы-кочевники остались жить в Западном крае, расселившись в основном в Прииртышье и Восточном Казахстане. Это подтверждается и археологическими данными. В могильниках, расположенных там, кроме кимако-кыпчакских (погребения со шкурой коня), телесских (тогуз-огузских) (погребения в катакомбах) в большом количестве представлены захоронения Алтайских (Западных) кыргызов (погребения с конем) (Худяков; 1989: 36).

Это подтверждает, что кимаки также подверглись экспансии древних кыргызов, к которым, согласно историческим сведениям, после разгрома Уйгурского каганата бежали некоторые телесские (тогуз-огузские) племена. В результате, Алтайские (Западные) кыргызы заняли Прииртышье и Восточный Казахстан. Вместе с тем, очевидно, наряду с ними туда проникла какая-то часть Кемских (Восточных) кыргызов. В пользу этого могут говорить "очень близкие" Кемским кыргызам "как по обряду погребения (подкурганные трупосожжения на уровне древней поверхности), так и по предметам сопроводительного инвентаря" (Савинов; 1984: 94)

захоронения, открытые в Восточном Казахстане, в составе Зевакинского могильника на Иртыше (Арсланова; 1972: 94).

Вместе с тем, это были не совсем обычные Кемские (Восточные) кыргызы. Дело в том, что зевакинские погребения "отличаются и некоторым своеобразием: в них найдены кости лошадей, скорее всего относящиеся к сопроводительным захоронениям; керамика, отличная от (восточно - Э.у.К.) кыргызской; кроме того, своеобразный характер носит орнаментация поясных наборов..." (Савинов; 1984: 94). Погребения с трупосожжением Зевакинского могильника находятся на одном курганном поле с многочисленными западно-кыргызскими и другими захоронениями.

Очевидно, это были те из числа Кемских (Восточных) кыргызов, которые находились под сильным влиянием Алтайских (Западных) кыргызов и вместе с ними переселились в Восточный Казахстан и Прииртышье.

Археологические памятники Кемских кыргызов за пределами Алтая, Саян очень редки и, они носят походный характер, т.е. являются захоронениями воинов в условиях походной жизни. Так, в одном из единичных курганов Кемских кыргызов на Горном Алтае находились остатки сожжений нескольких человек (Там же: 92). Все погребения Кемских кыргызов на Горном Алтае-подкурганные, без каких-либо конструктивных элементов, напоминающих сооружения типа Чаатас (Там же: 93). На Западном Алтае погребения с трупосожжением открыты на могильнике Карболиха VIII. По мнению авторов раскопок, это было захоронение воина (Там же). В Восточном Туркестане памятники Кемских кыргызов пока не обнаружены.

Все это свидетельствует о том, что более многочисленная часть государства Хагяс - Кемские кыргызы и другие группы населения, не переселялись в Западный край, в Монголию. Другое дело Тува. Здесь исследовано наибольшее количество погребений по обряду трупосожжения. По данным Г.В.Длужневской, в Туве насчитывается около 290 погребальных и поминальных сооружений, ритуальных выкладок "меморативных" курганов, относящихся к IX-X вв. (Длужневская; 1982:126), что значительно превышает их количество как в метрополии Кемских кыргызов - Минусинской котловине, так и во всех остальных районах расселения в период Кыргызского Великодержавия (Савинов; 1984: 90-91).

Все это свидетельствует о том, что Кемские кыргызы в основном переселялись в Тувинскую котловину. Может быть в самом Кыргызском каганате были какие-то разлады, противоречия между Алтайскими кыргызами и остальной частью населения Хагяса. О существовании их могут служить данные об отделении и переселении на запад, в Среднюю Азию отдельных групп Алтайских кыргызов.

Где-то во II пол. IX века часть Алтайских кыргызов отделилась от прочих и поселилась в районах Центрального Тянь-Шаня (Эсен уулу Кылыч; 1993). По-видимому, в Худуд аль-аалам, в главе Слово об области тогуз-гузов и ее городах, где говорилось о некоторой части кыргызов, обитавшей на запад от тогуз-гузов (МИКК; 1973: 41), уже говорилось об отделившейся от прочих группы кыргызов, которая и обосновалась затем на Центральном Тянь-Шане. Впоследствии тянь-шаньские кыргызы, наряду с другими

племенами Центрального Тянь-Шаня, вошли в состав Караханидских тюрок (Эсен уулу Кылыч; 1993).

Еще раньше, в VIII веке, часть Алтайских кыргызов ушла на запад, в Среднюю Азию с карлуками (Там же). Они обосновались в долине Таласа, на Западном Тянь-Шане. Таким образом, к концу IX в. в древнекыргызском государстве алтайских (западных) кыргызов уже оставалось мало. Они, в основном, обитали на юго-западных пределах страны, в Прииртышье и Восточном Казахстане. На западе от них, уже в то время, усилились многочисленные кимако-кыпчакские племена. Они постоянно совершали набеги на близлежащую часть страны кыргызов, где обитали в основном Алтайские кыргызы (Там же).

Сведения о государстве Кыргыз содержатся в Худуд аль-аалам, анонимном сочинении X века, где есть специальная глава: Слово об области Кыргыз. Там говорится: "На востоке от нее - область Чина и море - Восточный океан, на юге от нее - пределы тогуз-огузов и частично халлугов, на западе от нее - пределы расселения кимаков и (на севере) - необитаемые страны севера. Окрестности этой области совершенно безлюдны, а необитаемые страны севера - (такое место), где люди из-за жестокой стужи совсем не могут находиться. В этой области добывают много мускуса и много мехов, белый тополь и дерево халадж и рог хуту, (который идет) на изготовление рукояток для ножей. Их правителя называют Хырхыз-Хаканом. И это люди, которые нравом своим напоминают диких зверей; лица (у них) грубые, волос мало, (они) несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям; со

всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют" (МИКК; 1973: 41).

Далее, там сообщается: "(основными статьями) их благосостояния являются хырхызские повозки (по В.Ф.Минорскому - кыргызские товары. - там же. прим.30), овцы, коровы и лошади. Они кочуют (в поисках) воды, сухой травы, (благоприятной) погоды и зеленых лугов. Они поклоняются огню и сжигают мертвых. Живут они в юртах и шатрах, занимаются охотой и ловлей" (Там же).

Выше указанные сведения Худуд аль-аалам, за редким исключением, относились к населению юго-западной части государства Кыргыз.

Также, в Худуд аль-аалам, в главе Слово об области Хырхыз, сообщается: "Фури - это название народа, также из Хырхызов; (они) поселяются к востоку от хырхызов и не смешиваются с прочими хырхызами. Едят людей и беспощадны, их языки другие хырхызы не понимают, они подобны диким зверям, и недалеко от них находится город, который называют Кемиджкет, там живет хырхыз-хакан. Кесим - название другого народа, также из хырхызов, (они) поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь ближе к халлукской, а по одежде они напоминают кимаков. И у всех этих разновидностей хырхызов нет, конечно, совсем ни деревень, ни городов, и все (они) селятся в шатрах, кроме того места, где живет хакан" (Там же: 41-42).

Более объективные сведения о древних кыргазах государства Кыргыз содержатся в Нузхат аль-муштак фиктирак аль-афак Аль-Идриси (XII в.). Там говорится: "Все города страны хирхиров (кыргызов) сосредоточены на одной

территории, протяженность которой составляет около трех мархала. Их четыре больших города, окруженных стенами и укреплениями и населенных ревностными, храбрыми и отважными людьми, которым особенно приходится опасаться действий государя кимаков, воинственного князя, почти всегда находящегося в состоянии войны со своими соседями"(Арабо-персидские источники о тюркских народах; 1973: 32-33).

Далее, у Аль-Идриси говорится: "В этой стране разводят много лошадей, быков и баранов. Лошади имеют очень короткие шеи и весьма упитаны. Их откармливают для того, чтобы употреблять в пищу. Что же касается быков, то их используют, обычно, для перевозки тяжестей. Женщины выполняют всякого рода работы, а мужчины должны заниматься только пахотой и жатвой. Женщины обладают ловкостью, силой и отвагой, как мужчины. Хирхир сжигают покойников и бросают пепел (в реку) Манхаз, т.е., которые живут слишком на большом расстоянии от этой реки, собирают их золу и развеивают прах по ветру" (Там же: 33).

О стране Хирхир (Кыргыз) также сообщается, что она "очень плодородная, посещаемая путешественниками. Эта страна многоводная. В ней разные реки, текущие со стороны границы Сина. Самая большая из этих рек которая называется Манхаз. Эта река многоводная и быстротекущая. Она течет по камням и ее воды редко текут спокойно, как это бывает в других реках. У них (хирхиров) на этой реке имеются мельницы, на которых они размалывают рис, пшеницу и другие злаки (превращая) их в муку, из которой готовят хлеб или же едят их в вареном виде без размола; этим они и

питаются. На берегах этой реки растет дерево алоэ. В ней водится рыба, под названием аш-шатрун, которая оказывает такое же воздействие на орган размножения, как ас-санкур, которая водится в Ниле, в Египте; говорят, эта рыба имеет мало костей, что мясо ее слоистое и не имеет запаха, присущего рыбе" (Там же: 54).

У Аль-Идриси приводятся названия выше указанных древнекыргызских городов, которые, по-видимому, располагались в юго-западной части государства, предположительно где-то в районах Прииртышья и Приалтайских областях. На карте Аль-Идриси они названы так: Хирхир (два раза), Хакан-хирхир и Даранд-хирхир.

О городе Хакан-хирхир Аль-Идриси сообщает: "Город, в котором проживает государь хирхиров, укрепленный, окруженный неприступными стенами, рвами и большим валом; вблизи этого города находится полуостров яхонтов, имеющий дорогу, связывающую его с материком"(Там же: 32).

Л.Гумилев полагал, что причиной ухода кыргызов из Монголии мог послужить природный фактор. По его мнению, "в X в. сменилась система повышенного увлажнения степной зоны. Влага, приносимая циклонами с Атлантического и муссонами - с Тихого океанов, стала изливаться на тайгу, а пустыня Гоби, расширившись на север и на юг, разделила противников. Уйгуры осели в Притяньшаньских оазисах, а кыргызы вернулись в Минусинскую котловину" (Там же: 33).

Таким образом, в начале X в. границы древнекыргызского государства сузились, тяготая к Танну-Ола и Прииртышью. На юге, в Монголии, уже господствовали кытай (хидани), народ, как полагают, монгольского происхождения. Память о

господство кыргызов в Монголии, как пишет В.В.Вартольд, = "сохранилась у монголов до сих пор, может быть именно потому, что кыргызы были последним, народом, жившим и господствовавшим в Монголии. Кыргызскими называются древние могилы на всем пространстве западной Монголии почти до Орхона, в том числе и те, которые в действительности принадлежат не кыргызам, а их предшественникам = уйгурам и другим. Рамстед упоминает о таких "кыргызских" могилах между Селенгой и Орхоном, близ памятников с надписью, где говорится о царствовании одного из уйгурских каганов VIII в. (Гумилев, 1994: 283).

Кыргызы, были последним тюркским народом, жившим и господствовавшим в Монголии. После их ухода оттуда ее заняли монгольские племена. "Поэтому-то монголы, = писал Л.Гумилев, встретившиеся только с одним этносом древней культуры = кыргызами, приписали им все сарматские, скифские и хуннские каменные курганы (корумы), назвав их "кыргызскими могилами" ("Кыргыз ур") (Вартольд 1927: 26). "Но реального смысла, = продолжал он, = это название не несло, являясь синонимом понятия "древние". Кое-что из элементов старинной культуры попало к монголам через полузабытые предания или заимствования у соседей, но хотя все люди имеют предков, не все получают от них наследство. Монгольские племена XI в. начали новую жизнь на пустом месте" (Гумилев, 1994: 283).

Государство Кыргыз состояло из ряда элей, различавшихся между собой и по происхождению, культуре и по языку, и по образу жизни. Как уже отмечалось, еще в XVII в. на Кеме (Енисее) наряду с кыргызами там обитали ряд других, как полагают отороченных племен, а также

самоедоязычные, кеттоязычные и угроязычные группы, входившие в состав элей независимых друг от друга кыргызских княжеств. В более отдаленные времена, в средние века, картина, конечно же, могла быть более пестрой, о чем уже говорилось в данной работе, и по всей вероятности, кыргызские княжества не всегда имели над собой централизованную власть, т.е. были объединены в одно государственное целое; т.е. государство Кыргыз нередко находилось в состоянии раздробленности, распадалось на отдельные части = княжества.

Когда же они были объединены, то кыргызское государство уже превращалось в сильного противника, способного нанести сокрушительный удар любому недругу. Что и произошло во время кыргызско-уйгурских войн (примерно 820-840 гг.), когда централизация власти, сплочение всех кыргызских княжеств против общего врага и позволило нанести поражение одному из могущественных держав восточной Азии того времени = Уйгурскому каганату, господствовавшему в Центральной Азии.

Объединенные силы кыргызского государства, представляли собой грозную силу, пугавшую соседние державы Центральной Азии, вызывая у них беспокойство. Но время вносило изменения в жизнь древних кыргызов. Свободолюбивые кыргызские княжества, их гордые и строгие эли не желали подчиниться другому, такому же элю, терпеть над собою власть кого-либо. А это приводило к кровопролитию, междоусобице, разрухе, в конечном счете к ослаблению и, что самое страшное = к упадку.

Вместе с тем, вероятно, были также и заговоры, случаи перехода власти в стране от одной группировки к другой, а также борьбе за власть.

Может, поэтому часть Алтайских кыргызов во II пол. IX века ушла на запад - в Среднюю Азию. Может поэтому, в конце IX-X вв. западные границы кыргызских владений были оттеснены государством кимако-кыпчаков на восток, в результате чего Кемские кыргызы отошли к Среднему Енисею, а Алтайские кыргызы - на север Джунгарии, к Черному Прииртышью, которые затем попали там под власть кимако-кыпчаков (Там же). Это, подтверждается, также, археологическими материалами, по которым территория расселения племен, входивших в государственное образование кимаков, охватывала, также, области западного и северного Алтая и прилегающие районы Западной Сибири в пределах распространения сротскинской культуры (Эсен уулу Кылыч; 1993).

К этому, очевидно, следует также отнести районы к северу от Джунгарии, в Черном Прииртышье. Потому, что там, как мы полагаем, в то время могли обитать Алтайские кыргызы (будем именовать их Прииртышскими), которые очевидно, входили в состав кимакских владений (Савинов; 1984: 114).

В 981-983 гг. посол Сунского императора Ван Яньдэ с официальной миссией посетил Турфанское княжество. Он оставил "Дорожник", краткий отчет о своем визите (Малявкин; 1983: 174). Это сочинение страдает и существенными недостатками, снижающими его значение при рассмотрении вопросов, связанных с политической историей этого региона. Так, в тексте «Дорожника» очень мало сведений, по которым можно составить представление о территории Турфанского княжества. Кроме этого, некоторые из них или не соответствуют действительности, или настолько нечетки, что могут создать ложное понятие о

территории и, следовательно, о значении этого княжества. На это обратил внимание еще В.В. Григорьев. "К западу от Гаочана, - писал он, - сам Яньдэ, как видно из "реляции", не ездил, и понятие его о странах, лежащих в этом направлении, были, естественно, весьма смутны. Положительного о западной границе владений Арслан-хана не мог он сказать ничего и поэтому, дважды упоминая об этом предмете, в одном случае отделался неясным отзывом, что шла она столь же далеко, как и пределы китайской власти при Танской династии, а в другом, что владения эти прилегали к Даши и Босы (арабские владения в Средней Азии и Персия), помещая последние не на запад, как бы следовало, а к юго-западу от гаочанских".

Особый интерес, представляет список племен, которые, по мнению Ван Яньдэ, находились под управлением Турфанского княжества. Вот что сообщается об этом в "дорожнике". "Под управлением государства Гаочан находились многочисленные племена: южные и северные туцзюэ, большие и малые чигили, ягма, кыргызы, барман, геты урунгу" (Там же: 177). Если попытаться представить территорию Турфанского княжества, то, по выражению А.Г. Малявкин, картина получится "абсолютно неправдоподобная, не соответствующая реальному положению в этих районах во время визита Ван Яньдэ" (Там же).

В это время на западе Турфанское княжество граничило с Караханидским каганатом. Чигили и ягма относились к числу тех из караханидских тюрок, которые играли ведущую роль в этом государстве. В Караханидском каганате было одна или две группы алтайских кыргызов (Эсен уулу Кылыч; 1993).

Кыргызы могли быть включены в число "многочисленных" племен, которые находились "под управлением государства Гаочан" в силу того, что часть караханидских тюрок могла проникнуть на земли, принадлежавшие прежде Турфанскому княжеству, вследствие чего они могли быть включены Ван Яньдэ в список племен, находившихся под управлением Гаочана. Исторические сведения подтверждают проникновение Караханидов на восток, через реку Или, и их нашествие, на Турфанское княжество.

Кстати, Махмуд Кашгарский в одном месте своего труда упоминает кыргызов рядом с чигилями, "как бы указывая на их соседство" (Караев; 1983: 85). Но это были караханидские тюрки и обитали в пределах государства Караханидов. Кроме того, обозначение Ван Яньдэ чигилей как большие, должно вроде указывать на то, что здесь имела в виду основная часть этого народа, который являлся чуть ли не самым многочисленным племенем Караханидского каганата. Поэтому, в упоминаниях Ван Яньдэ среди племен, находящихся под управлением Гаочана кыргызах, можно видеть тяньшаньскую группу алтайских кыргызов. Но они относились к числу караханидских тюрок, и обитали в землях этого государства. Ну, а упоминание среди племен, находящихся под управлением Гаочана и малых чигилей, может говорить о подчинении Гаочану всех чигилей, что может еще раз указывать на неверность сообщений Дорожника Ван Яньдэ.

Может быть, Ван Яньдэ записал в число племен, находившихся под управлением Гаочана чигилей, кыргызов, ягма вследствие того, что они обитали на землях, которые прежде, когда еще не были заняты Караханидским

каганатом, находились под управлением государства Гаочан. Поэтому, поселившиеся там тюрки-кыргызы, чигили, ягма могли оказаться в списке племен, находившихся под управлением Гаочана.

Кстати, согласно этому Дорожнику, племена, фигурирующие в этом списке, называются многочисленными. Между тем, на карте Махмуда Кашгарского имеется надпись — «Многочисленные люди из тюрок», которая относится к области, расположенной к югу от безымянной горы (Вестник АН Каз. ССР, №11(164). А-Ата, 1958, с.96). По-видимому, здесь имелся в виду южный Алтай. О наличии среди многочисленных людей из тюрок Прииртышских кыргызов может говорить и сообщение Махмуда Кашгари, который упоминает кыргызов, также, среди северных племен.

Кыргызы в Монгольский период

В Сборнике летописей (нач. XIV в.) Ранид ад-Дина, в главе о Племени Кыргыз, сообщается: "Кыргыз и Кем-Кэмджнут две области, смежные друг с другом; обе они составляют одно владение (мамлакат). Кэм-Кэмджнут — большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов (Могулистан) и одна (ее) граница — с рекой Селенгой, где сидят племена тайджнутов; одна сторона соприкасается с (бассейном) большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджнута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байгут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местностях Баргуджин-токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений, и кочевники многочисленны. Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя, — инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью — иди. Государь ее был ... (пропуск). Название другой области — Иди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал" (Ранид ад-дин; 1952:150).

Согласно этим сведениям, область Кэм-Кэмджнут (Кем-Кемчик) очевидно, происходит по названию реки Кем-Кемчик, текущей в западной Туве), охватывала территорию от восточного Алтая на западе, до хребта Таниу-Она на юге и до реки Селенги на юго-востоке и до бассейна реки Ангара на северо-востоке. На севере, вероятно, граница этой области проходила по Саянскому хребту. Область Кыргыз, очевидно,

охватывала территорию от северного Алтая, Минусинскую котловину и, возможно, горно-таежные районы Кузнецкого Ала-Тау и Восточных Саян.

В общем, в Монгольский период, как и в эпоху Тан, до Кыргызского Великодержавия, территория расселения как самих древних кыргызов, так и подвластных им племен была примерно одинакова (Эсен уулу Кылыч; 1993). Несмотря на то, что эти две области (Кыргыз и Кэм-Кэмджнут) «составляют одно владение (мамлакат)», вероятно, в это время в Хагесе (стране кыргызов) царила раздробленность.

Область Кыргыз была населена Алтайскими и Висейскими кыргызами. В Юань Ши (История династии Юань) (так называлась у китайцев династия, основанная монголами) (конец XIV века) сообщается: "От территории (населенной цзинцзисы) (кыргызами) на юг до Великой столицы (Пекина) более двухсот тысяч ли (ли = 576 м). По преданию, в этой местности первоначально — но жили племена найманов. С приходом к власти династии Юань этот народ (цзинцзисы) разделили и создали девять тысяч дворов. Длина их владений 1400 ли, а ширина составляет половину этого. Река Цзянь-хэ (Река Цзянь-хэ-Кем — Верхний Висей) как раз протекает через центр их владений, течет на северо-запад. Кроме того, на юго-западе есть река под названием Апу (Река Абакан), на северо-востоке река Юсюй (неизвестная река). У всех этих рек бесчисленное количество притоков. Все они собираются в Цзянь и стекают в реки Анхэла (Река Ангара), а на севере впадают в море" (Кычанов; 1963: 59).

Это говорит о том, что в этих сведениях имелась в виду какая-то группа кыргызов, обитавшая в районе верхнего Висея, в Тувинской котловине. Это подтверждается еще и

тем, что "длина их владений 1.400 ли, а ширина составляет половину этого. Река Цянь-хэ (Река Цянь-хэ = Кем - Верхний Енисей) как раз протекает через центр их владений и течет на северо-запад. Кроме того, на юго-западе есть река, под названием Абу (Река Абакан), на северо-востоке река Юсюй (Неизвестная река). У всех этих рек бесчисленное количество притоков. Все они собираются в Цянь-хэ и стекают в реки Анкэла (Река Ангара), а на севере впадают в море" (Там же). Владения кыргызов не могли всего лишь охватывать территорию Тувы, которая, кстати, примерно может быть равна 1.400 ли в длину, а в ширину половину этого, если исходить из того, что ли равнялось в это время 576 м.

Также, это опровергается и данными Сборника летописей Рашид ад-Дина, согласно которому страна кыргызов состояла из двух больших областей: Кыргыз и Кем-Кемджиут, которые составляли «одно владение (мамлакат)». Область Кыргыз охватывала северный Алтай и Минусинскую котловину, с прилегающими к ней горно-таежными районами. Кем-Кемджиут же охватывала территорию от Восточного Алтая до Селенги и до бассейна Ангары.

Выше указанная в Юань-Ши группа кыргызов, несомненно, обитала в области Кем-Кемджиут Рашид ад-Дина и могла представлять собой лишь часть кыргызских племен Южной Сибири. О том, что в вышеприведенном отрывке из Юань-Ши говорилось об отдельной группе кыргызов, обитавших в Туве, говорит и то, что их было всего лишь 9.000 дворов, или из их числа "разделили и создали девять тысяч дворов", которая, кстати, была половиной всех кыргызов Тувы.

По-видимому, вышеприведенные сведения Юань-Ши должно было понимать следующим образом: "По преданию,

в этой местности (т.е. в Тувинской котловине, Верхний Енисей) первоначально жили племена найманов. С приходом к власти династии Юань этот народ (найманов? не исключено, что здесь могли иметься в виду Тувинские найманы, которых могли разделить и создать 9.000 дворов. -Э.у.К.) разделили и создали девять тысяч дворов (т.е. от тувинских кыргызов разделили и создали 9.000 дворов). Длина их владений (или Тувинских найманов или кыргызов) 1.400 ли, а ширина составляла половину этого. Река Цянь-хэ (Река Цянь-хэ=Кем- Верхний Енисей) как раз протекает через центр их владений, течет на северо-запад. Кроме того, на юго-западе есть река под названием Абу (Река Абакан), на северо-востоке река Юсюй (Неизвестная река). У всех этих рек бесчисленное количество притоков. Все они собираются в Цянь и стекают в реки Анкэла (Река Ангара), а на севере впадают в море".

Может быть, что в Юань-Ши, в этой части, говорилось о некоей группе кыргызов, переселенных монголами в Туву, на Верхний Енисей, туда, где до них могли обитать найманы. У Рашид ад-Дина, в Сборнике летописей, есть сообщение о том, что "ранее эпохи Чингиз-хана государями у найманов были Наркыш-Таян и Эният-каан. Когда они разбили племя кыргызов, Эният-каан не предстал перед своим старшим братом, Наркыш-Таяном, и не поднес ему подарков" (Рашид ад-дин; 1952: 135-136).

Мы уже отмечали о том, что в этом сообщении Сборника летописей могло иметься, также, в виду страна кыргызов или ее часть. Ведь Рашид ад-Дин вообще именует кыргызов и их страну, как Племя Кыргыз (Там же: 150). Племена найманов могли нанести поражение кыргызам Южной Сибири или ее части и осесть в Тувинской котловине, на Верхнем Енисее, в области Кем-Кемджиут Рашид ад-Дина, к югу от которой,

ниже Танну Олы в Северо-западной Монголии находились их родные кочевья. О близости области Кем-Кемджиут к местам расселения найманов говорит и то, что когда в 1199 году найманы были разбиты Чингиз-ханом и его тогдашним союзником Ван-ханом керайтским, то они бежали именно в Кем-Кемджиут.

И еще, не исключено, даже может быть и вероятно, что в вышеуказанном отрывке Юань-Ши говорилось о тувинских кыргызах, обитавших здесь по крайней мере с периода Кыргызского Великодержавия (IX-X вв.). Их могли покорить найманы "ранее эпохи Чингиз-хана", когда государями у них были Наркыш-Таян и Эният-каан, и поселиться там.

Далее, в Юань-Ши говорится: "Обычаи у цзилицзисы отличаются от обычаев всех других владений. Их язык похож на язык уйгур. Живут цзилицзисы в хижинах и юртах. Занимаются скотоводством и кочуют в зависимости от наличия воды и пастбищ. Имеют значительные сведения об обработке земли. Как выпадает снег, верхом на деревянных конях (т.е. лыжах) выезжают на охоту. В их землях есть породистые лошади, а также белые и черные охотничьи соколы» (Кычанов; 1963: 60).

Далее, в Юань-Ши говорится: "Ангарцы (т.е. племена, которые проживают по берегам Ангары) получили свое имя от реки и находятся в вассальной зависимости от цзилицзисы. От занимаемой ими территории до Великой столицы 25 тыс. ли. Их язык сильно отличается от языка цзилицзисы. Там длинные дни и короткие ночи. Когда солнце заходит, то жарят бараньи бока, и (они) готовы, когда на востоке появится снег. Именно там находится описанное Тан Шу государство Гуливо" (Там же: 59-60).

Также, в Юань-Ши говорится: "(Народ) усы также получил свое имя от названия реки (Река Ус, правый приток Верхнего Енисея) и проживает к востоку от цзилицзисы, к северу от реки Цяньхэ. По существующему у них обычаю каждый год в первой декаде 6-го месяца убивают белую лошадь, быка и барана, разбрызгивают кумыс; все (усы) оmyваются в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию, оттуда вышел их родоначальник. Ханьхэна. Говорят, что (это слово) похоже на название мешка из холста, у которого рот маленький, а "живот" большой. Форма такого мешка походит на рельеф местности, в которой живут ханьхэна. Поэтому их и называли так.

Живут на востоке от Усы, у истоков реки Цянь-хэ. В их владениях есть только два горных прохода, через которые можно проникнуть к ним или уйти с их территории. Страна их гориста, с множеством рек, покрыта густыми лесами и изобилует опасными и труднодоступными местами. Там очень много дичи, а у них (ханьхэна) мало домашнего скота.

Все ханьхэна делают хижины и юрты из коры березы, а поклажу грузят на белых оленей. Пьют оленьё молоко. Собирают и едят плоды сосны (кедровые орехи), корни *lilium concolor* и *Paeonia albifera*. В зимние месяцы также на деревянных конях (т.е. лыжах) выезжают на охоту.

Цяньчжоу. Эта местность также получила свое название от имени реки (от реки Кем (Kamciut). От Великой столицы она находится на расстоянии 9000 ли, к юго-востоку от цзилицзисы и к юго-западу от реки Цянь-хэ, к северу от хребта Танмулин (Танну Ола?). В этой местности живет несколько тысяч семей, главным образом монголов и уйгур. Есть несколько ремесленных мастерских, поскольку при основании династии были переселены туда китайцы.

Земли Цяньчжоу плодородны и годны для земледелия. Летом сеют и осенью хлеба вызревают, не требуя тщательной прополки и взрыхления почвы. Некоторые говорят, что эта местность первоначально была местом жительства Ван-хана (Из племени кереит).

Илань - название змеи. Некогда на горе, расположенной на границе округа, жил человек. Однажды он увидел гигантскую змею длиною в несколько десятков шагов, которая выползла из своего логова и пила воду в реке. Дурная слава об этом месте распространилась на много ли, поэтому так и называли этот округ" (Кычанов; 1963: 60-61).

Удивительно, но все вышеупомянутые группы населения жили на территории, соответствующей области Кем-Кемджиут Рашид ад-Дина. Ангарцы жили у бассейна Ангары или по берегам этой реки. Усы, очевидно, получили свое название от реки по имени Ус, правого притока Верхнего Енисея, и проживали по его берегам или где-то рядом, т.е. "к востоку от цзилицзисы (Тувинских кыргызов), к северу от реки Цянь-хэ (Верхнего Енисея)". Ханьхэна "живут на восток от Усы, у истоков реки Цяньхэ (Верхнего Енисея)". Цяньчжоу (Кем-Кемчик), очевидно, получила свое название от реки Кем-Кемчик, левого притока Верхнего Енисея и располагалась "к юго-востоку от цзилицзисы и к юго-западу от реки Цянь-хэ (Верхний Енисей), к северу от хребта Танмулин (очевидно, Танну Ола)", т.е. в юго-западной части Тувинской котловины.

Но ведь все эти земли входили в область Кем-Кемджиут Рашид ад-Дина. Далее же, в Юань-Ши говорится: "В 1269 г. правителем цзилицзисы (очевидно, Тувинских кыргызов), ханьхэна, местностей Цяньчжоу и Ииланьчжоу был назначен Лю Хао-ли. Именно в это время здесь были созданы склады и

зернохранилища, устроены почтовые станции и учреждены управления. До этого, по обычаям нескольких местных племен, чашки и всю прочую домашнюю посуду делали из дерева. У дерева выдавливали ствол и изготавливали корыта, в которых держали воду. Не умели плавить металлы, чтобы изготовить сельскохозяйственные орудия. Обо всем хорошем они (местные народы) узнали от правящей династии Юань. Тогда-то и были посланы ремесленники, которые обучили население этих двух местностей гончарному делу, плавке металлов, изготовлению лодок. Все это помогало местным жителям" (Там же: 60-61).

В 1123 году китайский отшельник Чан-чунь, находясь в местности, недалеко от этой области или побывав там, или говорил понаслышке, что там "добывается доброе железо и водится много белок; там также сеют пшеницу; китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй" (Бартольд; 1963: 505). Также, он говорил, что там "есть город, построенный по поручению монголов уйгуром-христианином Чингаем, и в нем хлебные амбары" (Бартольд; 1927: 30).

Земли, относящиеся к территории области Кем-Кемджиут, Рашид ад-Дина, и их население с испокон веков исторически находились в сфере влияния древних кыргызов, в их вассальной зависимости и входили в страну кыргызов (Хагяс). Поэтому, из всего этого может следовать, что результатом монгольского нашествия и их завоеваний у кыргызов, вероятно, явилось отторжение у них земель, исконно находившихся в их вассальной зависимости, т.е. области Кем-Кемджиут.

Согласно биографии Халабадулу в 1293 г., обращаясь к нему, император Ши-цзу (Хубилай) сказал: "Древние земли Найяне называются Ашлаху (точное местонахождение неизвестно) и доставляют рыбу. Сейчас я в тех землях построил город и поселил там три племени: юаньсухань, ханасы и цзилицзисы (кыргызов). Этот город был назван Чжаочжоу. Ты отправляйся туда и займи пост сюань вэйшн". Как только Халабадулу прибыл туда, он определил города и поселения, обеспечил спокойную жизнь народа. Однажды он добыл девять рыб весом в тысячу цзинь (1 цзинь - 596 г.) и прислал их в подарок (ко двору)" (Кычанов; 1963: 61).

Из этих сведений видно, что вышеуказанные три племени, в том числе и цзилицзисы (кыргызы), по-видимому, были поселены в упомянутом выше построенном городе, и которые, может быть, должны были налаживать там городскую жизнь. Кыргызы эти могли быть из числа оседло-земледельческих енисейских кыргызов. Однако не исключено, что здесь могли иметься в виду те самые 9000 семей из числа Тувинских кыргызов, которых и могли поселить там монголы, для налаживания и поднятия оседло-земледельческого хозяйства, в продуктах которого они так нуждались.

Хотя сведений о переселениях кыргызов куда-либо и кем-либо довольно мало, среди причин, способствовавших этому могли быть и стремления разрядить кыргызскую массу. В Юань Ши содержатся сведения о переселениях отдельных групп кыргызов в разные районы Монголии и на Хангайское нагорье, возможно, с целью налаживания там оседло-земледельческого хозяйства. Так, в 1295 году кыргызов, "проживавших в горах Цинь Шань переселили в Шандунь и дали им поля, быков и семена" (Кычанов; 1963: 62).

В 1289 году "проинспектировали семьи кыргызов, живущих в Халин (Хэлин-Каракорум) и оказали помощь бедным семьям" (Там же). По-видимому, монголы переселяли кыргызов из числа их земледельцев, ремесленников, кузнецов и т.д., вероятно, с целью поднятия или налаживания земледельческого хозяйства, в продуктах которого они нуждались. "Монголы, - пишет В.В.Бартольд, - еще при Чингиз-хане содействовали насаждению в этих местностях земледельческой культуры" (Бартольд; 1927: 30). Из-за военных действий привоз хлеба и продуктов земледелия из Китая, вероятно, был затруднен или вообще прекращен, поэтому монголы могли стремиться решить эту проблему у себя.

У монголов на службе, судя по Юань Ши, была целая кыргызская армия. В 1289 году "из Хэлинь была отправлена расквартированная там армия цзиэрцисы (кыргызов)" (Кычанов; 1963: 62). Таким образом, к началу монгольского времени Хагяс представлял собой раздробленную страну, состоящую неизвестно из скольких самостоятельных частей - княжеств, во главе которых стоял свой правитель, по-видимому, с титулом инал.

В.В.Бартольд считал, что "у некоторых турецких народов так (т.е. инал) назывался наследник престола; во всяком случае титул "инал" был ниже титула "каган". Если у кыргызов в то время титул инал имел такое же значение (что вполне возможно), то следует полагать о развернувшейся или происходившей в Хагясе в конце XII века борьбе за власть между отдельными кыргызскими правителями - князьями, принявшими титулы инал - наследник престола. Это, в свою очередь, может говорить о существовании перед всем этим в

Хагясе (стране кыргызов) единого правления в лице хана или кагана.

Согласно Сборнику летописей Рашид ад-Дина, кыргызы выразили покорность Чингиз-хану в результате дипломатических переговоров: "В этом же упомянутом году зайца (1207 г.) Чингиз-хан отправил к кыргызским эмирам и начальникам (хаким) двух послов, имя одного из них Алтан, а другого Бура. Сначала они прибыли в область, название которой Еди-Орун, а тамошнего эмира называли Урус-инал. Оба эти эмира оказали полный почет упомянутым послам и, послав вместе с ними своих послов, имя одного из которых Илик-Тимур, а другого - Аткирах, отправили обратно с белым соколом и подчинились Чингиз-хану" 554. (Рашид ад-дин; 1952: 150-151).

В Юань-чао-би-ши (Сокровенное сказание) (сер. XIII в.) говорится, что в том же 1207 году (соответствующему году зайца) "Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-ойратами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим Тумен-Ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханасов и Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Кыргызам. Тогда к Чжочи явились кыргызские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белым кречетом - шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдин, Байт, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги. Взял он с собою кыргызских нойонов - темников и тысячников, а также

нойонов Лесных народов и, представив Чингиз-хану, велел бить государю челом своим и белыми кречетами да белыми же меринами, да белыми же соболями. Зато, что Ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности, вместе со своими Ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его, Инальчи, царевну Чечейген. Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата - Торельчи, а царевну Алаха-беки отдал в замужество к Онгудцам. Милостиво обратясь к Чжочи, Чингиз-хан соизволил сказать." "Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую тебе их в подданство". И повелел так" (Козин; 1941: 174-175).

Из этих сведений видно, что вышеперечисленные народы добровольно подчинились Чингиз-хану. Вместе с тем следует отметить, что ко времени подхода Джучи к Тумен-кыргызам, очевидно, его войска представляли собой большую силу, поскольку, надо полагать, в войска Джучи, вероятно, вливались военные силы подчинившихся ему племен и народов. Особо следует отметить Тумен-Ойратов. Выражение Тумен-Ойраты, несомненно, говорит о большой численности этих племен.

Тумен (тьма) - крупнейшая единица в войсках древнетюркских и монгольских народов, которая, в свою очередь, состоит из более мелких единиц: тысяч, сотен, десятков. Таким образом, ойраты, очевидно, имели несколько тумен (десятков тысяч) строевого войска, которые, или часть их несомненно придали Джучи большую силу.

Большую силу имели и кыргызы. Судя по тексту, они именуются Тумен-Кыргызам, что говорит о большой численности этих племен. Это подтверждается еще и тем, что

Джучи, возвращаясь обратно в Монголию, "взял... с собою Кыргызских нойонов и темников и тысячников..." (Там же). Причем, в числе перечисленных в этих сведениях племен и народов, подчинившихся Джучи, тумены отмечаются только у ойратов и кыргызов.

И еще, если у Ойратов был единый правитель Худухабеки, который "прежде всего явился с выражением покорности... со своими Тумен-Ойратами" (Козин; 1941: 174), то после того, как Джучи "подступил к Тумен-Кыргызам" к нему "явились Кыргызские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами - шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями" (Там же).

Из этого следует, что кыргызских княжеств, вероятно, было четыре и тумены, о которых говорится в этих сведениях, очевидно, принадлежали не к объединенным силам Хагяса, а отдельным его княжествам. Вместе с тем, можно полагать, что Джучи мог подчинить других кыргызов, которые могли обитать в лесных районах и относились к числу Лесных народов, против которых и вышел в поход Джучи. В результате дипломатических переговоров Чингиз-хану могли покориться другие кыргызы Хагяса (страны кыргызов). Предположение о том, что поход Джучи имел действительно военный характер, но с целью силового покорения так называемых Лесных народов, может подтверждаться и тем, что после его возвращения Чингиз-хан "милостиво обратясь к Чжочи... соизволил сказать: "Ты старший из моих сыновей. Не успел выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство. И повелел так" (Козин; 1941: Там же). Вполне возможно, что в результате этого похода

Джучи могли подчиниться кыргызы, обитавшие в лесах Хагяса и относились к числу Лесных народов севера.

Поэтому, можно полагать, что княжества Хагяса покорились монголам добровольно, как в результате дипломатических переговоров, так и под военным давлением, что еще раз свидетельствует о разобщенности кыргызских княжеств Хагяса, отсутствии у них единого взгляда, политики в отношении монголов.

Таким образом, в подданство Джучи могла войти, по крайней мере, часть Хагяса (страны кыргызов). В этой связи интересно то, что "память о Джучи хане сохранилась и у тяньшаньских кыргызов" (Бартольд; 1927: 31). Речь идет о легенде, бытовавшей у среднеазиатских кыргызов в недавнем прошлом и "слышанной Радловым" (Там же).

Согласно ей, "у кыргыз не было хана; поэтому они попросили великого хана (т.е. Чингиз-хана) дать им в ханы своего сына, Джучи; Джучи был маленьким мальчиком, попал по дороге в стадо куланов (диких ослов) и был уведен ими. "Аксак (хромой) - кулан Джучи-хан" был первым и последним ханом кыргызов. Упоминание в связи с именем Джучи является, может быть, отголоском давно забытых турецких стихов, в которых будто бы выражал свое горе Чингиз-хан после смерти своего сына Джучи: "Подобно кулану, потерявшему своего детеныша (во время преследования охотниками), я разлучен со своим детенышем; подобно рассеявшейся стае уток, я разлучен со своим мужественным сыном".

Вполне возможно, что это предание связано по своему происхождению с вышеуказанными событиями, происходившими в начале XIII века на севере от Монголии, в частности, в Южной Сибири, где обитали Алтайские (кара)

кыргызы. В этой связи, конечно же, был прав В.В.Бартольд, считавший, что "предание о Джучи является, может быть, единственным следом пребывания их (т.е. среднеазиатских кыргызов -Э.у.К.) некогда на Енисее, о котором они не сохранили никаких воспоминаний"(Там же).

Среднеазиатские (кара) кыргызы не были знакомы с Енисеем, поскольку они обитали в западной части Хагяса (страны кыргызов), на севере Алтая, возможно, в лесных районах. Поэтому не исключено, что именно среднеазиатские (кара) кыргызы подчинились Джучи, в 1207 году, в результате его похода против Лесных народов.

В сочинении начала XV века Мукаддима-йи Зафар-нама, Шараф ад- Дина Али Езди говорится, что после покорения государства Тангут Чингиз-хан совершил поход против кыргызов. "Кыргызские князья вынуждены были выразить покорность только после кровопролитного сражения, когда убедились, что их силы явно недостаточны для отражения агрессии монголов" (Мокеев; 1991: 56).

В Сборнике летописей Рашид ад-Дина, также сообщается: "В год дракона, начинающийся с месяца раджаба 604 г.х. (январь - февраль 1208 года), когда Чингиз-хан вернулся после завоевания областей Тангут и кыргызов, и эмиры этих областей ему подчинились, - он расположился в своих жилищах (ханака)" (Рашид ад-дин; 1952: 151).

Из этих сведений можно полагать, что вскоре все таки произошло столкновение между монголами и кыргызами. Причина этого неизвестна. Неизвестно также, были ли это кыргызские княжества или какая-то часть Хагяса.

В Сборнике летописей содержатся еще сведения о столкновениях монголов с кыргызами. Так, "в год барса (1218), когда восстало одно из племен тумат, сидевшее в Баргуджин-

Токуме и Байдуке, для его покорения (монголы) из-за того, что оно было поблизости от кыргызов, потребовали от кыргызов войско (чарик), те не дали и восстали. Чингиз-хан послал к ним своего сына Джучи с войском. Карлун был их (кыргызов) предводитель, у монголов эмир, по имени Нока, отправился в передовом отряде; он обратил в бегство кыргызов и вернулся назад от восьмой реки. Когда подошел Джучи, лед уже сковал реку Кем-Кемджиут. Он прошел по льду и, подчинив кыргызов, вернулся назад" (Рашид ад-дин; 1952: 151).

Может быть, речь шла тут о тувинских кыргызах. Хотя Джучи, идя по льду Кем-Кемчика, мог выйти на Енисей и пройдя дальше, проникнуть в Минусинскую котловину, где обитали енисейские кыргызы. Однако вряд ли во всех этих событиях кыргызские княжества выступали сообща. Скорее всего это были разрозненные выступления кыргызов Хагяса, действовавших разобщенно, отдельно, или при поддержке или союзе с другим кыргызским или некыргызским княжеством.

К сожалению, раздробленность Хагяса, сложные взаимоотношения между кыргызскими княжествами, неорганизованные действия против объединенного под единой властью Чингиз-хана и его руководством монголов и подчиненных им племен и родов и привело к подчинению Хагяса их государству. Есть в этом и причина географического фактора. Север Алтая и Минусинская котловина лежат далеко на севере, разделенные от Центральной Азии рядом гор и хребтов, труднопроходимых. Хотя часть енисейских кыргызов и жила в Туве, тем не менее сфера влияния Хагяса была ограничена его традиционными рамками: на юге до хребта Танну-Ола, на востоке до Байкала,

на северо-востоке до Ангары. Кроме того, насколько известно из исторических сведений, еще с древних времен с юга в Минусу и север Алтая был чуть ли не единственный путь, который лежал в Когмоне (Сайлюгемский и прилегающая к нему часть Саянского хребта); это так называемый южный путь в страну кыргызов с юга, с Центральной Азии.

В зимнее время на Средний Енисей можно было легко попасть, идя по льду Енисея, который приводил завоевателей прямо в центр владений енисейских кыргызов. Минусинский край с запада окружен горами, с севера - ограничен таежными пространствами, а с востока - водораздельными хребтами, с которых в сторону Минусинского края направляются правые притоки Енисея - Туба с Амылом, Казыром, Кизиром, Сыда, Сисим и много других, менее значительных; в другую же сторону, на восток и север - Бирюса, Кан, Мана. На юг от Минусинского края "распространяется обширный Урянхайский край, замкнутый хребтами Саян и Танну Ола и пересекаемый пополам, как и Минусинский край, Енисеем - Улуг Кем, который и представлял искони соединительное звено между этими двумя областями. Но в Саянских хребтах Енисей представляет почти неустранимые препятствия для водного сообщения. Сплав также пересекался в старое т.н. Большим порогом, через который и теперь проходят лишь скрепленные и связанные плоты особого устройства. Поэтому беспрепятственное сообщение Енисей давал лишь по льду, когда морозы сковывали Большой порог и другие опасные места (Дедушкин, Джайский, Маинский и др. пороги). Такое благоприятное для сообщения время редко превышает три месяца в году. Поэтому уже в глубокой древности сообщение по Енисею должно было дополняться другими путями.

Главнейшим таким историческим путем является т.н. Арбатская или Кемчикская выючная тропа, описываемая в одном документе начала XVII в. так: "с Обакану через Камень, по реке Чеган-Мохе и через реку и на Кемчик ходу шесть дней". В более раннем документе упоминается русское название Чехан-Махана - Частые броды; другая река - Кантери, т.е. Кантегир. И в настоящее время Чехан известен своими десятками бродов. Этим путем ходили русские послы к Алтын-хану в XVIII веке и им же старый Алтын-хан и его сын Лочжан с военными силами появлялись в земле кыргызов в пределах нынешнего Минусинского уезда. Очевидно, по нему же шло и торговое движение" (Козьмин; без вых. данн.: 2).

По-видимому, это и есть тот самый южный путь в страну кыргызов из Монголии, через Когмон, описываемый в Зайн аль-Акбар Гардизи. Н.Н. Кузьмин также отмечает, что "таким же старым, но менее известным, является нынешняя Усинская выючная тропа, начинающаяся долиной р. Кебежа, притока Ои, впадающей справа в Енисей и пересекающая хребты Кулумыс, Ойские, Казырсуковский, Арадам и Мирской. Этой тропой, несомненно, ходил "за Камень" для розыска бежавших ясачных сын боярский Иван Злобин в 1704 г. Вероятно, охотники пользовались и тропами по Шадату и Амылу, но едва ли по ним могло идти значительное торговое движение, тем более, что ими соединяются районы охотничьих племен" (Там же).

"По Енисею, в пределах нынешнего Минусинского уезда, - пишет Н.Н. Кузьмин, - расположен ряд развалин крепостей (т.н. Логинова осада, выше д. Саянской, городище около Шуши, на Куне, Оглахте и др.). Эти крепости, очевидно, должны были остораживать и замыкать путь по Енисею,

доступный в зимнее время для массового передвижения" (Там же: 2-3).

Поэтому, завоеватели с юга часто пользовались зимним временем для покорения енисейских кыргызов, поскольку, идя по льду Енисея, они легко оказывались в Минусинской котловине. Кстати, то, что в 710-711 гг. восточные тюрки, совершая поход против кыргызов, не прошли по удобному и легкому пути по льду Енисея, а совершили трудный и долгий переход по горам Когмона, может также свидетельствовать о том, что они ходили войной против алтайских кыргызов-теле, обитавших тогда на севере Алтая.

Согласно Мукаддима, Шараф ад-Дина Али Йезди, в 615 г.х., соответствующему году зайца двенадцатилетнего цикла (1219 г.), Чингиз-хан стал готовиться к походу на Хорезм. Когда он прибыл в северную часть Семиречья, к нему присоединились со своими отрядами правитель Каялыка Арслан-хан и правитель Алмалыка Сыгнак-тегин, а также уйгурский идикут Баурчик из Бешбалыка (Бартольд: 1963: 141).

Далее, в Мукаддима говорится: "однако войско кыргызов оказало противодействие и отказалось участвовать в походе (монголов в Хорезм). Чингиз-хан отправил против кыргызов огромное войско.

Маснави: Шахзаде Джучи, - сказал Шах, -
Отправляйся с войском против кыргызов,
Покоренной сделай эту страну,
Уничтожай злосчастных мятежников!
Джучи-оглан по приказу выступил,
За ним последовало огромное войско,
Река Кыргыз была покрыта льдом,
Шах переправился через ледяной покров.

Затем Джучи это владение (кыргызов) обнаружил в лесах и большую часть кыргызов уничтожил, а их правителя Урасута покорил. После этого Джучи возвратился оттуда и присоединился к Чингиз-хану (Мокеев; 1991: 57).

Из этих сведений может следовать, что поход монгольских войск был направлен против одного из кыргызских княжеств (владений), которые жили, судя по данным Мукаддима, где-то в лесах. Неизвестно также, что понималось под рекой Кыргыз, через которую, вернее через ледяной покров этой реки "переправился" Джучи. Всего вероятнее, что под рекою Кыргыз здесь следует видеть реку Обь или один из его притоков, Бию или Катунь (Там же).

Под рекою Кыргыз можно видеть верховье Оби, за которой обитали алтайские кыргызы. По всей вероятности, поход Джучи был направлен против алтайских кыргызов, которые обитали к западу от енисейских кыргызов, предположительно в верховьях Оби и близлежащих районах Абаканского хребта и гор (Кузнецкого) Ала Тау. Кстати, Кузнецкий Ала Тау это лишь условное обозначение гор, которые на самом деле именуются как Ала-Тау, Ала-Тоо, что еще раз может свидетельствовать о проживании там в свое время Прииртышских кыргызов. Горы, среди которых живут кыргызы в Средней Азии, также именуются Ала-Тоо. Прииртышские кыргызы -кочевники перемещались на различные земли в зависимости от тех или иных событий, а при появлении врага они укочевывали; практика, широко применявшаяся Прииртышскими кыргызами и хорошо известная по историческим сведениям, во многом способствовала выживанию и сохранению этнического содержания этого народа.

В 1289 году полководец Хубилай Тутух "разграбил район Алтайских гор и захватил более 3000 семей, принадлежавших Хайду. На обратном пути он посетил Хэлинь (Каракорум). Здесь он получил приказ овладеть кыргызами (цзилицисы). В 1291 (92 г.?) г. весной войска встали лагерем у реки Цяньхэ (т.е. реки Кем-Енисей), по льду шли несколько дней и только тогда дошли до границ их владений. (Армия Тутуха) полностью овладела всем народом пяти их (кыргызских) племен и (монголы) разместили (в их владениях) войска, чтобы охранять их (т.е. оккупировали область)... Хайду, получив известие о захвате кыргызов, послал (им на выручку) на реку Цяньхэ (Енисей) войска. Тутуха снова разбил их и взял в плен полководца Хайду Болоча" (Кычанов; 1963: 64).

Войска Тутуха шли по льду Енисея и через несколько дней дошли до Саян, которые и являлись границей расселения кыргызов, за которой уже лежала Минусинская котловина, где обитали енисейские кыргызы. По ее центру протекает Енисей. По-видимому, Тутух завоевал именно енисейских кыргызов и, может быть, этот поход был направлен именно против них. Ведь не случайно монголы пошли в поход в то время года, когда Енисей был окован льдом, поскольку эта "дорога" была чуть ли не единственной, а может, и единственной в пределы енисейских кыргызов. В летнее время, вероятно, необходимо было туда идти через известный с древности южный путь в Хагяс, пролежавший в Когмоне.

Вполне возможно, что енисейские кыргызы в то время состояли из пяти княжеств. Так, в конце XVI и XVII вв. енисейские кыргызы были « в политическом отношении раздроблены и делились по крайней мере на ряд улусов и княжеств...» (Потапов; 1952 : 48). Поэтому, сообщение Юань

Ши, что армия Тутуха "полностью овладела всем народом пяти их племен", могло означать, что монголы завоевали весь народ енисейских кыргызов, которые могли состоять из пяти княжеств.

Енисейские кыргызы в значительной степени занимались земледелием, в продуктах которого монголы так нуждались. "Вероятно, Монголия в то время, когда хлеб вследствие военных событий, не мог привозиться из Китая, нуждалась в подвозе хлеба из плодородного Минусинского края" (Бартольд; 1927: 30). Добровольно, очевидно, кыргызы не отдавали продукты земледелия, поэтому Хубилай-хан мог отдать приказ об их покорении. Ведь не случайно монголы, покорив енисейских кыргызов, "разместили (в их владениях) войска, чтобы охранять их (т.е. оккупировали область)... Хайду, получив известие о захвате кыргызов, послал (им на выручку) на реку Цяньхэ (Енисей) войска. Тутуха снова разбил их и взял в плен полководца Хайду Болоча" (Кычанов; 1963: 64).

Очевидно, до этого енисейские кыргызы входили в улус хана Хайду и Хайду мог получать от них продукты земледелия. Ведь не случайно, когда он узнал о покорении кыргызов войсками Хубилай-хана, то послал им на выручку войска. Следующее известие о Хагясе встречается лишь в XVI-XVII вв. Как писал В.В.Бартольд, - "енисейские кыргызы в то время не составляли одного государства" (Бартольд; 1963: 520).

Страна кыргызов в XVI-XVII вв.

В конце XVI-XVII вв. Хагяс "в политическом отношении" был раздроблен и делился "по крайней мере на ряд улусов и княжеств..." (Потапов; 1952: 48). Во второй половине XVII века Хагяс состоял уже из четырех княжеств: Алтысарского, Алтырского, Тубинского и Езерского. Кроме собственно енисейских кыргызов, а также других тюркоязычных племен в Хагясе жили и кеттоязычные и самоедоязычные группы населения (Там же).

Согласно русским источникам второй половины XVII века, в конце XVII века в бассейне Абакана, от верховья его до реки Уйбата включительно, находился Алтырский улус с центром на реке Нине, правом притоке Уйбата. Господствующее население его составляли кыргызы (частично и телеуты). Данниками (кыштымами) этого улуса были сагаи, западные иркиты, бельтиры, саяны и точжи. По обеим рекам Июсам, около Божьего озера, частично по Чулыму и в бассейне правого притока Енисея - Сисима был Алтысарский улус. Ядро его составляли кыргызы, частью тюркоязычные каш (качинцы), саха (или соккы) и аргын, около которых жили разноплеменные кыштымы, именуемые в документах: ачи, тинцы, басагары, шусты, комлары, кызылы, аринцы, ястынцы и др. На правой стороне южного Енисея простирался большой Тубинский улус с центром на реке Упсе или Тубе, охватывавший бассейны рек Сыды, Тубы, Ои и степь между Енисеем и правобережьем Абакана. Господствующим населением здесь были тубинцы, "видимо, южносамоедского происхождения, далекие потомки Дубо

китайских летописей (Танской династии). Они скрещивались и смешивались путем браков с тюркоязычными кыргызами (частично и качинцами), которые во второй половине XVII в., несомненно, жили на территории, освоенной населением этого улуса, и здесь они издавна сходились с тубинцами" (Там же: 50-51). "В процессе скрещивания тубинцев, их кыштымов и кыргызов победителем вышел тюркский язык. Кыштымами же князей Тубинского улуса, состоявших в брачном родстве с княжескими семьями кыргызов, источники называют камасинцев, богоджы, мингатов, байкотовцев, кайдынцев, иркитов, иногда качинцев и некоторые группы тюркоязычных шорцев, обитавших по рекам Кондоме и Мрассе" (Там же; 51).

Езерский улус (он же иногда называется в документах Керетским) простирался по левобережью Енисея от реки Абакана на север, "примерно до Батеневского хребта и, следовательно, находился посреди остальных кыргызских княжеств. Господствующей группой племен здесь также были кыргызы" (Там же).

Хагяс (страна кыргызов) находился с конца XVI в. периодически в зависимости то от Алтын-хана, то от джунгарских (ойратских) Кан-тайши. Население кыргызских княжеств Хагяса (включая и рядовых кочевников-кыргызов) и их данников - кыштымов платило натуральные поборы как кыргызской, так и монгольской феодальной верхушке. С появлением русских на Оби часть кыргызов, как и население по реке Чулыму, вошла в русское подданство и вносила ясак.

Кыргызские князья "далеко не все согласились на переход в русское подданство; напротив, как видно из документов 1609 года, часть их в этом году напала на сборщиков ясака и совершила набеги на чулымское ясачное население" (Там же:

51-52). С этого времени начинаются систематические набеги и разбой кыргызских князей, направленных против русского и ясачного населения, которые продолжаются в течение всего XVII века.

Основным хозяйственным занятием кыргызов Хагяса в это время было кочевое скотоводство. Жили они в переносных войлочных жилищах. Они не занимались и земледелием, которое было известно многим их кыштымам (сагайцам, аринам, качинцам, шорцам и т.д.). Русские казаки в начале XVII в., дали краткую, но выразительную характеристику их культуры и быта: "страна их кочевая, живут здесь в избах полстяных, а ходят в шубах и зипунах. А едят рыбу и зверя быют. А бой у Киргиз лучной. Лошадей и коров много, а хлеба не сеют". В отличие от своих кыштымов, кыргызы не занимались охотой на пушного зверя. Они разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот и даже верблюдов. Скот был также для них средством натурального обмена. Его обменивали на различные железные изделия и, прежде всего, на военные доспехи и оружие (куяки, железные шапки, копья, стрелы и т.п.) и утварь (котлы), сбрую (удила, стремена, пряжки и т.п.), которые выделяли в большом количестве, например, шорцы или енисейские остяки, жившие ниже Красноярска. "Видимо, на скот, как и на пушнину, покупались кыргызами различные ткани, которые им привозили бухарские торговцы. Скот, в частности, верховая лошадь, являлся главным средством передвижения. По религиозным воззрениям кыргызское население было шаманистами" (Потапов; 1952: 48).

В Хагясе (стране кыргызов) между кыргызскими княжествами часто происходили распри; многочисленные набеги сопровождались гибелью населения, утоном скота,

грабежом, насилием и захватом пленных, которых превращали затем в рабов, а потом продавали их или отдавали за выкуп (ясырь). Численность населения Хагяса в позднее Средневековье была катастрофически малой.

Во главе каждого княжества находился знатный феодал или князь, передававший свою политическую власть на зависимое от него население и право распоряжения кочевьями по наследству. После смерти князя, его владение и народ дробились между улусами наследовавших ему сыновей. Кыргызские княжества в племенном отношении состояли как из однородного, так и разноплеменного и разноязычного населения кыштымов.

Собственно кыргызское население делилось, по представлению русских исторических документов, на простых "улусных людей" или "кыргызских мужиков" и на "лутчих людей" и кыргызских князей, составлявших кыргызскую знать. Она имела не только своих "улусных мужиков", но и кыштымы. Вся кыргызская знать представляла собой богатых скотовладельцев и вела свое хозяйство трудом зависимого прикрепленного к ним населения, которое она облагала различными натуральными повинностями. Рядовые кыргызы-скотоводы и их кыштымы "были настоящими крепостными кыргызских феодалов, причем кыштымами были целые роды и племена. Даже в XVII веке, когда все эти кыштымы уже были русскими подданными, кыргызские князья продолжали распоряжаться ими, уводили насильно ясачное население в свои пастбища" (Там же: 54).

В русских исторических документах содержатся некоторые данные об административном аппарате кыргызов. Упоминаются судьи-ажо или яргучи, ясаулы, казначеи и сборщики дани. Одной из основных обязанностей

кыргызских кыштымов была добыча ценного пушного зверя, особенно соболей и бобров. Из-за перехода зависимых от кыргызов племен и родов в русское подданство, кыргызские князья начинают упорную борьбу с русскими, которая длилась в течение всего XVII века. В ней, кыргызские князья объединились между собой и вступили в тесный контакт с различными западно-монгольскими феодалами, также заинтересованными в устранении растущего русского влияния.

В первой половине XVII века на территории Южной Сибири, Тувы и Западной Монголии видную роль играло государство Алтын-хана, с которым русское государство обменивалось многими посольствами. В начале 80-х годов государство Алтын-хана прекращает свое существование в результате нового вмешательства в междоусобную борьбу западно-монгольских князей.

Со второй половины XVII века ряд западно-монгольских (чоросских) князей (Хара-хула, его сын Батур и внук Галдан) предпринимают попытку создания общемонгольского государства. В этот период западные монголы известны чаще всего под именем джунгар. Наибольших успехов в этом отношении добился Галдан, объявивший себя хан-тайши. При наследнике его Цэван-Рабтане Джунгария достигла большого могущества, длившегося до падения ее в борьбе с Китаем в 1755-56 гг.

В 20-х годах XVIII века кыргызские князья заключают соглашение с Алтын-ханом, признав свою зависимость от него и обязавшись вносить ему албан. В 20-х годах и половине 30-х годов того же века кыргызы нападают на русские и ясачные селения Томского, Красноярского и Кузнецкого уездов, жгут их, грабят население, бесчинствуют. С принятием

Алтын-ханом русского подданства кыргызские князья переходят под покровительство первого джунгарского хан-тайши Баатура. Однако, ввиду занятости Баатура борьбой со среднеазиатскими ханами, кыргызские князья не получают от джунгарского хан-тайши реальной помощи. Среди кыргызских князей Хагяса возникают объединительные тенденции. Воплотителем их явился в 50-х годах Алтысарский князь Ишей.

В эти годы кыргызские князья подвергаются военным действиям со стороны Алтын-хана, за то, что они отпали от него и вступили в подданство его врагов. После пленения Алтын-хана западно-монгольским князем Сенгой, кыргызские князья окончательно переходят в зависимость от джунгаров и развивают активную вооруженную борьбу против русского государства. В это время среди кыргызских князей выделяется своей энергией и активностью сын Ишея - Иренак, который в течение двадцати лет жег, грабил русские и ясачные селения в Кузнецком, Томском, Ачинском, Красноярском, Енисейском и Нижне-удинском районах.

Кыргызские князья "вполне осознавали, что у них не хватит собственных сил, чтобы отнять у Русского государства Южную Сибирь. Поэтому они предполагали "развоевав Красноярский и Енисейский уезды, отъехать в Калмаки и на киргизской земле не жити". Князь Иренак, опираясь на помощь джунгарских ханов, посылавших отряды калмыков и джунгаров, начинает осуществлять с 70-х годов первую часть этого плана и совершает многочисленные набеги на ряд русских уездов, населенных русским и ясачным населением. Это вызывает ряд ответных мер со стороны Московского правительства. Оно укрепляет русские города и остроги в Южной Сибири, посылает военные отряды для отпора

нападениям кыргызов; неоднократно отправляет послов к Иренаку, для переговоров о прекращении набегов. Превосходство военных сил русских вскоре становится внушительным и очевидным.

Джунгарские ханы, поглощенные центрально-азиатскими делами и борьбой с маньчжурами и Китаем, не проявляют желания осложнять свои отношения с Россией и борьба кыргызских князей с Русским государством, не поддержанная реальными достаточными силами джунгарских ханов, затихает к концу XVII в. В этих условиях принимается решение об осуществлении второй части плана, намеченного кыргызскими князьями во главе с Иренаком еще около середины 60-х годов. В помощь кыргызским князьям для осуществления этой операции джунгарский хан послал три больших отряда калмыков под начальством зайсанов. В 1703 году енисейские кыргызы были уведены в Джунгарию. Они двигались из долины Абакана через вершину Матура в сторону Мрассу. Они перекочевывали вместе со своими семьями, скербом и скотом. Колонны их растягивались на 25-30 км. (Бутанаев; 1989: 74).

Во время передвижения по территории Казахстана часть кыргызов подверглась нападению со стороны казахов. Многие женщины и дети попали в плен. Угнанные кыргызы спустя некоторое время группами возвращались на родину. Многие не смогли добраться до родных земель и рассеялись среди казахов Среднего Жуза, алтайцев, телеутов и тувинцев. Переселенные в Джунгарию кыргызы, в дальнейшем стали называться калмак-кыргызами. Часть их попала в Поволжье и вошла в состав калмыков, ногайцев, астраханских татар, башкир. Некоторая часть енисейских кыргызов осталась в Джунгарии. Потомки их до сих пор живут по р. Эмиль в

Эмель-Гольском Монгольском автономном районе уезда Дурбулжэн Синьцзяна (Чимитдоржиев; 1978: 138).

Таким образом, в 1703 году Хагяс почти опустел. Кыргызы, населявшие его с древности, покинули свою страну. Оставшиеся там кыргызы вошли в состав местных племен, известных под общим названием Хоорай, а в дальнейшем - в состав современной хакасской народности (Бутанаев; 1983: 68-72).

Население Среднего Енисея получило у русских название абаканских и минусинских татар. До Октябрьской революции они не имели общего самоназвания и представляли собой ряд племенных и территориальных групп населения, на основе которых к началу XX века сформировалась хакасская народность. В 20-х годах XX века по предложению местной интеллигенции, обратившейся к историческим известиям, народность абаканских и минусинских татар было предложено назвать хакасской.

Так, закончилась история кыргызов, обитавших на Среднем Енисее, пришедших туда в далекие, глубокие и темные времена седой древности.

Кыргызы в древнейший период.

Этногенез древних кыргызов

Сведения о древних кыргызах, интересующего нас периода, как правило содержатся в описании событий, связанных с политической историей кочевой империи Хунну, возникшей в конце III в. до н.э. к северу от границ Древнего Китая, в Великой степи. Информация, содержащаяся там очень скудна, фрагментарна, а порой и противоречива, что крайне затрудняет исследование ранней этнической истории древних кыргызов. Археологические источники, антропологические данные, а также этнографические материалы, имеющиеся в распоряжении современного Кыргызоведения относятся к более поздним периодам истории древних кыргызов.

Во времена гуннов, господствовавших в восточной части Великой степи, кыргызы населяли западные пределы Хуннской державы. Официальная китайская историография относит их к так называемым народам Западного края, обитавшим к западу от Срединной империи, как именовали китайцы свое государство.

Если ученые не археологи полагают, в силу известных причин, что древние кыргызы всегда жили в Южной Сибири, с древнейших времен, то археологи, как правило, считают их выходцами из других районов Азии, и их труды, всецело направлены на изучение процесса переселения кыргызов на так называемый «Енисей» (под которым обычно подразумевают земли, расположенные на север от западного

Саянского хребта), и историю смешения пришлых кыргызов с местным населением и образования так называемых «енисейских» кыргызов. Большое внимание в трудах исследователей уделяется также изучению материальной и духовной культуры, хозяйства, быта, политической истории.

По мнению Н.А.Аристов, древние кыргызы, упоминаемые в китайских источниках как Гэгунь и Гяньгунь, жили в Южной Сибири, к западу от урянхайцев и к северу от Тану-Ола. Причиной подобной локализации земель древних кыргызов в конце III и сер. I вв. до н.э. послужило то, что в Средние века, когда в эпоху Тан появились более подробные сведения о кыргызах, они жили там. Также, он исходил из транскрипции Гэгунь и Гяньгунь как «Кем-кем» или «Кем-кемчик». Н.А.Аристов рассматривая данные Тан-Шу (История династии Тан) и тюркские надписи в целом, локализовывал земли кыргызов в правильном направлении. Неправильно он определял Кёгмён. Полагая, что Гэгунь и Гянь-гунь означают Кем-кем и Кем-Кемчик, ему казалось, что кыргызы жили там всегда, по крайней мере во время первого упоминания их в китайских источниках.

Предположения о том, что китайские Гегунь и Гяньгунь должны содержать в себе название реки Кем и Кемчик, сыграли большую роль в деле локализации кыргызов эпохи Хань на так называемом «Енисее», в котором, как правило видят земли на север от западно-Саянского хребта. Так В.В.Бартольд писал: «Как сами китайцы, так и европейские ученые сближают эту транскрипцию (т.е. Гегунь.-Э.у.К.) с другими, употреблявшимися для передачи слова «Кыргыз», так что известие о событии 201 г. до нашей эры должно быть

признано первым по времени известием о кыргызах. Старались объяснить эту транскрипцию также иначе: в первом слоге, являющемся, как мы сейчас увидим, впоследствии в форме «Гянь», видели передачу названия реки Кем, во втором - передачу названия реки - Орхон, и поэтому полагали, что китайцы называли так область между Енисеем и Орхоном. Енисей, действительно носил у турецких народов всегда название Кем, но китайцы передавали это слово другим иероглифом, не тем, которым передавалась первая часть названия «Кыргыз». Вторая часть, действительно, передавалась тем же иероглифом, как впоследствии название реки Орхон, так что можно думать, что и в названии киргизского народа китайцы слышали в конце носовой звук».

В целом, причиной локализации В.В.Бартольдом гегуней (кыргызов) конца III в. до н.э. на «Енисее» послужили следующие обстоятельства. Как известно, данные Ши-Цзи (Исторические записки) ничего не говорят об области Гегунь и не дают никаких данных о ее местоположении, что и отмечает В.В.Бартольд. Вместе с тем, он писал: «но вместе с киргизами, очевидно, в качестве их соседей назван, между прочим народ Динлин (Ting Ling), в котором видят предков так называемых «енисейских остяков». На этом основании, он предположил, что кыргызы, уже тогда, как и впоследствии жили на Енисее.

Действительно, в эпоху Тан кыргызы жили в Южной Сибири, за Западными Саянами. Об этом свидетельствуют данные Танской хроники (Тан Шу), где по заключению В.В.Бартольда «впервые географически точно указывается, где жили киргизы, и какие пути соединяли их страну с другими; ...». Кроме этого, из источников известно, что в

Танское время, примерно в 648 году, когда огьяневший на пиру правитель страны кыргызов, приехавший вместе с посольством в Китай, «изъявил желание держать держать Хубань (т.е. быть вассалом), кыргызское государство было вновь обозначено китайцами, как и в эпоху Хань (202 г. до н.э.-25 г. н.э.) и Вэй (220-265 гг.н.э.) областью Гяньгунь. Кыргызы жили в Южной Сибири, за западными Саянами, по обеим берегам реки Улуг Кем и позже, и в монгольское и послемонгольское время, вплоть до начала XVIII века.

Согласно истории династии Тан (Тан Шу), где впервые дается богатая информация о стране кыргызов и его населении, значительная часть населения страны была европеоидной (имела рыжие волосы, голубые глаза и светлую кожу) и вела оседло-земледельческий образ жизни. Все это давало основания считать, что кыргызы являлись древними насельниками этих краев и жили там с испокон веков.

С именем В.В.Бартольда связано становление Кыргызоведения как науки, у истоков которого он стоял, заложив ее основы. Концепция кыргызской истории, главным образом, в древней ее части, нашла дальнейшее развитие в трудах последующих ученых. Несколько по иному выглядит точка зрения С.В.Киселева, согласно которому родину древних кыргызов следует искать в районе оз. Кыргыз-нор, в северо-западной Монголии. По его мнению, «было бы неправильно считать, что гяньгуни издавна обитали, наряду с динлинами на Енисее. Это опровергается, прежде всего, той областью их распространения, которая дана в Истории Старших Хань».

Исследование С.В.Киселева в этом направлении были продолжены Л.Р.Кызласовым. Он считал установленным, что

динлины, упоминавшиеся наряду с гегунями (кыргызами) в рассказе, о событиях протекавших в конце III в. до н.э. «проживали как раз на территории Хакасско-Минусинской котловины и прежде всего могут быть отождествлены с «тагарцами». Упомянутые рядом с динлинами гегунь или в другой транскрипции, гянгунь, связываются с позднейшими хакасами VI-X вв. «Владение Гегунь или Гянгунь, впервые упоминающееся в связи с событиями 201 г. до н.э. размещалось в районе оз. Кыргыз-нор в северо-западной Монголии».

И далее, он продолжает: «К сожалению, из-за археологической неизученности северо-западной Монголии, раннегянгуньские памятники до сих пор не выявлены». В конце III в. до н.э. вместе с гуннами, впервые появляются в Хакасско-Минусинской котловине котловины тюркоязычные гянгунь, с их во многом центрально-азиатской культурой», основанной на скотоводческом хозяйстве.

Рассмотрев данные Цянь Хань Шу (Истории Старших Хань) о событиях, относящихся к сер. I до н.э. Л.А.Боровкова высказала свои следующие соображения. По ее словам, «очевидно, что 7000 ли от далекой ставки шаньюев и в 5000 ли к северу на запад от Чэши не согласуется и с указанием о соседстве Цзянькунь на юге с Усунь, а на западе с Канцзюй». Поэтому, она исходя из хода событий, содержащихся в этом источнике, а также опираясь на более или менее известные объекты рассматриваемого региона, высказала предположение, согласно которому «земли трех племен», имеются ввиду Уге, Гянгунь и Динлин могли находиться к северу от восточных земель Усунь, «кончавшихся по линии Карашар-Манас, и следовательно, к западу от пустыни Дзосотын-Элисун. Возможно, хребет Боро-хоро и был

естественной границей, разделявшей земли Усунь и трех племен. Ставка Чжи-чжи в землях цзянькуней отстояла от усуньских владений явно не так уж далеко, о чем свидетельствует тот факт, что Чжи-чжи всего за несколько лет предпринял несколько походов в их пределы. ...».

По мнению Ю.С.Худякова земли древних гянгуней «должны были располагаться в Тарбагатае или Монгольском Алтае». «Поиски археологических памятников гянгуней в этих районах пока не проводились». В этих же районах они «продолжали обитать» и в III в. н.э.

Известия исторических (письменных) источников о древних кыргызах были подвергнуты тщательному анализу и всестороннему исследованию Эсен уулу Кылычем которым, для этой цели были привлечены также новые, дополнительные материалы, которые способствовали уточнению локализации древних кыргызов как в Древности, так и в Раннем Средневековье. Например, материалы о «Белых горах», данные карт Западного края при дин. Старшей Хань, при дин. Младшей Хань; при дин. Суй; выдержки из письма Ли Лина; уникальное известие Вэй-Люэ о том, что часть северной ветки Великого Шелкового пути проходила к западу от владений гянгуней. В результате этих работ было показано, что начиная с эпохи Хань вплоть до VI в. н.э. древние кыргызы жили в районах Джунгарии и Восточного Пригяньшанья.

Такого же взгляда придерживается Л.Б.Боровкова. В настоящее время в пользу этой гипотезы склонился Ю.С.Худяков.

Кыргызы могли переселиться в междуречье Абакана и Енисея, видимо, или в конце II в. н.э. или в III в. н.э., поскольку динлины, еще во II веке н.э. обитали, очевидно, на Енисее. В Гань-му, в событиях, относящихся примерно к 156 г. н.э., повествуется, что правитель сяньби Тань-шихай "имел многочисленную конницу. Все старейшины на востоке и западе поддались ему. Посему он на юге грабил пограничные места, на севере остановил Динлинов, на востоке отразил Фууюй, на западе поразил Усунь и овладел всеми землями, бывшими под державою Хуннов, от востока к западу на 14.000 ли, со всеми горами, реками и солеными озерами" (Иакинф; 1851: 169).

В 61 г. до н.э. "в связи с тем, что в течение последних трех лет динлины совершали набеги на сюнну (хуннов), во время которых убили и захватили в плен несколько тысяч человек и угнали лошадей, сюнну отправили против них более 10 тыс. всадников, но ничего не добились" (Таскин; 1968: 30). Еще раньше, в Цянь Хань Шу (История Старших Хань) в событиях, относящихся примерно к 75 г. до н.э., сообщается, что Динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, Ухуаньцы вступили в земли их с востока, Усуньцы с запада" (Иакинф; 1851: 168). В Хоу Хань Шу (История Младших Хань) под 85 г. н.э. повествуется, что "южные поколения напали на них (т.е. хуннов) с лица; динлины произвели набеги с тыла (т.е. с севера), сяньбийцы ударили с восточной, владения Западного края с западной стороны" (Кызласов; 1960: 193).

Как видим, древние кыргызы не упоминаются на Енисее ни в конце III в. до н.э., ни в сер. I в. до н.э., ни в 72 г. до н.э., ни в 61 г. до н.э., ни в 85 г. н.э., ни в 156 г. н.э. Еще В.В.Бартольд, в отношении упоминаемых в Истории

Младших Хань динлинов, писал, что они "иногда упоминаются там, где мы скорее ожидали встретить их южных соседей (кыргызов)" (Бартольд; 1963: 478). Но динлины, в ходе последующих важных исторических событий, протекавших в Центральной Азии, уже не упоминаются. Местонахождение динлинов в конце III в. до н.э. по данным Ши Цзи (Исторические записки) Сыма Цяня неопределенно, как и расположение гегуней (кыргызов) (Иакинф; 1851: 17).

Правда, Иакинф примечает, что "Хуннское поколение Динлин занимало земли от Енисея, на востоке до Байкала, по левую сторону Ангара" (Там же: прим. 2). Такая локализация динлинов очень интересна. Ведь в Тан Шу, как уже говорилось в данной работе, повествовалось о смешении кыргызов с динлинами, и которое, могло относиться к населению правобережной части Енисея, и далее на восток. Именно через эти земли и проходил путь китайского посольства в ставку Хагяса.

Мы уже выше говорили о том, что правобережная часть Енисея, горнотаежные племена этого края в меньшей мере подвергались чужеземному влиянию с запада, чем левобережная часть населения Минусинской котловины. Поэтому, там, во время прохождения по их землям китайского посольства действительно могло преобладать белокурое население, среди которых мог быть незначительным черноволосый и кареглазый элемент.

Упоминаемые в Цянь Хань Шу (История Старших Хань) в событиях, относящихся примерно к сер. I в. до н.э. динлины были покорены где-то на севере или северо-востоке от гяньгуней (кыргызов) (Там же: 76-77). Гяньгуни (кыргызы) в это время могли располагаться где-то на северо-востоке от

Средней Азии. Примечательно, что после того, как Чжичжи шаньюй обосновался от "Шаньюевой орды на запад на 7000 ли, от Чэши на север 5000 ли", Иакинф примечает, что "в обоих местах должно разуместь на северо-запад" (Иакинф; 1851: 76-77, прим. 2). Под "Шаньюевой" ордой "разумеется ханское стойбище у Хангайских гор" (Там же: прим. 1). Таким образом, если исходить из вышеуказанных данных о местонахождении ставки шаньюя Чжичжи, то она могла располагаться в районах Прииртышья, Западного Алтая или где-то рядом (Эсен уулу Кытыч; 1993).

Еще А.Н.Бернштам писал, что "как бы ни были неправильны направления стран света в китайских источниках, но цзянькунь (гяньгунь) не могут по этим данным попасть на Енисей, и локализовывать их следует на севере от Джунгарских гор, к западу от западного Алтая, где-то в районе Прибалхашья, скорее всего северного. Дальнейшее описание его (т.е. Чжи-чжи шаньюя) походов на динлин не дает данных для уточнения локализации цзянькунь (гяньгунь), ибо динлинами назывались вообще северные племена, но, таким образом, племена древних кыргызов для данного времени попадают в районы, тяготеющие к Тянь Шаню и его отрогам, а не к хребтам Саяно-Алтайского горного узла или к горам Танну-Ола и Хангая" (Бернштам; 1941: 49). В другой своей работе А.Н. Бернштам называет упоминаемых в Цянь Хань Шу гяньгуней кыргызами Семиречья (Бернштам; 1951: 78). Он писал: "Из Восточного Туркестана Чжи-чжи пошел войной против усуней, разбил их на Тянь Шане; от них пошел на север и разбил племена уге, к западу от них - племена гяньгунь, а затем, по предложению Кангюй (примерно в 47 г. до н.э.) провел большой поход против усуней, врезавшись в

качестве своеобразного буфера по р. Талас между ними и Кангюй. В верховьях Таласа была ставка Чжи-чжи шаньюя, и здесь он был разбит китайским полководцем Чэньтанем и Ганьяньшоу" (Там же: 109).

А.Н.Бернштам пишет: "Для того, чтобы исчерпать сведения об этническом составе Семиречья в этот период, следует еще отметить племена уге, жившие к северу от усуней, видимо, на Тарбагатае, и западную ветвь гяньгунь-кыргызов поблизости от них. Севернее Балхаша китайцы называют племена динлин, термин, как известно, собирательного характера, особенно для этой эпохи" (Там же: 108).

Согласно китайской карте Западного края при династии Хань (Цянь Хань) Земли Угье (Уцзье), Чэши (Чэши), Эянь (Эву) расположены на восточном Тянь-Шане или его отрогах, на востоке от Усунь. Западная граница хунну (сюнну) расположена от Земель Угье (Уцзье), Чэши (Чэши), Эянь (Эву) на северо-восток (тяготея к северу). На юго-запад от Западной границы хунну (сюнну), примерно к северу от Угье (Уцзье), Чэши (Чэши) и Эянь (Эву) отмечено местопребывание пяти шаньюев: "Хугье (Хуцзье), Чэли, Уги (Уцзи), Сянь-чжень и Чжи-чжи неоднократно жили здесь".

Исходя из этого, можно полагать, что местоположение объектов на карте относилось ко времени раньше 49 г. до н.э. Далее, Кангюй (Канцзюй) отмечено на северо-запад от местопребывания пяти шаньюев. Там, где отмечена Западная граница хуннов, хребтов нет, зато расположена река, тянущаяся в направлении северо-запад — юго-восток. Причем, к северо-востоку от местопребывания пяти шаньюев посреди реки расположен остров, и русло реки в этом месте

представляет собой как бы два рукава, окаймляющие это место.

К северо-востоку и к северо-западу от Земель Угье (Уцзие), Чэшы (Чэши) и Эянь (Эву) расположены хребты. Однако они с востока, севера и запада окаймлены какой-то рекой. Местоположение Усунь напоминает местность, в долине Или (судя по карте), ибо там четко показано место впадения двух рек в одно русло (вероятно Или), которое течет на северо-запад и север, впадая в озеро (очевидно Балхаш). К северо-востоку от последнего расположены хребты, которые, возможно, связаны с хребтом, находящимся к северу от государства Кангюй (Канцзюй). К юго-востоку от Усунь расположены горы, вероятно, главный хребет Тянь Шаня. Переднее государство Чэшы (Чэши) расположено между двумя хребтами, с севера и с юга окаймляющими его. Южный хребет тянется на северо-запад, а северный — на север и соединяется с главным хребтом Тянь Шаня. Западное государство Чэшы (Чэши) расположено на востоке от Земель Угье (Уцзие), Чэшы (Чэши) и Эянь (Эву). Причем расстояние между ними равно, примерно полутора расстоянию от Усунь до Земель Угье (Уцзие), Чэшы (Чэши) и Эянь (Эву). Расстояние от Усунь до Кангюй (Канцзюй) равно, примерно, расстоянию от Усунь до Земель Угье (Уцзие), Чэшы (Чэши) и Эянь (Эву). Расстояние от последних до местопребывания пяти шаньюев равно расстоянию от первых до Усунь. Расстояние от Кангюй (Канцзюй) до местопребывания пяти шаньюев равно, примерно, расстоянию от последнего до Западной границы хунну (сюнну).

К северо-западу от озера (Балхаш) отмечены земли пяти малых ванов Кангюй (Канцзюй). Граница между Кангюй (Канцзюй) и Ферганой (Да-юань) расположена где-то у

хребтов Западного Тянь Шаня. К юго-востоку, от границы между Кангюй (Канцзюй) и Ферганой (Да-юань) обитало Западное поколение Усунь. На востоке от границы между Кангюй (Канцзюй) и Ферганой (Да-юань) и на северо-востоке (ближе к востоку) от Западного поколения Усунь располагалось государство Усунь "управление (столица) в городе Чигу". На юго-востоке от государства Усунь расположен хребет, за которым стоит озеро (вероятно Иссык-Куль). Причем хребты Тянь Шаня окаймляли озеро с южной стороны.

Правильно указан Памир (Цунтин) (Луковый хребет), который тянулся далеко на юго-западе от Западного государства Чэшы (Чэши). К юго-западу (тяготая к югу) от Переднего государства Чэшы (Чэши), за хребтом, расположенным к югу от него отмечено место, где написано: "Если от Двора переднего вана Чэшы, следуя рекою Бохэ у горы Бэйшань, ехать на запад в Сулэ, это северная дорога". (В дальнейшем это будем условно называть как "место"). Расстояние от Переднего Чэшы (Чэши) до "места" равно, примерно, половине расстояния от местопребывания усуней до Земель Угье (Уцзие), Чэшы (Чэши) и Эянь (Эву).

Ворота Юймыньгуань расположены к юго-востоку от "места". Расстояние между ними равно расстоянию от Переднего Чэшы (Чэши). Государство Яньки (Яньци) отмечено за главным хребтом Тянь Шаня, примерно на юго-восток от местоположения усуней и к югу от Земель Угье (Уцзие), Чэшы (Чэши) и Эянь (Эву). К югу от государства Яньки (Яньци), за рекой, протекающей к югу от него, оканчивается хребет, тянувшийся на северо-запад, к югу от Переднего Чэшы (Чэши). Расстояние от местоположения усуней до государства Яньки (Яньци) равно, примерно,

расстоянию от последнего до Переднего государства Чэшы (Чэши). Государство Янъци расположено, примерно, на северо-западе (тяготея к западу) от Переднего государства Чэшы (Чэши).

Государство Сулэ (Шулэ) расположено по южную сторону хребта Тянь Шаня, на юго-восток (тяготея к югу) от Западного поколения Усуней. Расстояние между ними примерно равно расстоянию от местоположения усуней до Западного поколения Усунь.

Река "Бохэ у горы Бэй Шань", видимо, в ней можно видеть реку, текущую с гор Тянь Шань и тянущуюся вдоль Сулэ (Шулэ) далее на северо-восток, затем сворачивающую на юго-восток и оканчивающейся на северо-западе от "места" и к северу от Переднего государства Чэшы (Чэши), за хребтом, расположенным на западе от Переднего Чэшы (Чэши), "в направлении северо-запада. Расстояние от окончания реки до Переднего государства Чэшы (Чэши) равно, примерно, расстоянию от последнего до "места". Тьхянь Шань (Тянь Шань — Небесные горы) или Цилян-Шань (горы Цилян) отмечены рядом с Задним государством Чэшы (Чэши), к востоку. Область Дуньхуан расположена на восток от Ворот Юймыньгуань. Расстояние между ними равно, примерно, половине расстояния от последнего до "места".

Вероятно, расположение объектов на данной карте Западного края относилось к периоду до 49 г. до н.э., когда в степи произошли изменения в расселении племен, в частности у гянгуней (кыргызов), которые до этого жили в районах, составлявших западные пределы хуннских владений. После известных событий сер. I в. до н.э., произошедших в степи, месторасположение гянгуней (кыргызов) изменилось. Как выше указывалось,

месторасположение племени Угье (Уцзье) на карте Западного края при династии Хань (Цянь Хань) показано на Восточном Тянь Шане или в его отрогах, на востоке от Усунь. Местоположение усуней указано в районе долины реки Или, на севере Кыргызстана.

Таким образом, даже если исходить из того, что отмеченные на карте объекты располагаются приблизительно и даже с ошибками, то места обитания гянгуней (кыргызов) попадают в Джунгарию или Семиречье, или в восточное Притяньшанье.

О том, что древние кыргызы были по своему происхождению и принад лежности кочевниками, видно не только из данных об их местоположении согласно Цянь Хань Шу и Вэй Люэ, описанием типично кочевого образа жизни гянгуней (кыргызов) в Вэй Люэ, но и из писем Ли Лина, внука знаменитого полководца древности Ли Гуана, которого великий шаньюй хунну женил на своей дочери, присвоив ему высокий титул Западного Чжуки князя хуннского государства; поставил наместником у гянгуней (кыргызов). Древние кыргызы тогда обитали в западных пределах хуннских владений. Вот что он пишет в своем письме в Китай: "Весь день не вижу никого, одно отродье лишь чужое. В кафтане кожаном и в юрте войлочной, чтоб защищать себя от ветров и дождей. Вонючая баранина, кумыс — вот чем свой голод, жажду утоляю... Я ночью уже спать не могу и ухо склонив, слышу где-то вдали переливы свистулек номадов. Здесь кони пасутся и жалобно ржут, так звонко и резко в своих табунах..." (Алексеев; 1958: 157).

Упоминаемые здесь свистульки очень напоминают кыргызские чооры. Кожаный кафтан — традиционное одеяние кочевников-кыргызов, восходящий к кафтанам так

называемого скифского или сакского типа. Нет сомнений, что Ли Лин писал о наших предках — древних кыргызах. Еще Л.Р.Кызласов по этому поводу писал: "Как бы критически мы не относились к преувеличенным жалобам оторванного от родины представителя военной знати, но все же весьма вероятно, что именно гянгуней он имел в виду, когда писал о чуждых ему вещах в этой стране" (Кызласов; 1960: 178).

Впоследствии, в стране хуннов, упоминался сын Ли Лина, который занимал у хуннов очень высокое положение. На это указывает следующее известие Цянь Хань Шу, согласно которому, сын Ли Лина вторично объявил Уцзи Дуоя шаньюем хуннского государства. Так, там говорится, что примерно в начале 40-х годов до н.э. "сын полководца Ли Лина вторично объявил Уцзи Дуоя шаньюем: но Хуханье шаньюй поймал сего шаньюя и отрубил ему голову, а после сего опять возвратился в орду" (Иакинф; 1851: 72). Это еще раз подтверждает, что гянгуней (кыргызы) в это время жили в западной части хуннского государства и могли обитать на Восточном Тянь Шане или Притяньшанье, Джунгарии, северо-востоке Семиречья или в степях Восточного Казахстана.

Значит, археологические памятники древних кыргызов (гегунь, гянгунь) находятся среди разбросанных в этих районах курганов древних кочевников скифского времени. Кочевые племена Западного края были в основном скифского происхождения. Недаром, после того как Модэ-шаньюй освободился от многовекового господства скифов-юедей, укрепил свою армию и владение, затем, уже в 201 г. до н.э. выступил на покорение приграничных скифских владений Западного края. Это, скорее всего первый поход основателя империи Хунну (или Сюнну) против азиатских скифов.

В ходе этого похода хунну покорились пять владений-Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гегунь (кыргыз) и Цайли (Иакинф; 1851, ч. I отд. I: 17). Я не исключаю, что все упомянутые здесь владения были скифскими. Кыргызская культура очень напоминает культуру азиатских скифов-юедей, значит по своему происхождению она связана с Пазырыкской культурой горного Алтая.

К сожалению древнейший период истории кыргызов остается до сих пор не изученным. Обычно труды исследователей, касающиеся или посвященные древнему разделу кыргызской истории, начинаются со времени первых упоминаний кыргызов в исторических (письменных) источниках и сводятся к выяснению местонахождения их по этим данным, освещению или изучению последующей истории древних кыргызов. Каких-либо попыток шагнуть дальше, за порог конца III в. до н.э., времени первого упоминания кыргызов в исторических (письменных) источниках, не делается. И это понятно, поскольку связано с крайней скудностью, а порой и противоречивостью исторических известий об этом народе вплоть до эпохи Тан, когда появляются подробные сведения по истории кыргызов. Поэтому, древнейшая история кыргызов остается до сих пор неизвестной, как и то, кто были они, какова была их культура, этнические признаки и ранняя история и где она вообще проходила. В литературе редко можно встретить какие-либо точки зрения по этим вопросам.

В конце прошлого века видный русский историк и этнограф тюркских народов Н.А. Аристов выдвинул утверждение об этногенетическом родстве древних кыргызов и усуней, которые, как известно, были одним из сакских народов. Согласно его мнению, усунь были частью древних

кыргызов, их древнейшей западной ветвью, и в I тыс. до н.э. обитали между Тянь-Шанем и хребтом Танну-Ола, тянущемся на восток от Алтайских гор (Аристов; 1897: 24-25; он же: 1894).

Работа Н.А.Аристова проводилась еще на заре становления кыргызоведения как таковой, и многие важные исторические источники по истории этого народа не были тогда еще известны науке. Гораздо интереснее его уверенность в этногенетической связи древних кыргызов и усуней, которые, как известно, являются одним из древних обитателей восточной части скифо-сакской ойкумены. По этому поводу А.Н.Бернштам писал, что «доля правды в этой гипотезе есть. Несомненно усуней следует учитывать при анализе этногенеза кыргызов.»

Согласно взглядам А.Н.Бернштама, история кыргызов «уходит в глубокую древность, к IV тысячелетию до н.э., но этот период может считаться лишь эпохой становления кыргызских племен. В ней только начинается кристаллизация тех этнических элементов, которые лишь к концу I тысячелетия до н.э. образовали древние кыргызские племена» (Бернштам ;1941: 44). Таким образом, по мнению А.Н.Бернштама история древних кыргызов восходит ко времени, когда территории от Енисея до Тянь-Шаня входили в одну этнокультурную общность, «наибольшее сходство» для которых «устанавливается для андроновского этапа... Локальные отличия нарастают к скифской эпохе. Характерно, для этого времени бытование на Енисее и Тянь-Шане по существу одного и того же расового типа, который мы можем именовать динлинским.» (Бернштам ; 1947: 176).

Во Всемирной Истории отражена точка зрения, согласно которой древние кыргызы (гегунь, гяньгунь китайских

источников) еще в сер. I тыс. до н.э. жили в Тувинской котловине, которая расположена к югу от котловины Минусинской. «Саяны отделяют ее от минусинских степей и Алтая. В середине I тыс. до н.э. здесь жило население, которое китайцы называли Гяньгунь и которое в культурном отношении было связано с Восточным Алтаем... Гяньгунь занимались скотоводством, разводили лошадей, быков и баранов. Курганы по своему устройству и инвентарю напоминают алтайские... Для искусства Гяньгунь характерен звериный стиль, который находит свое выражение как в поделках из металла, так и оленных камнях (камни с высеченными на них изображениями оленей)» (Всемирная история (в десяти томах). Т. II ;1956 :180. Племена Тувинской котловины).

Согласно этой точке зрения следует, что древнейшая история кыргызов восходит к скифо-сакской эпохе и древние кыргызы были связаны по своему происхождению со скифскими племенами Алтая, а значит и сами были азиатскими скифами.

Первое упоминание кыргызов в исторических (письменных) источниках, которые относятся к концу III в. до н.э. отнюдь не означает, что это время образования древнекыргызского этноса. Это явствует из характера исторических известий, в которых упоминаются кыргызы. Кроме этого, следует отметить, что наряду с кыргызами, в тех же известиях упоминаются и древние кыпчаки (цзюеше, кюэше кит. источников) как непосредственные соседи кыргызов, в тюркоязычности которых, пожалуй, ни один автор не сомневается. Кыпчаки, которые также являются предками современных казахов, жили где-то в приалтайских областях или на Алтае, и несомненно, принадлежали к числу

азиатских скифов. Первооткрыватель Пазырыкской культуры С.И.Руденко в свое время, изучая обнаруженные им уникальные артефакты алтайских скифов утверждал, что их наследие отчетливо прослеживается вплоть до современной нам культуры казахов Среднего Жуза, кыргызов Ала-Тоо и южных алтайцев (Руденко ; 1960: 341).

Согласно китайской карте Западного края при династии Младшей Хань (Хоу Хань) Усунь располагалось на западе от Кангюя, вдоль реки, тянущейся от нее на северо-восток (вероятно Или) и впадающей в большое озеро (очевидно Балхаш). "Тьхянь Шань (Тянь Шань), иначе Белые горы (Бай Шань)" расположены далеко на юго-востоке от Канцзюя. Расстояние между ними равно, примерно трем расстояниям от Кангюя до Усунь. К западу от "Тьхянь Шань, иначе Белые горы (Бай Шань)" отмечены Правые земли хунну (сюнну). Расстояние между ними равно примерно расстоянию от Усунь до Кангюя. Государство Яньки (Яньци) расположено на юго-восток (ближе к востоку) от Кангюя и на юго-запад от "Тьхянь Шань, иначе Белые горы (Бай Шань)".

Уезд Дуньхуан расположен там же, что и на карте, при династии Хань (Цянъ Хань). "Переднее поколение (отдел) Чэши (Чэши-Цянбу). Гаочан- ская степь. Усы-сяо-вэй живет здесь" расположено на юго-восток от государства Яньки (Яньци), на юг от "Тьхянь Шань, иначе Белые горы (Бай Шань)". Расстояние между последними и "Переднее поколение (отдел) Чэши (Чэши-Цянбу). Гаочанская степь..." равно, примерно, расстоянию от государства Яньки (Яньци) до Кангюя.

Гяньгуны (кыргызы) и динлины еще упоминаются в Вэй Люэ (Обзоре Вэй или Вэйском обозрении), составленного Юй Хуанем в эпоху Саньго (220-280 гг.) 614. Это сочинение

сохранилось в комментариях Пэй Сун-чжи к Саньго-чжи, где говорилось об окружающих Срединное государство (т.е.Китай) племенах и владениях, и путях сообщения с ними (Супруненко; 1974: 237). Причем о гяньгунях (кыргызах) говорится как о западных иноземцах, как и динлинах (Боровкова; 1989: 99).

Там говорится: "Худэ (находится) к северу от Цунлии, к северо-западу от Усунь, к северо-востоку от Канцзюй... Владение Гяньгунь расположено северо-западнее Канцзюй. Отборное войско 30000 человек. Следуют за скотом (т.е. занимаются скотоводством). (Там) много соболей, есть хорошие лошади. Владение Динлин находится севернее Канцзюй... Эти выше (названные) три государства с Гяньгунь в центре находятся от ставки шаньюя сюнну на р. Аньшишуй на (расстоянии) 7 тыс. ли, на юг от них 5 тыс. ли — Чэши и шесть других) владений, на юго-западе до границ Канцзюя — 3 тыс. ли (т.е. они расположены северо-восточнее Канцзюя), на западе до ставки Канцзюйского вана — 8 тыс. ли (т.е. они находятся восточнее ставки)" (Супруненко; 1974: 237-238).

Далее говорится: "Некоторые считают, что эти динлины являются теми динлинами, что (обитают) к северу от сюнну, а северные динлины (находящиеся) западнее Усунь, по-видимому, другое поколение их. Кроме того, севернее сюнну расположены государства Хуньюй, Цюеше, Динлин, Гэ- гунь, Синьли. По-видимому, динлины (которые живут) к югу от Бэй хай — это не те (динлины), которые находятся западнее Усунь" (Там же).

В этом сочинении выделяют "не отличающиеся достоверностью сведения Пэй Сун чжи и повторяемые им данные Сыма Цяня и Бань Гу" (Там же). По Пэй Сун чжи к западу от Чэши обитали усунь, а далее, к северо-западу, нахо-

дились владения Канцзюй (Там же). Далее, по Пэй Сун чжи, к северо-востоку от Канцзюя находилось Худэ. "Следовало бы ожидать, что племена кыргызов будут отмечены дальше к востоку, но в результате ошибки или описки их он располагает к северо-западу от Канцзюй" (Супруненко; 1974: 238). "Последующий текст взят с некоторыми добавлениями из Хань Шу и содержит достоверные сведения: Худэ, Гяньгунь и Динлин располагаются севернее Чэши и северо-восточнее Канцзюй... В заключение автор цитирует Сыма Цяня, который владения кыргызов (гегунь) помещает рядом с динлинами, к северу от сюнну. Пэй Сун Чжи не объясняет явную противоречивость приводимых им сведений" (Там же).

Согласно Вэй Люэ, из Дуньхуана от заставы Юймыньгуань в Западный край в древности было две дороги, а в период династии Вэй (220-265) была проложена еще одна. Все они начинались от Юймыньгуань. Первая, южная дорога, шла на запад мимо племен жоэян через Цунтин к большим юечжи. Вторая, средняя дорога, шла на запад от Цюцы и Цунлина. Новая, северная дорога, шла на северо-запад до области Чэши, а в Гаочэ соединялась со средней дорогой в Цюцы. Часть этой северной дороги проходила на запад от владений гяньгуней (Там же: 237).

Может быть, что в это время гяньгуни и динлины обитали примерно в тех же районах, что и в сер. I в. до н.э. (Эсен уулу Кылыч; 1993). Любопытно, что в Вэй Люэ говорится о динлинах, живущих к югу от Бэй Хай, которые "по-видимому", "это не те (динлины), которые находятся западнее Усунь" (Супруненко; 1974: 238). Хотя, сведения о динлинах тоже запутаны, противоречивы, тем не менее представляется возможным констатировать наличие самой западной динлинской группы племен к югу от Бэй Хай (Западного

моря). Последнее, можно было бы отождествлять, например, с озером Зайсаном или каким-то водным объектом, расположенным на северо-востоке от Средней Азии.

Хотя, нам представляется, что сведения, содержащиеся в Вэй Люэ о гяньгунях и динлинах могли относиться к эпохе Хань. В частности, очень интересно то, что часть северной дороги, которая "шла на северо-запад от области Чэши, а в Гаочэ соединялась со средней дорогой в Цюцы", проходила на запад от владения гяньгуней. Это означает, что граница владения Гяньгунь на западе или на юге доходила вплоть до Восточного Тянь-Шаня, что свидетельствует о том, что гяньгуни обитали в то время в районах Джунгарии и Восточного Притяньшанья, т.е. в землях, которые до сер. I в. до н.э. относились к западной части хуннских владений. По-видимому, сведения, содержащиеся в Вэй Люэ о гяньгунях, относились к эпохе Хань.

И еще, не допущено ли в Вэй Люэ или Пэй Сун чжи ошибки, где местоположение Кангюй обозначено в том месте, где по праву должно было находиться владение Гяньгунь, которое, в свою очередь, помещается к северо-западу от Кангюй. Владение Кангюй не могло, да и, по-видимому, не доходило на северо-востоке за пределы озера Балхаш. От силы, власть Кангюя могла доходить до западного его побережья. Скорее всего Кангюй, или крайние его пределы следует располагать на тех землях, на которых, возможно по ошибке Вэй Люэ или Пэй Сун чжи располагается владение Гяньгунь. Такое местоположение Гяньгунь, т.е. к северо-востоку от Кангюя, вполне может соответствовать районам их обитания в эпоху Хань.

Усуни в это время имели значительную силу и, если верить Цянь Хань Шу (Истории Старших Хань) в сер. I в. до

н.э. кангюйцы много терпели от них и, в связи с этим приглашали Чжи чжи шаньюя для совместной борьбы с усунями.

"Случилось, что Кангюйский владетель, часто стесняемый усуньцами, в совете со своими старейшинами (на кит. Хи-хэу, низшие князья. — прим. Иакинфа) полагал: что Хунны составляли большое государство, а Усунь зависел от них. Теперь Чжи чжи шаньюй вне отечества (т.е. находится у гяньгуней. — Э.у.К.) и находится в тесных обстоятельствах; можно пригласить его на восточную границу, совокупными силами завоевать Усунь и здесь поставить его владетелем; (Шы Гу пишет: совокупными силами уничтожить Дом Усунь, а земли его предоставить Чжи чжи для местопребывания. — прим. Иакинфа). Тогда не для чего опасаться хуннов. Тотчас отправили в Гяньгунь посланника сообщить это Чжи чжи" (Иакинф; 1851: 79-80).

Судя по сведениям Цянь Хань Шу, даже Чжи-чжи шаньюй опасался усуней, их силы. "Чжи-чжи опасался и сверх того досадовал на Усунь; посему, когда услышал о намерении Кангюйского владетеля, крайне обрадовался; заключил союз с ним и пошел со своим войском на запад... Чжи-чжи в походе потерял много людей...; только 3000 человек пришли в Кангюй» (Там же). По В.В.Бартольд, эти потери "несомненно" "были причинены им усунями" (Бартольд; 1963: 477).

Необходимо отметить, что у Чжи-чжи была довольно большая военная сила. Вначале, к его войску были присоединены, если верить данным Цянь Хань Шу до 50.000 воинов Илиму шаньюя, с которым он сразился, встретившись по пути в Западную сторону. Затем, после стычки с высланным к нему навстречу усуньским отрядом,

численность которого была, судя по Цянь Хань Шу, 8000 человек, Чжи-чжи шаньюй напал на Уге, «и при помощи войск его разбил на западе Гяньгунь". Затем он покорил на севере Динлин (Иакинф; 1851: 77).

Конечно же, Чжи-чжи пополнил свои войска силами Уге, Гяньгунь и Динлин. Тем не менее, он боялся мощи Усунь. "Чжи-чжи опасался и сверх того досадовал на Усунь".

Можно представить, какими силами располагали усунь, которые, вполне возможно и нанесли войскам Чжи-чжи большой урон, при их прохождении в Кангюй через земли, контролируемые усунями. Поэтому, владение Кангюй не могло на севере-востоке выходить за западное побережье Балхаша. Граница Кангюя на северо-востоке едва ли могла достигать течения реки Или. Дальше, уже были владения усуней.

Как уже отмечалось, по А.Н.Бернштаму, примерно в 47 г. до н.э. по предложению Кангюй Чжи-чжи шаньюй "провел большой поход против усуней, врезавшись в качестве своеобразного буфера по реке Талас между ними и Кангюй. В верховьях Таласа была ставка Чжи-чжи шаньюя, и здесь он был разбит китайскими полководцами Чэнь-таном и Гяньяньшоу" (Бернштам; 1951: 109).

В Цянь Хань Шу, в Повествовании о Западном крае, об усунях сообщает ся: "Усунь. Правление усуньского Большого Гуньми в городе Чигу, от Чань-ань в 8.900 ли. Народонаселение состоит из 120.000 кибиток, 630.000 душ; строевого войска 188.800 человек... На восток до местопребывания наместника 1721, на запад до кангюйской границы 5.000 ли. Земли ровные и травянистые, страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса. Усунь не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом

перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходятся с хуннами. В их владении много лошадей и богатые содержат от 4.000 до 5.000 голов. Народ суров, алчен, вероломен, вообще склонен к хищничеству. Усунь считается одним из сильнейших владетелей. Прежде, он был под зависимостью хуннов. Впоследствии, усилившись, подчинил себе многие другие владения и отказался от поездок в орду хуннов. Владения его на востоке смежны с хуннами, на северо-западе с Кангюем, на западе с Даванью (Фергана), на юге с разными владениями" (Иакинф; 1851: 64-65).

В Цянь Хань Шу, в Повествовании о Западном крае о Кангюе сообщается: "Кангюй. Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лююени в городе Битянь, за 12.300 ли от Чанань. Он не зависит от наместника. От Лююени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания. Окружность земель его содержит 9.104 ли. Народонаселение состоит из 120.000 семейств, 600.000 душ; строевого войска 120.000 человек. На восток до местопребывания наместника 5.500 ли. Обыкновения одинаковы с Большим Юечжи. Кангюй на востоке подчинен Хуннам. В царствование Сюань-ди произошли беспокойства в пределах Хуннов. Пять шаньюев вступили между собой в спор о престоле. Китайский Двор возвел Хуханье шаньюя. Чжи-чжи шаньюй, негодуя на это, убил китайского посланника и на западе укрепился в Кангюе. Впоследствии наместник Гань Янь-шеу и помощник его Чень Тхан, собрав своих военнопоселян и войска из государств Западного края, пришли в Кангюй и истребили Чжи-чжи шаньюя" (Иакинф; 1851: 56).

В Ши Цзи (Исторические записки) об усунях сообщается: "Усунь (здесь, под владением Усунь разумеется

местопребывание владетеля — городок Чигу. см. — Чигу. — прим. Иакинфа) лежит почти в 2.000 ли от Давани (Ферганы) на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят с места на место. В обыкновениях сходятся с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска (Войско на кит. языке выражением кхун-сянь-чже, что значит натягивающий или могущий натягивать лук. Это же выражение употребляется, когда говорится о войсках других кочевых народов. — прим. Иакинфа) отважного в сражениях. Усуньцы прежде были под зависимостью Хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались от поездок в орду Хуннов" (Там же: 5-6).

О Кангюе, в этом же источнике говорится: "Кангюй лежит почти в 2.000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение; в обыкновениях совершенно сходятся с юечжийцами; имеет до 90.000 войска. Кангюй сходствует с Даванью и по малосилию своему признает над собою на юге власть Юечжийцев, на востоке власть Хуннов" (Там же: 6).

В Цянь Хань Шу говорится, что "Кангюй на востоке подчинен Хуннам". В Ши Цзи говорится, что "Кангюй по малосилию своему признает над собою на юге власть юечжийцев, на востоке власть Хуннов". В это время Усунь и Кангюй подчинялись хуннам. Вообще же, судя по Ши Цзи, "владения, лежащие от Усуни далее на запад до Аньси, были близки к Хуннам, и сверх того Хунны имели влияние на Юечжи" (Там же: 21).

Источники говорят о великой отдаленности Кангюйских земель от Срединного государства, т.е. Китая. "При Ченьди Кангюй отправил сына своего в заложники и с дарами к китайскому Двору; со всем тем, по причине великой отдаленности, поступал весьма надменно (т.е. принимал

китайских посланников не как подданный Китая, что китайский двор считает величайшим невежеством. — прим. Иакинфа) и не хотел держать себя наравне с прочими владениями: посему наместник Го Шунь несколько раз представлял о них Двору следующее: минувшее могущество Хуннов не от того зависело, что имели они под собою Усунь и Кангюй; равным образом и не от того они признали себя вассалами Китая, что лишились упомянутых двух государств" (Там же: 56-57).

Следует отметить, что Карта Западного края при династии Хань (Цянь Хань) очевидно, отражает расселение племен в сер. I в. до н.э. В это время Гяньгунь входило в западную часть хуннских владений. После 49 г. до н.э. или, может, и до этого западные хуннские пределы распались и Гяньгунь уже было отдельным владением, в землях которого даже в свое время находилась ставка хуннского Чжи-чжи шаньюя. Поэтому, уже на Карте Западного края времени Хань (Цянь Хань) Гяньгунь могло быть обозначено как самостоятельное владение, но в силу ошибки на ее месте могло быть обозначено владение Кангюй.

Эти же данные могли механически переноситься на картах Западного края при последующих династиях. То же самое следует отнести и к данным письменных источников. В частности, сведения Цянь Хань Шу о гяньгунях и их местонахождении могли относиться к тому периоду эпохи Хань, когда владение Гяньгунь было уже самостоятельным, не входило в состав хуннского государства. В Вэй Люэ, вероятно, отражены сведения о владении Гяньгунь, вполне возможно, относящиеся к более раннему времени, к эпохе Хань.

Согласно китайской карте Западного края времени (Саньго (Троецарствие) государство Усунь расположено на северо-западе от государства Выньсу (Вэньсу) и юго-западе (тяготей к западу) от государства Усунь. Расстояние от государства Выньсу (Вэньсу) до Западной окраины Кангюй (Канцзюй) примерно равно расстоянию от последнего до государства Усунь. Государство Сулэ (Шулэ) расположено на юго-запад (тяготей к западу) от государства Выньсу (Вэньсу) и к югу от Западной окраины государства (Канцзюй). Расстояние между последним и государством Сулэ (Шулэ) равно, примерно, расстоянию от государства Выньсу (Вэньсу) до государства Усунь.

Государство Давань (Да-юань) расположено на юго-западе от Западной окраины государства Кангюй (Канцзюй), к северо-западу (тяготей к западу) от государства Сулэ (Шулэ). Расстояние от государства Давань (Да-юань) до Западной окраины государства Кангюй (Канцзюй) равно примерно, расстоянию от последнего до государства Сулэ (Шулэ). Правое поколение (отдел) Сяньби, расположено на северо-восток (ближе к востоку) от государства Усунь. Государство Кангюй (Канцзюй) расположено на северо-запад от Правого поколения (отдел) Сяньби. Расстояние между ними равно двум расстояниям от государства Усунь до Правого поколения (отдел) Сяньби.

Земли государства Усунь расположены к юго-западу (тяготей к югу) от Правого поколения (отдел) Сяньби, к югу от государства Кангюй. Расстояние между землями государства Усунь и Правым поколением (отдел) Сяньби равно, примерно, двум расстояниям от последнего до государства Кангюй. Западное поколение (отдел) Сяньби расположено далеко на юго-востоке от Правого поколения (отдел) Сяньби. Расстояние

между ними равно, примерно, двум расстояниям от государства Кангюй до Земель государства Усунь. Западное поколение (отдел) Чэши (Чеши-хоубу) расположено на северо-запад от Западного поколения (отдел) Сянби. Расстояние между ними равно расстоянию от государства Кангюй до Правого поколения (отдел) Сянби. Государство Яньки (Яньци) расположено на западе от Земель государства Чэши, на юг от Правого поколения (отдел) Сянби. Расстояние между государством Яньки (Яньци) до Земель государства Чэши равно, примерно, расстоянию от Земель государства Усунь до государства Кангюй (Канцзюй).

Согласно китайской карте Западного края при династии Цзинь, государство Усунь расположено на севере Тянь-шаня. Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ) расположены на юго-востоке (тяготея к востоку) от государства Усунь. Северная граница государства Усунь расположена на север от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ), за хребтом. Расстояние между ними равно двум расстояниям от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ) до государства Усунь. Восточная граница Усунь расположена на юго-запад от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ). Расстояние между ними равно, примерно, половине расстояния от Восточной границы Усунь до Северной границы государства Усунь.

Государство Кангюй (Канцзюй) расположено на северо-западе (ближе к северу) от Северной границы государства Усунь. Расстояние между ними равно расстоянию от Северной границы государства Усунь до Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ). Государство Усунь расположено на западе от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ) и юго-западе от Северной границы Усунь. Расстояние между последним и государством Усунь равно расстоянию от последнего до

Северной границы Усунь. Государство Яньки (Яньци) расположено к юго-западу (ближе к югу) от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ). Расстояние между ними равно, примерно, расстоянию от государства Усунь до государства Кангюй (Канцзюй). Западная граница государства Яньки (Яньци) расположена к югу от государства Усунь. Расстояние между ними равно расстоянию от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ) до Западной границы государства Яньки (Яньци). Область Гаочан находится к юго-востоку от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ). Расстояние между ними равно расстоянию от Гаогюй (высокие повозки — Гао чэ) до государства Кангюй.

Карты — это серьезный источник и с их данными необходимо считаться.

На карте Западного края при династии Хань (Цянь Хань) Земли 5 малых ванов Кангюй (Канцзюй) расположены на северо-западе (тяготея к западу) от оз. Балхаш. Граница между Кангюй (Канцзюй) и Давань (Да-юань) находится на юго-западе (ближе к западу) от Усунь. Западное поколение (отдел) Усунь расположено на юго-западе от Усунь и на юго-востоке от границы между Кангюй (Канцзюй) и Давань (Да-юань). Расстояние между последним равно, примерно, полутора расстоянию от Усунь до Западного поколения (отдел) Усунь. А расстояние между Землями 5 малых ванов Кангюй (Канцзюй) и Усунь равно, примерно, двум расстояниям от Усунь до Западного поколения (отдел) Усунь.

На правой стороне карты Кангюй расположен на северо-востоке (ближе к северу) от западной оконечности Усунь. На юго-востоке (тяготея к востоку) от Кангюя, совсем рядом, отмечено место пяти шаньюев, на северо-востоке (ближе к востоку) от которого находится Западная граница Хунну.

Причем расстояние между последним и местом пяти шаньюев чуть больше, чем от Кангюй до места пяти шаньюев. Расстояние от Кангюй до самой западной оконечности Усунь равно, примерно, расстоянию от последнего до Земель Угйе (Уцзйе).

Таким образом, всего вероятнее видеть на месте, где обозначено Кангюй, земли владения Гяньгунь.

Примерно, то же самое мы видим и на карте Западного края времен Младшей Хань (Хоу Хань), только там Кангюй (Канцзюй) обозначен почти прямо на востоке от Усунь.

На карте Западного края времени Саньго (Троецарствия) Западная окраина Кангюй (Канцзюй) обозначена на юго-западе (тяготая к западу) от Усунь. На правой половине карты Кангюй (Канцзюй) расположено от Усунь на северо-восток (тяготая к востоку) и на северо-запад от Правого поколения (отдел) Сянби. Причем, расстояние от Усунь до Кангюй (Канцзюй) равно, примерно, более полутора расстояния от последнего до Правого поколения (отдел) Сянби.

На карте Западного края при династии Цзинь, Кангюй обозначен рядом с северной границей Усунь, к северо-западу (ближе к северу) от нее, на юго-востоке (тяготая к востоку) от озера (очевидно, Балхаш) и на юго-востоке от какого-то хребта или гор, расположенного рядом с восточным берегом этого озера (очевидно, Балхаш). Причем, расстояние от этой горы до Кангюй (Канцзюй) равно расстоянию от последнего до северной границы Усунь. Ну, а государство Усунь находится на юго-западе от Кангюй (Канцзюй).

Вероятнее всего, что на месте, где обозначено Кангюй, должно находиться Гяньгунь.

Необходимо отметить, что усунь и гяньгуни (кыргызы) были кровно-родственными и этнически близкими племенами (Эсен уулу Кытыч; 1933).

Можно отметить еще следующую деталь. Согласно Цянъ Хань Шу "в 2000 ли от Кангюя на северо-запад лежит государство Яньцай, которое имеет до 100.000 войска, и в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Оно прилегает к великому озеру, имеющему отлогие берега. Это и есть северное море" (Иакинф; 1851: ч.III, отд. II). Но на карте ни Янцая, ни этого озера (Аральское море) нет, а есть только Балхаш. Может быть, Кангюй усиленно помещается на юго-восток от озера (Балхаш) из-за выше указанного текста, по которому Кангюй должно было находиться на юго-востоке или восточнее этого озера (Арала). Ну, а поскольку его на карте нет, то Кангюй могли поместить на юго-восток или восточнее от Балхаша.

Кстати, в западных исторических (письменных) источниках о Кангюе почти ничего не сообщается. Так, в Авесте упоминается страна Кангха, которую отождествляют с Кангюем китайских источников (Толстов; 1948: 21). Кангха или Канка упоминается в Шах-наме, как- Канк (Древние авторы о Средней Азии; 1940: 166). Неподалеку от Ташкента, на Ангрене находятся развалины древнего города Канка (Там же). У Аммиана Марцелина упоминается Ганга и река под тем же названием (Толстов; 1948: 21). Но все они, исследователями, помещаются в районах Среднего течения Сыр-дарьи, где и располагают они Кангюй.

И лишь в событиях, относящихся к 410-411 гг. н.э., содержащихся в Северной Истории, говорится, что жуань жуаньский правитель Хулюй "на севере покорил владения

Хэвэй и Егу (Кыргыз), на востоке разбил аймак Пиличен" (Иакинф; 1851: 210).

Согласно китайской карте Западного края при династии Бэй Вэй (Северной Вэй), государство Усунь расположено на юго-западе (ближе к югу) от Западной границы государства Юебань, которая находилась, по-видимому, у Балхаша. К юго-западу от государства Усунь расположено "Управление (столица) — город Чигу". Они находятся рядом, к западу от какого-то озера, очевидно Иссык-Куль. Государство Болу расположено на юго-западе от "Управления (столица) — город Чигу". Расстояние между ними равно, примерно, двум расстояниям от государства Усунь до "Управления (столица) — город Чигу".

Государство Сулэ (Шулэ) расположено на юго-западе от государства Болу. Расстояние между ними равно, примерно, двум расстояниям от государства Болу до "Управления (столица) — город Чигу". Государство Гуйцы расположено на юго-востоке от государства Усунь. Расстояние между ними равно, примерно, расстоянию от государства Сулэ (Шулэ) до "Управления (столица) — город Чигу". Государство Выньсу (Вэньсу) расположено на западе от государства Гуйцы. Расстояние между ними равно расстоянию от Государства Болу до Государства Сулэ (Шулэ). Западная граница Гуйцы расположена к востоку от Государства Выньсу (Вэньсу) и на западе от Государства Гуйцы. Расстояние между Западной границей Гуйцы до Государства Выньсу (Вэньсу) равно двум расстояниям от Государства Гуйцы до Западной границы Гуйцы.

Цзинь Шань (Золотые горы — Алтай) расположены далеко на северо-востоке (ближе к востоку) от Западной границы государства Юебань. "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ —

высокие повозки), первоначальное наименование Дили, в северных странах (бэй фан) прозвище: Чили" расположены на юго-западе от Цзинь Шаня. Расстояние от последнего до Западной границы государства Юебань равно, примерно, полутора расстоянию от Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ — ...) до Цзинь Шаня (Алтай). Государство Юебань расположено на запад от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...)". Расстояние между ними равно одной трети расстояния от Цзинь Шаня до "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...)". Земли жуань жуань расположены далеко на юго-востоке (тяготей к востоку) от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...)". Расстояние между ними равно четырем расстояниям от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...) до государства Юебань.

Земли государства Гаочан (Гао-чан годи) расположены на юго-востоке от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...)". Расстояние между ними равно двум расстояниям от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...) до государства Юебань. "Государство Гаочан вначале было присоединено и вошло в Жу-ань-жуань, потом стало независимым" располагалось на юге от Земель государства Гаочан (Гао-чан го ди). Расстояние между ними равно, примерно, расстоянию от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...) до государства Юебань.

Государство Яньки (Яньци) располагалось на западе от "Государства Гаочан, вначале было присоединено..." и на юге от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...)". Расстояние между последним и государством Яньки (Яньци) равно двум расстояниям от государства Юебань до "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...)". Уезд Дуньхуан расположен на юго-востоке от государства Яньки (Яньци). Расстояние между ними равно, примерно, расстоянию от государства Юебань до Цзинь Шаня (Золотые горы — Алтай). Уезд Юймынь расположен на

юго-востоке от уезда Дуньхуан. Расстояние между ними равно двум расстояниям от "Гаогюй (Гаоцзюй или Гаочэ - ...)..." до государства Юебань.

Согласно карте Западного края при династии Бэй Чжоу (Северное Чжоу), Тукюэ (Туцзюе) расположены где-то в долине Или или к западу по течению этой реки. Государство Гуйцы расположено на юго-западе (ближе к югу) от Тукюэ (Туцзюе). "Иву (Иу), поддавшийся Тукюэ" расположено за хребтом на север от Иву (Иу) — Хами. Гаочан расположен на юго-западе от "Иву (Иу), поддавшийся Тукюэ". Расстояние между ними равно двум расстояниям от "Иву (Иу), поддавшийся Тукюэ" до Иву (Иу)-Хами. Восточные Тукюэ (Туцзюе) расположены на северо-западе от Иву (Иу)-Хами. Расстояние между ними равно, примерно, двум с половиной расстояниям от "Иву (Иу), поддавшийся Тукюэ" до Иву (Иу) - Хами.

"Тйелэ, подчиненные Янь (ци)", расположены рядом с Восточными Тукюэ (Туцзюе), к юго-западу. Расстояние между ними равно, примерно, половине расстояния от "Тйелэ, подчиненное Янь (ци)" до Яньки (Яньци). Яньки (Яньци) расположено на юго-западе от Восточных Тукюэ (Туцзюе). Расстояние между ними равно, примерно, двум расстояниям от "Иву (Иу), поддавшийся Тукюэ" до Иву (Иу) — Хами. Область Дуньхуан расположена на юго-востоке от Яньки (Яньци). Расстояние между ними равно, примерно, двум расстояниям от Яньки (Яньци) до Гаочана.

Именно с динлинами Енисея, обитавшими в Минусинской котловине, могли перемешаться Восточные кыргызы, которые первоначально поселились в Койбалльской степи, в междуречье Абакана и Енисея. О них и должно, вероятно, сообщаться в Тан Шу, в главе о кыргызах, где говорилось, что "жители (Хагяса) перемешались с динлинами" (Иакинф; 1851: 443). Вероятно, верно примечание Иакинфа, содержащееся в его труде "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в Древние времена". В отрывке из Ши Цзи (Исторические записки) Сыма Цяня, где говорилось о покорении хуннами в конце III в. до н.э. владений Хуньюй, Кюеше, Динлин и Синьли, он писал, что динлины "занимали земли от Енисея на востоке до Байкала, по левую сторону Ангары» (Там же: 17, прим.2).

Их потомков, сохранивших свое своеобразие, можно видеть в племенах, которых китайцы называют Бома или Биля и Йелочжи. В Юаньцзяньлэйхань повествуется: "Бома: В Новой Танской Истории говорится: Бома некоторые называют Биля (Бицы) или Элочжи. (Расположено) прямо на север от Туцзюе, отстоит от столицы на 14.000 ли, кочуют, однако любят жить в горах. Отборного войска 30.000. Страна вся покрыта снегом, деревья не опадают (т.е. хвойные). Пашут

поля на лошадях. Лошади мастью все пестрые (саврасые), отсюда (пошло) наименование государства. Хотя разводят лошадей, но не ездят (на них), пьют кумыс. Любят сражаться с цзйегу (хагясами). Жители походят на цзйегу, но языки непонятны. Соединяют деревья наподобие колодца, покрывают берестою, (так) и делают дома. Каждый род (община) имеет малого правителя, (роды) не подчиняются друг другу.

Вэньсянтункао говорит: Туцзюэ, говоря о бома называют (их) хэла (или хэцы), а также государством Хэла (Хэцы) (По-видимому, Хэла является передачей тюркского — ала, имеющего значение — пестрый, т.е. в Хэла кит.источника можно видеть передачу спирантной формы тюркского — ала. — Э.у.К.). Их страны близки к Северному морю (Байкалу). Пройдя через (местности) пяти больших поколений Туцзюэ, достигаешь (бома). Лошадей (имеют) 300.000. Государство управляется сыгином. Пределы их страны с востока на запад — один месяц езды, с юга на север — 15 дней езды. Их страна крайне холодна. (Жители любят) ловить рыбу и охотиться. Ловят рыбу, оленей, выдр, соболей, (мясо) употребляют в пищу, из шкур делают одежду. Мало железных орудий, употребляют глиняные черепицы и котлы из бересты, из которой делают блюда и чашки.

В годы правления Юнхуй (650-656) Танской династии отправили посла представлять дань к (китайскому) двору" (Кюнер; 1961: 52-53).

В Тайпиньхуаньюйцзи говорится: "Бома находятся на север от цзйегу (хагясов). Их страна близка к Северному морю, отстоит от (китайской столицы) Чаньань на 14.000 ли. (Когда) пройдешь через (местности) пяти больших поколений туцзюэ, тогда достигнешь (бома). Отборного

войска 30.000 человек, лошадей 300.000 голов. Их государство управляется сыц- зинем, от туцзюэ (у бома) нет разницы. Употребляют лук, стрелы, меч, копье, щит: не пребывают (т.е. не подразделяются на военные единицы) в лагерях и отрядах, начальствующим не делают наград и пожалований. Лошади масти одинаковой — пестрые (саврасые). Поэтому так и называют (этот народ). Их лошади не служат для езды, берут их молоко, употребляют в пищу, на кумыс и только. С цзйегу часто взаимно воюют. Наружностью походят на цзйегу, но язык (их им) непонятен.

В годы правления Юнхуй (650-656) Танской династии отправили посла принести (китайскому) двору дань. Туцзюэ, говоря о бома, называют их хэла (или хэцы), также именуют их государством Хэла (или Хэцы). Местонахождение: пределы их с востока на запад — месяц пути, с юга на север — 50 дней пути. Страна близка к Северному морю, отстоит от страны Гуй на 60 дней пути.

Местные обычаи и произведения.

Страна обычно жестоко холодная, каждую зиму скопляется снег, деревья погружаются (в снег) только на один-два фута (от верхушки). С поступлением тепла оттаивают с солнечной стороны. С помощью лошадей пашут плугом, сеют пять хлебов, любят ловить рыбу и охотиться, ловят рыбу, оленей, выдр, соболей и пр. Мясо употребляют в пищу, из шкур делают одежду; мало железных орудий, употребляют глиняные котлы и бересту. Из корней делают блюда и чашки. Кочуют. Чтобы сделать дом, связывают деревья, делают колодезный сруб, кроют берестою. Земляные кровати, травяные тюфяки (к этому), добавляют войлок и так

спят. Когда трава кончается, то передвигаются, не имея определенного места" (Кюнер; 1961: 53).

В Тан-Шу говорится: "Еще находилось Гуньма, иначе Била и Елочжи, от Дулги (тюрков) прямо на севере, от столицы в 14.000 ли; перекочевывали смотря по достатку в воде и траве, но предпочитали жить по горам. Там всегда идут снега. Хвоя с деревьев не опадает. Пахали землю лошадьми. Лошади были саврасые, отчего и название государству дано. Жили на севере, близ моря. Хотя содержали лошадей, но верхом не ездили, а пользовались молоком для пищи. Часто дрались с хагясами. Обликом много походили на хагясов, но говорили другим языком. Брили голову, носили берестяные шляпы. Связывали деревья наподобие колодезных срубов, и покрывали берестой. Это были их жилища. Каждая община имела своего начальника, независимого от других" (Иакинф; 1851: 442).

Примерно такое же, надо полагать, положение было у енисейских кыргызов, в основной своей массе местного динлинского происхождения; однако эти общины Среднего Енисея были объединены кыргызами (восточными) в одно целое государственное образование. С течением времени Хагяс раскололся на ряд территориально-племенных объединений (улусы или княжества), в которых на господствующем положении находились кыргызы, т.е. эти княжества Хагяса (страны кыргызов) были кыргызскими. Численность кыргызского населения в них увеличивалась за счет тюркизированных элементов. Те, из кыргызских улусов и княжеств Енисея, граничащих с племенами Бома (Била и Елочжи), как свидетельствуют источники, и "дрались" "часто" с ними.

Затем, Хагяс вновь объединялся под единой властью. Это происходило в условиях необходимости объединения для организации эффективной и надежной защиты страны от возникшей угрозы порабощения со стороны внешнего врага. Вследствие чего кыргызские князья договаривались, и выбирали во главе наиболее активного и способного из них.

Однако население Хагяса никогда не представляло собой монолитное этническое образование, с единой культурой, самоназванием, этническими признаками. Это были территориально-племенные объединения, состоявшие в различной мере из этнических групп населения различного происхождения, образа жизни, соматических признаков и т.д., в большинстве которых на господствующем положении были собственно кыргызы. Каждый из этих элей, улусов или княжеств стремился к самостоятельному образу жизни и расширению своих владений за счет своих соседей (кыргызских и некыргызских) и, в конечном счете, к господству над всем Хагясом.

Заключение

Таким образом, кыргызы на Енисее упоминаются в 410-411 гг. Тогда возникает вопрос: когда и почему они пришли сюда. Поскольку, надо полагать, еще в сер. II в. до н.э. на Среднем Енисее жили динлины, то кыргызы могли переселиться туда или вторгнуться в конце II н.э. или в III в. Таким образом, на Енисее в Минусинской котловине кыргызы, получается, жили по крайней мере с III в. н.э.

Поскольку, в археологической науке общепринята точка зрения преемственности всех последующих этапов культур на Енисее, в Минусинской котловине начиная с переходного тагарско-таштыкского времени и кончая кыргызской эпохой - как результат многовекового развития этнической общности, образовавшейся в тагарско-таштыкское переходное время из местных и пришлых этнических групп населения, то конец тагарской культуры можно отнести ко II веку н.э., а начало тагарско-таштыкского переходного периода, тогда, получается, следует датировать по крайней мере второй половиной или концом II в.н.э. или III в.н.э.

Таштыкскую культуру III-IV-V вв., а начало енисейско-кыргызской V или VI вв. Со второй половины VI или нач. VII вв. на Средний Енисей проникают алтайские кыргызы-Теле, которые затем становятся гегемонами в Хагясе.

Первое известие о древнекыргызском обществе относится к концу III в. до н.э. Они представляли собой, по выражению источника, владение, т.е. государственное образование, жили в государстве. Причем в Тан-Шу говорится, что Хагяс — есть древнее государство Гянгунь (Кыргыз), т.е. в этом случае

древнекыргызское общество эпохи Хань представляло собой государство. Население Гянгуня — кыргызы, было древним тюркским объединением, с культурой так называемого скифо-сакского типа (Эсен уулу Кылыч; 1933).

Если есть какая-то этническая общность со своим самоназванием, общностью происхождения, этнических признаков, то, значит, она живет по каким-то нормам, законам этого общества, в котором есть свои принципы и механизмы управления, регулирования взаимоотношений друг с другом. Но ведь это и есть государство. Государства бывают самые различные: оседло-земледельческие, кочевые, полукочевые, смешанного типа. По-сууществу, каждое государственное образование уникально, поскольку наряду с прочими особенностями оно имеет то, что присуще только ему. Древние же кыргызы, со времени своего появления, жили долгое время в кочевом государстве. Часть из них осела на Среднем Енисее в период, предшествовавший Раннему Средневековью.

Древнекыргызское государство Хагяс было государством смешанного типа, т.е. в нем были и оседло-земледельцы, полукочевники, кочевники, охотники, рыболовы. Енисейские кыргызы в значительной степени утратили свое этническое содержание, подверглись аккультурации со стороны культуры местного населения, но не утратили своего языка и этнического самоназвания, передав их немалой части населения Среднего Енисея, Минусинской котловины. Алтайские кыргызы-теле сохраняли свое этническое содержание, своеобразие на всем протяжении своего длительного исторического развития. Несмотря на то, что какая-то часть алтайских кыргызов жила на Среднем Енисее, в Минусинской котловине, тем не менее она не смешалась с

прочим населением этих земель, за исключением, может быть, каких-то заимствований элементов из жизни знати енисейских кыргызов, их культуры. В свою очередь, Хагяс подвергся влиянию всего того, что привнесли туда новые гегемоны — алтайские кыргызы.

Государственное образование могло существовать в Хагясе до появления на севере Алтая и Енисее алтайских кыргызов-теле. В конце VI-VII вв. произошла лишь смена власти в Хагясе. Однако население Хагяса никогда не представляло собой монолитное этническое образование, с единой культурой, самоназванием, этническими признаками. Это были территориально-племенные объединения, состоявшие в различной мере из этнических групп населения различного происхождения, образа жизни, соматических признаков и т.д., в большинстве которых на господствующем положении были собственно кыргызы. Каждый из этих элей, улусов или княжеств стремился к самостоятельному образу жизни и расширению своих владений за счет своих соседей (кыргызских и некыргызских) и, в конечном счете, к господству над всем Хагясом.

Некоторым из них удавалось подчинить всю страну кыргызов, т.е. централизовать власть в Хагясе на то или иное время. Однако, внутренние противоречия, выливавшиеся в междоусобные войны приводили к раздробленности Хагяса, ослаблению кыргызских княжеств, приносили большой урон хозяйству и его населению.

Во второй половине VI века в Хагясе появились новые гегемоны — кыргызы-теле, т.е. кыргызы из конфедерации племен Теле. Им удавалось время от времени объединять эли-княжества Хагяса и государство Алого знамени (т.е.

древнекыргызское государство) становилось сильным и опасным каганатом.

К сожалению, скудость исторических (письменных) известий о Хагясе, его внутривластной жизни не дают возможности представить всю полноту взаимоотношений Хагяских элей-улусов, однако, надо полагать, они были вовсе непростые.

Такова сложная и во многом еще неизвестная история страны кыргызов-Хагяс, на ее долгом и продолжительном пути исторического развития, знавшей времена расцвета и могущества, упадка и раздробленности. В последний раз Хагяс был объединен в 50-х годах XVII века. В то время среди кыргызских князей возникают объединительные тенденции, связанные с отсутствием реальной помощи от джунгар в их борьбе против Русского государства, и угрозой действий со стороны Алтын-хана. Воплотителем их явился Алтысарский князь Ишей.

В это время численность населения Хагяса была катастрофически малой. Несмотря на крайнюю малочисленность, кыргызы ведут очень активную борьбу с Русским государством за Южную Сибирь. Наибольшего развития она получила при сыне Ишея — Иренаке, который в течение двадцати лет был грозой тех краев, жег, грабил русские и ясачные селения в Кузнецком, Томском, Ачинском, Красноярском, Енисейском и Нижне-Удинском районах.

Вместе с тем кыргызы, осознавали, что у них не хватит собственных сил, чтобы отнять у Русского государства Южную Сибирь. Поэтому, они предполагали "развоевав Красноярский и Енисейский уезды отъехать в Калмаки и на киргизской земле не жити". С этого времени Хагяс совершает

Список использованной литературы

Арабо-персидские источники о тюркских народах.-Ф.,1973.

Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в верхнем Прииртышье.-В кн. Поиски и раскопки в Казахстане.- А.-Ата.-1972.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Спб., 1897. Отд. отт. из "Живой Старины". Вып. III и IV. 1896.

Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-кыргызов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. // Живая Старина. Вып. III-IV. Год четвертый. Спб., 1894.

Алексеев А.П. Китайская классическая проза.-М. 1958.

Бартольд В.В. Соч. Т.2(ч.1).-М.-1964.

Бартольд В.В. Киргизы.-Фрунзе.-1927.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью (1893- 1894 гг.).-Спб.-1897.

многочисленные набеги на ряд русских уездов, населенных русским и ясачным населением. Московское правительство укрепляет русские города и остроги в Южной Сибири, посылает военные силы; неоднократно отправляет в Хагяс послов, к Иренаку, для переговоров. Превосходство военных сил русских вскоре становится внушительным и очевидным.

Джунгарские ханы, поглощенные центрально-азиатскими делами и борьбой с маньчжурами и Китаем, не проявляют желания осложнять свои отношения с Россией и борьба Хагяса с Русским государством, не поддержанная реальными силами джунгарских ханов, затихает к концу XVII в. В этих условиях было принято решение об осуществлении второй части плана, намеченного кыргызами около середины 60-х годов, т.е. об уходе из Хагяса, что и произошло в 1703 году. Таким образом, кыргызы покинули свою древнюю страну и она почти опустела.

Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

Бернштам А.Н. История кыргызов и Кыргызстана с древнейших времен до монгольского нашествия. (Из тезисов докторской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета Института Истории АН СССР 24 августа 1942 г) // Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.-Л., 1947. Вып. XVI.

Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе. 1941.

Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов.-Л.1951

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений, о народах, обитавших в Средней Азии в Древние времена. Т.1.-М.-Л.-1950.

Бутанаев В.Я. Исторические судьбы енисейских кыргызов по данным фольклора народов Южной Сибири. В сб.: Вопросы этнической истории кыргызского народа.-Фрунзе.-1989.

Бутанаев В.Я. Происхождение хакасов по данным этнонимии.// Историческая этнография. Традиции и современность.- Л.1983. вып.-2.

Боровкова Л.Б. Запад Центральной Азии во II в. до н.э.- VII в. н.э.-М.1989.

Воробьев М.В. К вопросу об определении старинных китайских монет Каюань Тунбао.-ЭВ. вып.XV.-М.Л.-1963.

Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне.-Санкт-Петербург.-1897.

Вестник АН Казахской СС. № 11(164). А-Ата.1958.

Всемирная история (в десяти томах). Т. II. М.-Л., 1956.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.; Л.:Изд-во АН СССР. Ленингр. отд.-ние, 1960. - 360 с.

Грум-Гржимайло Г.Е. Киргизы. Л.1933.

Грязнов М.П. Миниатюры Таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции.-1968-вып.3.-1971.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ-как источник по истории алтайских племен.-М.-1965.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. т.II.-Л.1926.

Длужневская Г.В. Памятники енисейских кыргызов за Саянами.-В кн.: Археология Северной Азии.-Новосибирск.-1982.

Древние авторы о Средней Азии. Ташкент.-1940.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).-Абакан-1948.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Чаа-тас у с. Копены.-Тр. ГИМ. №XI. 1940.

Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в Древние времена. Спб. 1851. ч.1. отд.IV. Жуань-жуань; ч.II. отд.VI. Тугю; Ч.I. отд. II. Хакаянсы-Хагяс; ч. I. отд. I, Хунну; ч. I. отд. VII. Повествование о Доме Хойху; ч.I. отд. III. Сянби; ч. III. отд. II. Повествование о Западном крае; ч. I. отд.II. Хусе.

История Сибири (С древнейших времен до наших дней). Т. I.-Л.1968.

История Киргизской ССР.-Фрунзе. 1984. т.I.

Кызласов Л.Р. Взаимоотношения терминов Хакас и кыргыз в письменных источниках VI-XII вв. // Народы Азии и Африки. 1968. №4.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. 1951.

Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.-М.1961.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха.-М.1960.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г.-В кн.: Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартянова, т.VI, вып.2.-Минусинск. 1929.

Караев О. О переселении енисейских кыргызов. В сб.: Вопросы этнической истории кыргызского народа.-Фрунзе, -1989.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии.-М. 1964

Караев О. История Караханидского каганата.-Фрунзе 1983.

Кюннер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII- VIII вв.// Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Записки. вып. II. 1951.

Древние города Монголии // Советская археология. 1957. №2.

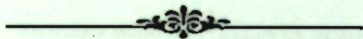
Кычанов Е.И. Сведения Юань-Ши о переселениях киргизов в XIII в.-Изв. АН Кирг. ССР. Т.5. История. вып.1.-Фрунзе. 1963.

Козин С.А.Сокровенное сказание.-М.1941.

Козьмин Н.Н. Хакасы. Историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края.

Левашова В.П. Два могильника кыргызов (хакасов).-МИА, №24, 1952.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. вып.1.-М. 1973

Могильников А. Тюрки.-в кн.: Степи Евразии в эпоху Средневековья.-М. 1981.

Мартынов А.И., Мартынова Г.С. Кулемзин А.М.-Шестаковские курганы.-Кемерово. 1971.

Маршак Б.И. Согдийское серебро.-М.1971.

Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. Т.2.-Новосибирск.1974.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IV-XII вв.-Т.2.-Новосибирск. 1974.

Мокеев А.М. Сообщения Мукаддима -йи Зафар-наме Шараф ад-Дина Али Йезди о взаимоотношениях кыргызов с монголами в начале XIII в. Изв. АН Республики Кыргызстан. Общественные науки. №1. 1991.

Неверов С.В. История изучения памятников сротскинской культуры Алтая.- Барнаул. 1980.

Орхон- Енисей тексттери.-Фрунзе. 1982.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев.-М.Л.1953.

Памятники Сибирской истории XVIII в. Т. I.-Спб. 1882. №15 и 37.

Потапов Л.П. Краткие очерки по истории и этнографии хакасов.-Абакан. 1952.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности.-Абакан. 1957.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей .-М.-Л.1952.-Т.I.-кн. 1, 2.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. - М.; Л.:Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение, 1960.

Супруненко Г.П. Некоторые источники по древней истории кыргызов. В кн. История и культура Китая.-М. 1974.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху.-Л.1984.

Савинов Д.Г. Осинковский могильник на Северном Алтае.-АО.-1970 -М.1971.

Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века Ли вэй гунн хой чин ипинь цзи. // Изв. АН Кирг. ССР. Т.5. вып. 1. Ф. 1963. История.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком приложении).-М.Э. (Материалы по этнографии), т. IV. вып. 2. 1929.

Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам).-М. 1968.

Толстов С.П. Древний Хорезм.- М.1948.

Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня.-Изв. алтайского отдела ВГО СССР, вып. 11. 1970.

Уманский И.И. Самая старая турецкая карта мира. Труды Самаркандского педагогического института им. Горького.- Самарканд.-1940-г.1. вып.1.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-VIII вв.- Новосибирск. 1989.

Худяков Ю.С. Кыргызы в Центральной Азии. В сб.: Вопросы этнической истории кыргызского народа.-Фрунзе.- 1989.

Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII-XVIII вв.-М.1978.

Эсен уулу Кылыч. Древние кыргызы. Кыргызы в Средней Азии.-Бишкек.-1993.

Эсен уулу Кылыч. Азия или кочевники «Азы».-Бишкек. 1993.

Эсен уулу Кылыч
**Хагяс. История енисейских
кыргызов.**

Оформление и дизайн книги: Эсен уулу Кылыч

Гарнитура «Book Antiqua». Кегель 11. Формат 60 X84
Объем: 16,75. Тираж: 300 экз. Заказ № 75.
Отпечатано в типографии «Алтын Принт»
г. Бишкек, ул. Орозбекова, 44.
Тел.: 62-13-10

